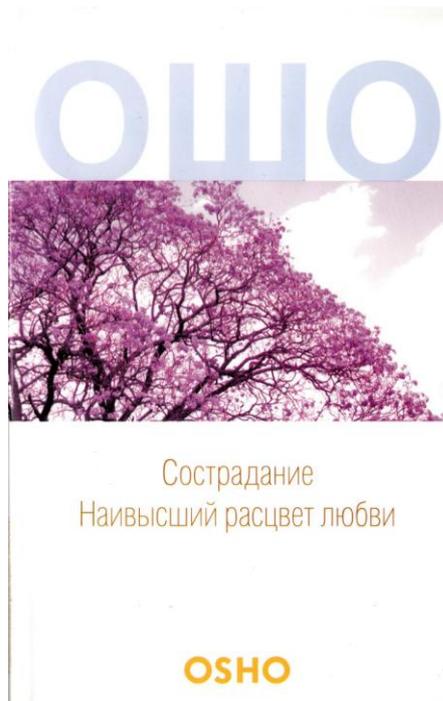

ОШО

Сострадание: Наивысший расцвет любви

Ошо

Сострадание: Наивысший расцвет любви / Ошо. — М.: АСТ, 2009. — 190, [2] с. — (Ключи к новой жизни).

ISBN 978-5-17-04856Q-4

Перевод с английского *А. Ю. Долгачевой*

В книге собраны выдержки из бесед Ошо, в которых он учит нас жить, принимая и любя себя, окружающих и все сущее. Зрелой любовью он называет сострадание. «Сострадание, — говорит Ошо, — прежде всего означает, что вы принимаете недостатки и слабости других людей и не ожидаете, что они будут вести себя как боги. Вы признаете достоинство каждого человека, вы помогаете людям осознать то, что просветление заложено в природу каждого человека».

Предисловие

Мы знаем, что такое страсть, поэтому не трудно понять, что такое сострадание*. Страсть — это состояние физиологической лихорадки, это

* На английском языке страсть — «passion», сострадание — «compassion».

неистовое состояние, в котором вы одержимы физиологической, бессознательной энергией. Вы себе больше не хозяин, вы — раб.

Сострадание же означает, что вы превзошли физиологию. Вы больше не раб, вы стали хозяином. Теперь вы действуете сознательно. Вами не управляют и не помыкают бессознательные силы, вы сами решаете, что делать со своей энергией. Вы совершенно свободны. Теперь та же энергия, которая была страстью, трансформируется в сострадание.

Страсть — это похоть, сострадание — любовь. Страсть — это желание, сострадание — отсутствие желания. Страсть — жадность, сострадание — щедрость. Страсть стремится использовать другого как средство, сострадание уважает другого как саму цель. Страсть привязывает вас к земле, к грязи — вам никогда не стать лотосом. Сострадание превращает вас в лотос. Вы начинаете подниматься над низменным миром желаний жадности и гнева. Сострадание — это трансформация вашей энергии.

В обычном состоянии вы разделены на части, фрагментарны. Одна часть вашей энергии поглощается гневом, другая — жадностью, третья — похотью, и так далее. И вокруг вас так много желаний, что у вас совсем не остается энергии, вы опустошены, пусты.

Если помните, Вильям Блейк говорит: «Энергия — это наслаждение». Это глубочайшее откровение. Но у вас совсем не остается энергии, она постоянно тратится впустую. Когда вы перестаете транжирить свою энергию, она наполняет ваше внутреннее озеро, ваше существо. Вы наполняетесь. В вас возникает наслаждение. А когда вы переполняетесь, вы становитесь буддой — вы открываете неистощимый источник энергии.

И только когда вы станете буддой, вы начнете испытывать сострадание. Это хладнокровная любовь — заметьте, не холодная, хладнокровная. Вы делитесь своей радостью со всем сущим. Вот что такое сострадание. Страсть — это проклятие, сострадание — благодать.

Сострадание, энергия и желание

Будда жил в течение сорока лет после того, как стал просветленным. После того как закончились все его желания и исчезло эго, он прожил еще сорок лет. Очень часто его спрашивали: «Почему ты все еще в теле?» Это ведь нелогично: зачем Будде существовать в теле еще хотя бы мгновение? Когда дело закончено, следует исчезнуть. Когда нет желаний, как тело может продолжать жить?

Необходимо понять одну очень глубокую вещь. Когда исчезает желание, энергия, которая наполняла желание, остается, она не может исчезнуть. Желание — это просто форма энергии, вот почему одно желание можно превратить в другое. Гнев может стать сексом, секс — гневом. Секс может стать жадностью, поэтому, когда вы видите очень жадного человека — знайте, что он не очень сексуален. Если же он непомерно жаден, он вообще не сексуален, в его жизни нет даже места для секса, потому что вся его

энергия уходит в жадность. А если вы увидите очень сексуального человека, то наверняка обнаружите, что он не жаден, потому что на жадность энергии не осталось. Человек, который подавил свою сексуальность, будет вспыльчив, его гнев всегда будет готов вырваться наружу. Он будет замечен в его глазах и на лице: вся его сексуальная энергия превратилась в гнев.

Вот почему так называемые монахи и *садху* всегда полны гнева. Гнев проявляется в их походке, в их взгляде. Их спокойствие — лишь тонкая оболочка: заденьте их, и они тут же взорвутся от гнева. Секс становится гневом. Это формы, жизнь же — энергия.

Что происходит, когда исчезают все желания? Энергия не может исчезнуть, она неистребима. Спросите физиков, даже они скажут, что энергию нельзя уничтожить. Определенная энергия существовала в Гаутаме Будде, когда он стал просветленным. До этого она питала секс, гнев, жадность и миллион других проявлений. Затем, когда все эти формы исчезли, — что стало с энергией? Энергия не может прекратить свое существование, и когда нет желаний, она теряет форму, но все равно продолжает существовать. Какова ее функция теперь? Энергия становится состраданием.

Вы не можете испытывать сострадание, потому что у вас нет энергии. Вся ваша энергия разделяется и распределяется на различные формы: иногда на секс, иногда на гнев, иногда на жадность. Сострадание — это не форма. Только когда все желания исчезают, энергия становится состраданием.

Сострадание невозможно культивировать. Но когда у вас нет желаний, возникает сострадание, вся ваша энергия переходит в сострадание. В сострадании энергия движется иначе. В желании есть мотивация, цель; сострадание не мотивировано, в нем нет цели. Сострадание — это энергия, переливающаяся через край.

Сострадание — это зрелая любовь

Гаутама Будда первым среди мистиков придал состраданию особое значение и тем самым положил начало новой эпохе. До него было достаточно медитации, никто не подчеркивал важность сострадания вкупе с медитацией. Медитация приносит просветление, расцвет, наивысшее самовыражение — казалось бы, что еще нужно? Для человека медитации вполне достаточно. Величайшая заслуга Будды состоит в том, что он учил, прежде всего, состраданию и лишь потом медитации. Вначале необходимо развить в себе любовь, доброту и сострадание.

За этим кроется тайное знание. Если до просветления ваше сердце исполнено состраданием, то есть вероятность того, что после медитации вы поможете другим достичь такой же красоты, таких же высот и такого же празднования, каких достигли и вы. Благодаря Гаутаме Будде просветление становится заразительным.

Но если человек чувствует, что он вернулся домой, то зачем ему беспокоиться о других? Будда впервые говорит о том, что просветление

должно быть неэгоистичным, что оно должно быть социальной ответственностью. Это кардинальное изменение во взгляде на этот феномен. Прежде чем случится просветление, необходимо научиться состраданию. Если не научиться ему заранее, то после просветления учиться будет нечему. Когда вы погружаетесь в экстаз, тогда кажется, что даже сострадание может стать препятствием вашей радости, помехой вашему экстазу. Вот почему просветленных было много, а мастеров очень мало.

Быть просветленным — еще не значит быть мастером. Быть мастером — значит испытывать бесконечное сострадание и чувство стыда от того, что вы один отправляетесь в прекрасные пространства, открытые просветлением. Это значит — желать помочь людям, которые еще слепы, блуждают в темноте и идут на ощупь. Помощь становится радостью, а не помехой. Более того, когда вы видите, как вокруг вас расцветают другие люди, и осознаете, что вы не одинокое цветущее дерево в высохшем лесу, ваш экстаз становится еще интенсивнее. Когда вместе с вами цветет весь лес, радость возрастает в тысячи раз, ваше просветление совершает революцию во всем мире.

Гаутама Будда — не только просветленный, он еще и просветленный революционер. Его забота о мире и людях безгранична. Наставляя своих учеников, он говорил: «Когда вы медитируете и чувствуете тишину, покой, когда вас переполняет безграничная радость, не прячьте это состояние, подарите его всему миру. И не волнуйтесь: чем больше вы будете его отдавать, тем больше будет ваша способность получать это состояние. Способность отдавать обладает огромной важностью, стоит лишь понять, что, отдавая, вы ничего не теряете, а, наоборот, приобретаете еще больше. Но тот, кому чуждо сострадание, не знает секрета способности отдавать и делиться с другими».

Однажды один из учеников Будды, мирянин — он не был саньясином, но был очень предан Гаутаме Будде, — сказал: «Я сделаю это... но с одним исключением. Я подарю всю мою радость, всю мою медитацию и все мои внутренние сокровища всему миру — за исключением моего соседа, потому что он очень мерзкий тип».

Соседи всегда враждуют. Гаутама Будда сказал ему «Тогда забудь про весь мир и сделай подарок только своему соседу».

Ученик растерялся: «Как это?»

Будда сказал: «Если ты сможешь сделать подарок соседу, только тогда ты освободишься от своего враждебного отношения к людям».

Сострадание прежде всего означает, что вы принимаете недостатки и слабости других людей и не ожидаете, что они будут вести себя как боги. Подобное ожидание жестоко, потому что они не смогут вести себя как боги и потеряют ваше уважение, а также и самоуважение. Вы их серьезно покалечите, нанесете ущерб их чувству собственного достоинства.

Сострадание основывается на том, что вы признаёте достоинство каждого человека, вы помогаете людям осознать то, что произошедшее с вами может произойти и с ними, что нет безнадежных и никчемных людей, что

просветление не есть нечто, что необходимо заслужить, что оно заложено в саму природу каждого человека

Но эти слова должны исходить из просветленного человека, только в этом случае они вызовут доверие. Если они будут сказаны непросветленными учеными, им не поверят. Слово, произнесенное просветленным, начинает дышать, в нем начинает биться его собственное сердце. Оно становится живым и проникает прямо в ваше сердце, это не интеллектуальная гимнастика. У ученых — все иначе. Они сами не уверены в том, что говорят, о чем пишут. Они пребывают в такой же неуверенности, что и вы.

Гаутама Будда — одна из вех в эволюции сознания; его вклад безмерен. И самым важным в его вкладе является идея сострадания. Но вы должны помнить, что, сострадая, вы не становитесь выше, — иначе вы все испортите. Сострадание превратится в деятельность эго. Помните, что ваше сострадание не должно унижать другого человека, в противном случае оно перестанет быть состраданием: прикрываясь словами, вы будете наслаждаться унижением других.

Необходимо понять, чем является сострадание, потому что оно является любовью, достигшей своей зрелости. Обыкновенная любовь — ребячество, милая игра для подростков. Чем быстрее вы вырастаете из нее, тем лучше, потому что такая любовь — слепая физиологическая сила. Она не имеет ничего общего с вашим духовным ростом, вот почему все любовные связи приводят к мучениям. То, что было таким притягательным, захватывающим, манящим, то, ради чего вы готовы были умереть... Вы и сейчас готовы умереть — только бы избавиться от него.

Любовь — слепая сила. Счастливы лишь те влюбленные, которым не удалось завладеть друг другом. Все великие истории о таких влюбленных... Лейла и Маджнун, Ширин и Фархад, Сони и Махивал — эти три восточные истории о великой любви можно сравнить с историей о Ромео и Джульетте. Все эти влюбленные хотели быть вместе, но всё на свете — родители, общество — препятствовало их союзу. И я думаю, что это, пожалуй, и к лучшему. Как только влюбленные женятся, любовь исчезает.

Маджнуну повезло, что ему не удалось добиться Лейлы. Что происходит, когда встречаются две слепые силы? Поскольку обе силы слепы и бессознательны, их встреча не может привести к великой гармонии. Результатом такой встречи может стать лишь борьба за власть, унижение и всевозможные конфликты.

Любовь всегда адресована одному человеку, и в ее основе лежит желание обладать этим человеком. Точно такое же желание испытывает и вторая сторона, в результате оба влюбленных оказываются в сущем аду. Но когда страсть становится осознанной, вся энергия любви очищается и превращается в сострадание.

Сострадание не адресовано никому. Сострадание — это не взаимоотношения, это ваше бытие. Вы испытываете сострадание ко всему сущему — к деревьям, к птицам, к животным, к людям — безоговорочно, ничего не требуя взамен. Сострадание — это свобода от слепой физиологии.

Пока вы не стали просветленными, вам необходимо внимательно следить за тем, чтобы ваша энергия любви не подавлялась. Подавление — это то, что делают религии: они учат вас осуждать физиологические проявления любви. В результате вы подавляете свою энергию любви, а ведь она может быть трансформирована в сострадание!

При осуждении теряется возможность трансформации. Поэтому ваши святые абсолютно лишены сострадания, в их глазах вы не увидите и проблеска сострадания. Они черствы и бессердечны. Достаточно сутки прожить со святым, чтобы понять, что такое ад. Люди, наверно, знают об этом, поэтому они прикасаются к стопам святого и немедленно убегают.

Один из величайших философов нашей эпохи, Бертран Рассел, категорически заявил: «Если ад и рай существуют, я хочу отправиться в ад». Почему? Чтобы избежать встречи со святыми, потому что в раю полно всех этих мертвых, тупых, скучных святых. Вот Бертран Рассел и говорит: «Я не смог бы и минуты выдержать в такой компании. Л представьте себе вечность в окружении этих трупов, которые не знают ни любви, ни дружбы, ни отдыха...»

Святой остается святым семь дней в неделю. Ему нельзя даже один день, в воскресенье, побыть в свое удовольствие человеком. Нет, он сохраняет свою чопорность, и со временем она только растет.

Я одобряю выбор Бертрана Рассела отправиться в ад, потому что понимаю, что он имеет в виду. Он говорит о том, что в аду вы обнаружите всех самых колоритных людей мира: поэтов, художников, бунтарей, ученых, творческих личностей, танцоров, певцов, музыкантов. Ад на самом деле должен быть раем, потому что рай — это сущий ад!

В мире все пошло не так, и причиной тому — подавление энергии любви. Послание Гаутамы Будды заключается в следующем: «Не подавляйте свою энергию любви. Очищайте ее и для очищения используйте медитацию» Таким образом, возрастая, медитация очищает энергию любви и превращает ее в сострадание. В результате к тому времени, когда медитация достигнет своего апогея и расцветет прекрасным переживанием просветления, созреет и сострадание. Просветленный человек сможет позволить своей энергии перетекать — теперь он обладает всей энергией мира — через корни сострадания ко всем, кто готов ее воспринять. Только такой человек становится мастером.

Стать просветленным легко, но стать мастером очень трудно, потому что для этого требуется медитация плюс сострадание. Медитация сама по себе дается легко, сострадание само по себе дается легко, но одновременное развитие и того и другого — очень непростое дело.

Люди, которые просветлели, но не делятся своим опытом, потому что не испытывают сострадания, не способствуют эволюции сознания на земле. Они не повышают уровень развития человечества. Только мастера были способны повышать сознание. Если у вас есть хоть малая толика сознания, вы этим обязаны тем немногочисленным мастерам, которые сохранили сострадание даже после просветления.

Вам это трудно понять... но просветление настолько захватывает, что просветленные обычно забывают обо всем на свете. Они настолько удовлетворены, что совершенно неспособны думать о всех тех миллионах людей, которые на ощупь, сознательно или бессознательно, правильно или неправильно также пытаются достичь просветления. Если же присутствует сострадание, об этих людях невозможно забыть. В сущности, именно в этот момент у вас есть то, что вы можете дать, то, чем вы можете поделиться. Возможность делиться — это такая радость! Постепенно, через сострадание вы познаете, что, чем больше даешь, тем больше имеешь. Если вы сможете делиться своим просветлением, оно приобретет больше насыщенности, жизни, празднования, многогранности.

Просветление может иметь только одну грань — именно такое просветление происходит со многими людьми. Оно приносит им величайшее удовлетворение, и они исчезают в истоке всего сущего. Но просветление может быть также и многогранным, оно может осыпать этот мир цветами блаженства. А вы в долгу перед ним, потому что вы — его дети на этой земле.

Заратустра сказал: «Никогда не предавайте землю. Даже в зените славы не забывайте о земле: она ваша мать. И не забывайте о людях. Они могут вам мешать, быть вашими врагами. Возможно, они пытались всеми способами уничтожить вас, может быть, они вас уже распяли, забросали до смерти камнями или отравили — все равно не забывайте их. Что бы они ни делали, они делали это бессознательно. Если вы не можете простить их, то кто их простит? Если же вы их простите, вы станете несметно богаты».

Постарайтесь не способствовать развитию в себе всего того, что противится состраданию. Такими противниками сострадания являются ревность, соперничество и стремление господствовать. Все эти проявления ослабляют его. Как только вы почувствуете, что ваше сострадание ослабевает, значит, вы делаете нечто, что идет с ним вразрез. Вы можете отравить свое сострадание глупостями, которые не дадут вам ничего, кроме волнений, мучений, борьбы и пустой траты бесконечно драгоценной жизни.

Есть один замечательный анекдот:

Пэдди вернулся домой на час раньше, чем обычно, и обнаружил, что его жена лежит в постели совершенно голая. Когда он спросил о причине, она объяснила: «В знак протеста: из-за того, что мне нечего носить». Пэдди распахнул дверь шкафа: «Ну что за глупости, — сказал он. — Посмотри сюда. Вот и желтое платье, и красное, и ситцевое, и брючный костюм... Привет, Билл! И зеленое платье...»

Вот что такое сострадание! Сострадание к жене, к Биллу. Ни ревности, ни драки, просто: «Привет, Билл! Как дела?» — и продолжает перебирать платье. Он даже не спрашивает: «Что ты делаешь в моем шкафу?»

Сострадание — это понимание. Это самое тонкое понимание, на которое только способен человек.

Человека сострадания не должны волновать пустяки, происходящие каждую минуту в нашей жизни. Только при этом условии, косвенно, вы

сможете помочь своей энергии сострадания накапливаться, кристаллизоваться, становиться сильнее и подниматься вместе с медитацией. И тогда, в тот день, когда наступит момент блаженства, когда вы наполнитесь светом, у вас будет, по крайней мере, один товарищ — сострадание. Ваша жизнь тут же изменится, потому что теперь вы обладаете таким богатством, что способны осчастливить весь мир.

Хотя Гаутама Будда и не хотел, но, в конце концов, он был вынужден разделить своих учеников на две категории. Первую категорию он назвал *архаты*: просветленные, но без сострадания. Они вложили все свою энергию в медитацию, но не послушали, что Будда говорил о сострадании. Вторую категорию он назвал *бодхисатвы*: просветленные с состраданием. Они восприняли послание Будды о сострадании и не спешат на тот берег, желая задержаться на этом со всеми его трудностями, чтобы помочь людям. Их корабль прибыл, и капитан говорит им: «Не теряйте даром время, вас ждут на том берегу, который вы искали всю свою жизнь». Но они убеждают капитана подождать немного, чтобы успеть поделиться своей радостью, своей мудростью, своим светом и своей любовью с теми людьми, которые искали того же. У них появляется чувство уверенности: «Да, тот берег существует, и, когда ты созреваешь, приплывает корабль и переправляет тебя туда. На том берегу — пристанище бессмертных, там нет горя, а жизнь — это песня и танец из мига в миг. Но, прежде чем я покину этот мир, позвольте мне хотя бы намекнуть людям об этом».

И мастера всячески пытались ухватиться за что-нибудь, чтобы их не унесло на тот берег. Будда считал, что сострадание — больше всего подходит для этой цели, потому что, в конечном счете, сострадание — это тоже желание. Идея помощи другому — это тоже желание, и, пока вы держитесь за это желание, вас не унесет на тот берег. Это очень тонкая ниточка, связывающая вас с этим миром. Все разрушено, все цепи разорваны — кроме одной тоненькой ниточки любви. Будда призывает: держитесь за эту ниточку до последнего и, пока есть люди, нуждающиеся в помощи, — помогайте им.

Ваше просветление не должно быть эгоистичным, оно не должно быть только вашим, вы должны поделиться им с как можно большим количеством людей. Только так можно повысить уровень сознания на земле, которая дала вам жизнь, которая дала вам шанс просветлеть.

Пришло время отблагодарить землю, хотя нельзя сполна воздать ей за все, что она вам дала. Но дайте и вы ей хоть что-нибудь — хотя бы два цветка — в знак благодарности.

Медитация — цветок, сострадание — аромат

Медитация — это цветок, а сострадание — его аромат.

Все происходит именно так. Цветок расцветает, и его аромат разносится ветром во все стороны, до края света. Но основное — это цветение цветка.

В человеке также заложен потенциал цветения. И до тех пор, пока внутренняя сущность человека не расцветет, аромат сострадания невозможен. В сострадании нельзя упражняться. Сострадание — это не дисциплина. Им нельзя управлять. Оно — выше вас. Если вы медитируете, тогда однажды вы осознаете новое, совершенно незнакомое явление: из вашего существа исходит сострадание ко всему существованию. Неориентированное, неадресованное, оно распространяется на все сущее.

Без медитации энергия остается страстью, с медитацией та же энергия становится состраданием. Страсть и сострадание — это не две разные энергии, это одна и та же энергия. Проходя через медитацию, она трансформируется, преобразуется и становится качественно другой. Страсть направлена вниз, сострадание — вверх; страсть выражается желанием, сострадание — отсутствием желания; страсть — это занятие, отвлекающее от невзгод, сострадание — это празднование, танец достижения, реализации... вы настолько самореализованы, что можете делиться с другими. Больше ничего не осталось: вы выполнили свое предназначение, которое носили в себе тысячелетиями как нереализованный потенциал, как нераспустившийся бутон. Теперь он расцвел и танцует. Вы достигли конечной цели, вы реализовали свой потенциал, больше не к чему стремиться, некуда идти, нечего делать.

Что теперь будет происходить с вашей энергией? Вы начнете ею делиться. Та же энергия, которая двигалась в темных пластах страсти, теперь светлыми лучами будет возноситься вверх, не загрязненная ни желанием, ни обусловленностью. Она не испорчена какой бы то ни было мотивацией, поэтому я называю ее ароматом. Цветок ограничен, он раб корней, но аромат — свободен. Он летает на крыльях ветра, он совершенно не привязан к земле.

Медитация — это цветок. У нее есть корни. Она существует внутри вас. Как только возникает сострадание, она теряет корни и приходит в постоянное движение. Будда исчез, но его сострадание осталось. Рано или поздно цветок умрет — он часть земли, и прах вернется к праху, — но аромат, который он выпускал, останется навсегда. Будда ушел, Иисус ушел, но их аромат остался. Их сострадание все еще здесь, и все, кто откроется ему, мгновенно почувствуют его воздействие, оно их взволнует и побудит к новому путешествию, к новому паломничеству.

Сострадание не ограничивается цветком: оно исходит от цветка, но не принадлежит ему. В сущности, оно исходит свыше и проходит через цветок, цветок — это всего лишь канал. Сострадание не может возникнуть без цветка: цветок — это необходимая стадия его проявления, но оно не принадлежит цветку. Как только цветок распускается, сострадание выпускается на волю.

Это необходимо как следует понять, иначе вы можете начать практиковаться в сострадании, но тогда оно не будет истинным ароматом. Практикуемое сострадание — это та же страсть под другим именем. Это всё та же загрязненная желанием, испорченная мотивацией энергия, и она может представлять собой большую опасность для других людей, потому что от

имени сострадания вы можете разрушать их и насаждать рабскую зависимость. Это не сострадание, и, если вы в нем практикуетесь, вы ведете себя неестественно, формально — по сути, лицемерно.

Первое, что нужно запомнить — это то, что в сострадании невозможно практиковаться. Это то, что не поняли последователи всех великих духовных учителей. Будда достиг сострадания посредством медитации — теперь буддисты упражняются в сострадании. Иисус достиг сострадания посредством медитации — теперь христиане, христианские миссионеры упражняются в любви, сострадании, служении человечеству. Однако, как показывает жизнь, их сострадание приносит в мир одни разрушения. Оно провоцирует войны и уничтожает миллионы людей. В конечном итоге такое сострадание лишает христиан свободы.

Истинное сострадание освобождает, дает свободу, но такое сострадание должно прийти через медитацию, у него нет иного пути. Будда сказал, что сострадание — побочный продукт, следствие. Нельзя вначале получить следствие, нужно действовать и породить причину, тогда появится и следствие. Таким образом, если вы действительно хотите понять, что такое сострадание, вы должны понять, что такое медитация. Забудьте о сострадании, оно придет само по себе.

Постарайтесь понять, что такое медитация. Сострадание может стать критерием правильности медитации. Если медитация была правильной, обязательно появится сострадание — это естественно, оно возникнет словно тень. Если медитация была неправильной, тогда сострадание не появится. Таким образом, сострадание может служить критерием правильности медитации. А медитация действительно может быть неправильной. У людей сложилось ошибочное представление, что все медитационные техники правильные. Это не так. Медитационные техники могут быть неверными. Например, любая медитационная техника, вводящая вас в глубокую концентрацию, неправильная — она не приведет к состраданию. Вместо того чтобы стать открытыми, вы постепенно станете более закрытыми. Если вы будете сужать свое сознание, концентрироваться на чем-то одном, исключая все остальное существование и фокусируясь на одной его точке, в вас будет появляться все больше и больше напряжения. По-английски «внимание» — «attention», что значит «at-tension», то есть «в напряжении».

Концентрация может быть полезной, но она не является медитацией. Концентрация необходима в научной работе, в научном исследовании, в научной лаборатории. Там вы сосредотачиваетесь на одной проблеме, исключив все остальное, — причем настолько сильно, что практически забываете обо всем остальном мире. Теперь ваш мир — это исследуемая проблема. Вот почему ученые становятся рассеянными. Люди, которые слишком много концентрируются, всегда становятся рассеянными, потому что не знают, как оставаться открытыми всему миру.

Я как-то прочел один анекдот:

«Я купил лягушку, — сообщил профессор зоологии классу, радостно улыбаясь. — Она прямо из пруда. Мы сможем изучить ее внешний вид и

затем препарировать». Он осторожно развернул сверток, который принес, и обнаружил внутри старательно приготовленный бутерброд с ветчиной. Милейший профессор с изумлением посмотрел на него. «Как странно! — воскликнул он. — Я отчетливо помню, что съел свой ланч».

Такое постоянно происходит с учеными. Они сосредотачиваются па чем-то одном, и их ум сужается. Конечно, от суженного ума тоже есть польза: он становится более пронизательным, словно острая игла, и попадает прямо в точку. Но упускает все великолепие жизни вокруг.

Будда — не человек концентрации, а человек осознанности. Он не пытался сузить свое сознание, наоборот, он старался разрушить все барьеры, чтобы оно полностью стало доступно существованию. Смотрите: существование синхронно. Я говорю, и одновременно слышится шум уличного движения. Поезд, птицы, ветер, шумящий в деревьях, — настоящий момент вбирает в себя все существование мира. Вы слушаете меня, я говорю с вами, параллельно происходит миллион других вещей — существование необычайно богато.

Концентрация достается дорогой ценой: девяносто девять процентов жизни остается без внимания. Если вы решаете математическую задачу, то вы не можете слушать пения птиц — они отвлекают. Играющие вокруг дети, лающие на улице собаки — все будет вас отвлекать. Стремясь к концентрации, люди пытались убежать от жизни: поехать в Гималаи, уйти в пещеру, уединиться, чтобы сконцентрироваться на Боге. Но Бог — это не объект. Бог — это целостность существования, это настоящий момент, Бог — это тотальность. Поэтому наука никогда не сможет постичь божественность. Методом науки является концентрация, и посредством этого метода наука никогда не познает божественное.

Она может узнавать все больше и больше мельчайших подробностей. Вначале считалось, что самой маленькой частицей является молекула, затем она была разделена. После чего стала известна частица еще меньше — атом. Затем методы концентрации и его разделили. Теперь есть электроны, протоны, нейтроны — рано или поздно и они будут разделены. Наука продвигается от малого к меньшему, а о большем, о бесконечности совершенно забывает. Ради части она пренебрегает целым. При помощи концентрации наука никогда не постигнет божественное. Поэтому, когда ко мне приходят люди и говорят: «Ошо, научи нас концентрации, мы хотим познать божественное», я недоумеваю. Они не поняли суть поиска.

Наука сосредоточивается на части, поиск направлен на целое. Религиозность — это одновременность; ее объектом является целое, тотальное. Чтобы познать целое, необходимо иметь сознание, открытое всем его граням, — не ограниченное, не стоящее в окне, иначе оконная рама станет рамками существования. Стоять под солнцем на открытом воздухе — вот что такое медитация. У медитации нет рамок, нет рамы, она не окно, она — дверь. Медитация — это не концентрация, не внимание; медитация — это осознание.

Так что же делать? Повторение мантры и трансцендентная медитация не помогут. Трансцендентная медитация (ТМ) стала очень популярна в Америке благодаря объективному подходу, благодаря ученому уму. Это единственная медитационная техника, поддающаяся научному исследованию. Это концентрация, а не медитация, поэтому она доступна научному уму. ТМ активно изучалась в университетах, в лабораториях, ее исследовали психологи, потому что она *не является* медитацией. ТМ — это концентрация, метод концентрации; она попадает под ту же категорию, что и научная концентрация, они связаны друг с другом. Однако она не имеет ничего общего с медитацией. Медитация настолько безгранична, настолько бесконечна, что ее невозможно подвергнуть научному исследованию. Только сострадание может продемонстрировать, достиг ли человек успеха в медитации или нет. Альфа-волны не помогут, потому что они принадлежат уму, медитация же неподвластна уму, медитация — это нечто, находящееся за пределами ума.

Итак, позвольте сказать вам кое-что важное. Во-первых, медитация — это не концентрация, а расслабление: нужно просто расслабиться. Чем больше вы расслабляетесь, тем больше вы чувствуете себя открытыми, уязвимыми. Вы становитесь более восприимчивыми, более гибкими, и внезапно в вас начинает проникать существование. Вы больше не камень, в вас появились отверстия. Расслабление означает, что вы позволяете себе впасть в состояние полного безделья, потому что, если вы хоть что-нибудь делаете, напряжение остается. Это состояние *неделания*. Вы просто расслабляетесь и наслаждаетесь ощущением расслабления. Расслабьтесь, закройте глаза и слушайте все, что происходит вокруг. Ничто не должно восприниматься как отвлекающий внимание раздражитель. Как только вы почувствуете, что нечто является таким раздражителем, вы отвергнете божественное. В данный момент оно пришло к вам в виде птички. Не отворачивайтесь от него! Божественное постучало в вашу дверь в виде птицы. В другой раз оно придет в виде лая собаки, плача ребенка или смеха сумасшедшего. Не отрицайте его, не отвергайте.

Принимайте — если вы отрицаете, вы напрягаетесь. Любое отрицание создает напряжение. Принимайте. Если вы хотите расслабиться, принимайте. Принимайте все, что происходит вокруг, пусть оно станет для вас органичным целым. Оно таким и является — известно вам это или нет, но все взаимосвязано. Эти птицы, деревья, это небо, солнце — земля, вы, я — все взаимосвязано. Все является органичным целым. Если исчезнет солнце, исчезнут деревья; если исчезнут деревья — исчезнут птицы; если птицы и деревья исчезнут, исчезнете вы. Это экология. Все тесно связано друг с другом. Поэтому ничего не отрицайте — как только вы отрицаете что-либо, вы отрицаете нечто в себе самих. Если вы отрицаете этих поющих птиц, вы отрицаете нечто внутри вас.

Но если вы твердите какую-нибудь глупую мантру, вы будете думать, что это птицы глупые. Если вы про себя повторяете какую-нибудь чепуху или думаете о каких-то мелочах — можете называть это философией или рели-

гией, — тогда птицы будут вам мешать. На самом деле их звуки — божественны. Птицы ничего не говорят, они просто переполнены наслаждением. Их песня ничего не значит, кроме того, что энергия в них бьет через край. Они хотят поделиться ею с существованием, с деревьями, цветами, с вами. Им нечего сказать, они просто есть.

Если вы расслабляетесь, вы принимаете; принятие существования — это единственный способ расслабиться. Если вы беспокоитесь по пустякам, причиной беспокойства на самом деле являются не сами пустяки, а ваше отношение к ним. Молча сядьте, слушайте все, что происходит вокруг, и расслабьтесь. Принимайте, расслабьтесь — и вдруг вы почувствуете, что внутри вас поднимается мощная энергия. Почувствовав эту энергию, вы начнете глубже дышать. Обычно ваше дыхание поверхностно, и иногда, если вы пытаетесь сделать глубокий вдох, если вы начинаете заниматься йогой и дышать, вы напрягаетесь, делаете усилие. Это усилие не нужно. Просто принимайте жизнь, расслабляйтесь, и внезапно вы увидите, что ваше дыхание стало глубже. Расслабьтесь еще больше, и дыхание станет еще глубже. Оно станет медленным, ритмичным; оно начнет доставлять вам наслаждение. Тогда вы поймете, что дыхание является мостом между вами и целым.

Просто наблюдайте. Ничего не делайте. Когда я говорю «наблюдайте», *не старайтесь* наблюдать, иначе вы снова станете напряженными и начнете фокусировать свое внимание на дыхании. Просто расслабьтесь, оставайтесь расслабленными, раскрепощенными и смотрите... так как больше вам ничего не остается делать. Вы здесь, ничего не нужно делать, вы все принимаете, ничего не отрицаете, нет ни борьбы, ни конфликта, вы глубоко дышите. Что делать? Просто наблюдать. Запомните, надо просто наблюдать — наблюдать без усилий. Это то, что Будда назвал *vipassana* — наблюдение за дыханием, осознание дыхания. Или *satipatthana* — вспоминание и осознание жизненной энергии, которая движется в дыхании. Не старайтесь делать глубокие вдохи, не старайтесь вдыхать и выдыхать, ничего не делайте. Просто расслабьтесь, пусть ваше дыхание будет естественным, пусть вдохи и выдохи совершаются сами по себе, и тогда вам многое станет доступно.

Во-первых, вы поймете, что дышать можно двумя способами, потому что дыхание — это мост, на одной стороне которого находитесь вы, а на другой — сущее. Таким образом, и рассматривать дыхание можно с двух сторон. С одной стороны, дыхание — это произвольный процесс. Если вы хотите сделать глубокий вдох, вы делаете глубокий вдох; если вы хотите сделать глубокий выдох, вы делаете глубокий выдох. Вы можете управлять своим дыханием. Одна его часть соединена с вами. Но, если вы ничего не делаете, дыхание происходит само по себе. Вам не нужно ничего делать, оно все равно происходит. Оно также является и непроизвольным процессом.

Другая часть дыхания соединена с самим сущим. Вы можете думать, что вы дышите сущим, а можете думать совершенно иначе: сущее дышит вами. Постарайтесь понять этот подход, и он приведет вас к глубокому расслаблению. Это не вы дышите, это сущее дышит вами. Это смена гештальта,

и она происходит сама по себе. Если вы продолжаете все принимать и все больше и больше расслабляться, тогда внезапно вы осознаете, что вы не делаете вдохи и выдохи — они происходят сами по себе. И так грациозно, с таким достоинством, с таким гармоничным ритмом! Кто это делает? Это сущее дышит вами. Оно входит в вас и выходит. Каждое мгновение оно освежает и оживляет вас — снова и снова.

Внезапно вы начинаете воспринимать дыхание как нечто, происходящее само по себе... именно так и должна происходить медитация. Вы можете медитировать где угодно, даже на рынке, потому что шум — это тоже божественное явление. И если вы будете тихо слушать, то даже в шуме рынка вы услышите определенную гармонию. Шум перестанет вам мешать. Если вы безмолвны, вы сможете многое почувствовать: вокруг вас движутся невероятные волны энергии. Как только вы начнете принимать, вы сможете почувствовать это где угодно.

Птица сама по себе не важна, но, глядя на нее, вы чувствуете нечто потрясающе величественное, священное, светозарное, таинственное. Вокруг вас постоянно происходят чудеса, но вы их не замечаете.

Как только в вас возникнет медитация и вы войдете в ритм сущего, как следствие появится и сострадание. Вы вдруг почувствуете, что любите все вокруг как одно целое. Другой больше не является *другим* — в другом вы живете тоже. И дерево — это больше не просто «то дерево», каким-то образом вы связаны с ним. Все становится взаимосвязанным. Коснувшись травинки, вы прикоснулись к звездам, потому что все связано друг с другом. Иначе и быть не может. Сущее органично. Оно является одним целым. Сущее — это единство.

Поскольку мы этого не осознаем, мы не видим, что мы постоянно с собой делаем. Происходит одна вещь, а за ней — другая, которая, как мы полагали, никак не может быть связана со звездами.

Буквально на днях я прочел кое-что о запахе. Человечество практически утратило обоняние, способность к восприятию запахов. У животных эта способность очень сильно развита. Лошадь может чують запах за километры. Нюх собаки гораздо тоньше, чем обоняние человека. Только по запаху собака может определить приближение своего хозяина; собака узнаёт запах своего хозяина и спустя многие годы. Человек же совсем забыл о запахах.

Что случилось с человеческим обонянием? Что за катастрофа с ним произошла? Вроде нет никаких причин сдерживать обоняние. Ни в одной культуре оно сознательно не подавлялось, но все же значительно ослабло. Это произошло из-за секса. В настоящее время все человечество живет с глубоко подавленной сексуальностью, а запах связан с сексом. Прежде чем совершить половой акт, собака обязательно обнюхает своего партнера и, если не почувствует внутреннюю гармонию между двумя телами, совокупляться не станет. Если запах подходит, собака знает, что тела гармонируют друг с другом, они подходят друг другу и могут слиться в одной песне — хотя бы на мгновение возможно единство.

Поскольку во всем мире секс подавлялся, обоняние тоже стало подавляться. Само слово приобрело негативную окраску. Если я спрошу у вас: «Вы слышите?» или «Вы видите?» — вы не обидитесь. Если я спрошу: «Вы пахнете?» — вы тоже по идее не должны обижаться, потому что это — вопрос такого же порядка. Обладание запахом и обоняние — это способность, точно такая же, как зрение и слух. Когда я спрашиваю: «Вы пахнете?» — вы обижаетесь, потому что совершенно забыли, что это — вопрос о вашей способности, а не осуждение.

Есть одна знаменитая история про английского мыслителя, доктора Джонса. Он сидел в дилижансе, и туда вошла одна дама. «Сэр, вы пахнете!» — сказала она доктору Джонсу. На что тот, будучи лингвистом, грамматистом, ответил: «Нет, мадам. Это вы пахнете. Я воняю!»

Обладание запахом — это способность. «Вы пахнете. Я воняю». С точки зрения языка он прав. Так и должно быть, если следовать грамматике. Но само слово «пахнуть» обрело осуждающий оттенок. Что случилось с запахом? Как только вы начинаете подавлять секс, подавляется и обоняние. Это чувство совершенно ущербно, а если ущербно одно из пяти чувств, тогда одна пятая часть мозга также неполноценна. Вы обладаете пятью чувствами — в мозге есть пять соответствующих областей. Одна пятая мозга хромает, и вы даже не знаете об этом. Это означает, что хромает одна пятая часть вашей жизни. Это потрясающий вывод. Прикосновение к чему-нибудь малому отражается на всем вокруг.

Из-за подавления секса подавлялось обоняние и дыхание становилось поверхностным, потому что глубокое дыхание посылает определенные сигналы сексуальному центру. Люди приходят ко мне и говорят: «Если мы дышим по-настоящему, мы чувствуем себя более сексуальными». Когда вы занимаетесь любовью со своим партнером, ваше дыхание становится очень глубоким. Если вы будете его сдерживать, вы не сможете достичь оргазма. Дыхание проникает глубоко внутрь сексуального центра, оно шлет ему сигнал извне. Из-за того, что подавлялся секс и дыхание, люди потеряли способность к медитации. Теперь взгляните на всё вместе — что мы наделали! Подавляя секс, вы подавили дыхание, а дыхание — это единственный мост между вами и целым.

Гурджиев прав: он говорит, что почти все религии ведут себя так, будто они против Бога. Они говорят о Боге, но, похоже, в действительности они против божественного. Их поведение направлено против Бога. Теперь, когда дыхание подавлено, — мост разрушен. Вы можете дышать только поверхностно — вы никогда не углубляетесь, а если вы не можете углубиться в себя, вы не способны углубиться в сущее.

Согласно Будде, дыхание — это основа. Глубокое, расслабленное, осознанное дыхание дает вам такую потрясающую тишину и расслабление: постепенно вы просто таете, растворяетесь и исчезаете. Вы перестаете быть отдельным островом и начинаете вибрировать со всем существованием. Вы уже не отдельная нота, а часть всей симфонии. В этот момент рождается сострадание.

Сострадание возникает, когда вы осознаете свою связь со всеми людьми, когда вы видите, что вы — часть всех и все являются частью вас. Никто не обособлен. Когда рассеивается иллюзия обособленности, возникает сострадание. Сострадание — это не дисциплина.

В истории человечества отношения между матерью и ребенком ближе всего к состраданию. Люди называют такие отношения любовью, но этого не следовало бы делать. Они больше похожи на сострадание, чем на любовь, потому что в них нет страсти. Любовь матери к своему ребенку ближе всего к состраданию. Почему? Потому что мать познала ребенка в себе, он был частью ее существа. Она познала ребенка как часть себя, и, даже если ребенок рождается и вырастает, мать продолжает чувствовать с ним тонкую связь. Если ребенок заболевает, мать сразу же почувствует это, даже если их разделяют тысячи километров. Она может и не знать, что произошло, но впадет в уныние; она может и не знать, что ее ребенок страдает, но будет страдать сама. Она попытается найти рациональное объяснение своему страданию: проблемы с желудком, головная боль и т. п., но сейчас глубинная психология говорит: между матерью и ребенком существует тонкая энергетическая связь, потому что они продолжают вибрировать на одной энергетической волне.

Телепатия осуществляется легче между матерью и ее ребенком, чем между другими людьми. То же самое с близнецами — они легко воспринимают мысли друг друга на расстоянии. В Советской России было проведено много экспериментов в области телепатии, естественно, не ради духовных поисков — русские хотели выяснить, можно ли использовать телепатию в военных целях. Они установили, что близнецы телепатичны. Если один из близнецов простужается, простужается и другой, даже если их разделяют тысячи километров. Они вибрируют на одной волне и подвергаются одному и тому же воздействию. Это происходит потому, что они жили в одной утробе, будучи частью друг друга; они сосуществовали в материнском лоне.

Чувство, которое мать испытывает к своему ребенку, больше похоже на сострадание, потому что она воспринимает ребенка как часть себя.

Я как-то прочел один анекдот:

Во время предварительной инспекции лагеря бойскаутов директор обнаружил огромный зонт, спрятанный в постельных принадлежностях одного малыша. Зонт явно не входил в перечень вещей, необходимых бойскаутам. Директор попросил мальчика объясниться. Новобранец ловко выкрутился из ситуации, спросив: «Сэр, у вас когда-нибудь была мать?»

Мать — это сострадание; мать — это чувство к другому, подобное чувству, испытываемому к себе. Когда человек глубоко погружается в медитацию и достигает просветления, он становится матерью. Будда — скорее мать, нежели отец. Ассоциация, которая возникла со словом «отец» у христиан, не очень понятна и красива. Называть божественное Отцом — это проявление мужского шовинизма. Если есть Бог, то он может быть только матерью, а не отцом. Отцовство — это институт социума. В природе его как

такового не существует. Если вы спросите лингвистов, они вам скажут, что слово «дядя» возникло раньше, чем «отец». Вначале появились дяди, потому что никто не знал, кто был отцом ребенка. Как только была установлена частная собственность и брак стал одной из ее форм, в жизни человечества возник институт отцовства. Он очень хрупкий и может исчезнуть в любой момент. Если изменится общество, институт отцовства может исчезнуть, как исчезли многие другие. Но материнство останется. Мать — это естественное явление.

На Востоке многие люди и многие традиции называли Бога матерью. Их подход кажется более значимым. Посмотрите на Будду: его лицо больше похоже на женское, чем на мужское. На самом деле именно поэтому он не изображается с бородой и усами. Махавира, Будда, Кришна, Рама — вы никогда не увидите на их лицах бороду и усы. Дело не в том, что им не хватало мужских гормонов, — в жизни у них, должно быть, росла борода, — просто они не изображаются с бородой, потому что это придало бы их лицам больше мужеподобности.

На Востоке нас не очень волнуют факты, мы больше заинтересованы в смысле и сути. Конечно, все статуи Будды, которые вы видели, не отражают реальную действительность, но на Востоке нас это мало беспокоит. Суть в том, что Будда стал женственнее. Это — переход от левого полушария головного мозга к правому, от мужского к женскому, переход от агрессивности к пассивности, от позитивного к негативному, от усилия к легкости. Будда больше похож на женщину, на мать. Если вы станете настоящим медитатором, то постепенно вы начнете замечать в себе все больше и больше изменений: вы начнете чувствовать себя больше женщиной, нежели мужчиной, — вы станете более грациозными, восприимчивыми, добрыми и любящими. И внутри вас возникнет сострадание, которое вы будете источать словно аромат.

Обычно то, что вы называете состраданием, продолжает скрывать в себе страсть. Даже если иногда вы испытываете сочувствие к людям, пронаблюдайте это чувство, проанализируйте его истоки, и вы обнаружите определенную мотивацию. Ваши поступки могут демонстрировать сострадание, но глубоко внутри обязательно будут лежать какие-то иные мотивы.

Я слышал:

Луи вернулся домой и был шокирован, обнаружив свою жену в объятиях другого мужчины. Он выбежал из комнаты с криками: «Где мое ружье?» Жена — как и была голая — кинулась за ним, уцепилась за него и закричала: «Глупый, зачем так волноваться? Это мой любовник, который заплатил за мебель, которую мы недавно приобрели, и за мою новую одежду. Дополнительные деньги, которые, как ты думал, я заработала шитьем, все роскошные безделушки, которые появлялись у нас в доме, — все от него!» Но Луи вырвался и побежал наверх. «Только не ружье!» — завопила жена. «Какое ружье? — воскликнул Луи. — Я за одеялом. Бедняга простудится, если будет лежать голым».

Даже если вы чувствуете — или думаете, что чувствуете, или притворяетесь, что чувствуете, — сострадание, загляните в себя поглубже и проанализируйте это чувство, и вы обязательно обнаружите в его основе другие мотивы. Это не чистое сострадание. А если оно не чистое, это уже не сострадание. Чистота — это основная характеристика сострадания, если ее нет, то это уже что-то другое — некая формальность. Мы научились быть формальными: знаем, как надо вести себя с женой, с мужем, с детьми, с друзьями, с родителями. Мы всему научились. Но состраданию нельзя научиться. Оно возникнет, когда вы забудете все формальности, этикет и манеры. Сострадание — это неуправляемое явление, ему неведомы этикет и формальности; они мертвы по сравнению с ним. Сострадание — это жизнь, это пламя любви.

На двенадцатой лунке поле для игры в гольф выходило на шоссе, и, подходя к ней, Смит и Джонс увидели движущуюся по дороге похоронную процессию. Смит остановился, снял шляпу, прижал к сердцу, склонил голову и стоял в этом положении до тех пор, пока процессия не исчезла за поворотом. Джонс был поражен увиденным и после того, как Смит надел шляпу на голову и вернулся к игре, сказал:

— Это очень вежливо и учтиво с твоей стороны, Смит.

— Да пустяки, — ответил Смит. — Я не мог поступить иначе. В конце концов, я был женат на этой женщине двадцать лет.

Жизнь стала пластиковой, искусственной, формальной, потому что вы обязаны делать то, что вы делаете. Вы, конечно же, нехотя выполняете свои обязанности, но при этом вполне естественно, что вы живете только наполовину, поскольку полноценная жизнь возможна, если энергия в вас бьет ключом, если горит внутренний огонь. Если ваш огонь подавлен формальностями, обязанностями и правилами, которые вы должны против своего желания выполнять, вы не живете, вы лишь влачите свое существование. Вы можете влачить свое существование с комфортом, ваша жизнь может быть удобной, но она не будет по-настоящему полной.

Настоящая жизнь в некотором отношении хаотична. Я говорю «в некотором отношении», потому что в этом хаосе есть своя дисциплина. В нем нет правил, потому что они ему не нужны. Самое важное правило хаоса является частью его сути — ему не нужны внешние правила.

Теперь одна дзенская история.

Однажды зимой в храм Эйсай пришел самурай и обратился с просьбой: «Я бедный больной человек, — сказал он, — и моя семья умирает от голода. Пожалуйста, мастер, помогите нам».

Живя на лепту вдов, Эйсай вел очень аскетичный образ жизни, и ему нечего было дать. Он уже собирался выпроводить самурая, как вдруг вспомнил про статую Якуши-Будды в зале. Подойдя к ней, он сорвал нимб и отдал его самураю. «Продай его, — сказал Эйсай. — Это поможет тебе как-то перебиться». Смутьившийся, но отчаянно нуждавшийся хоть в какой-нибудь помощи самурай взял нимб и ушел.

— *Мастер!* — вскричал один из учеников Эйсая. — *Это кощунство! Как вы могли сделать такое?*

— *Кощунство? Ба! Я просто нашел хорошее, так сказать, применение сознанию Будды, полному любви и милосердия. В действительности, если бы он сам услышал этого бедного самурая, он вырвал бы для него свою собственную руку.*

Это очень простая, но очень важная история. Во-первых, даже если вам, на первый взгляд, нечего дать, посмотрите по сторонам. Вы всегда найдете, что дать. Даже если вам нечего дать, вы всегда сможете найти, что дать. Это — вопрос отношения. Если вы ничего не можете дать, вы, по крайней мере, сможете улыбнуться; если вы ничего не можете дать, вы, по крайней мере, можете сесть с человеком и взять его за руку. Важно — дать не какую-то вещь, важно — дать.

Эйсай был бедным монахом, как и все буддийские монахи. Он жил очень аскетично, и ему было нечего дать. Обычно снять нимб со статуи Будды и отдать его — это абсолютное кощунство. Ни один так называемый религиозный человек не додумался бы до этого. Только тот кто действительно религиозен, сделал бы это — поэтому я и говорю, что сострадание не знает правил, сострадание выше правил. Оно неподвластно контролю. Оно не следует никаким формальностям.

И тут вдруг Эйсай вспомнил о статуе Будды, стоящей в холле. В Японии и Китае голова статуи Будды увенчивается золотым нимбом, что символизирует ауру. Внезапно Эйсай вспомнил про это — каждый день он, должно быть, преклонялся перед этой статуей.

Подойдя к ней, он сорвал нимб и отдал его самураю. «Продай его, — сказал Эйсай. — Это поможет тебе как-то перебиться». Смутившийся, но отчаянно нуждавшийся хоть в какой-нибудь помощи самурай взял нимб и ушел.

Даже самурай был смущен. Он такого не ожидал. Даже он, наверное, подумал, что это кощунство. Что это за монах? Последователь Будды, а взял и испортил его статую! Даже прикосновение к статуе — кощунство, а он снял нимб.

В этом и состоит разница между настоящим религиозным человеком и так называемым «религиозным человеком». Так называемый «религиозный человек» всегда блюдет закон; он всегда думает о том, что соответствует и что не соответствует закону. Но настоящий религиозный человек *живет* этим законом. Для него нет ничего подходящего и неподходящего. Сострадание так бесконечно правильно, что все, что из него делается, становится автоматически правильным.

«*Мастер!* — вскричал один из учеников Эйсая. — *Это кощунство! Как вы могли сделать такое?»*»

Далее ученик понял, что это неправильно. Было совершено нечто неподобающее.

«*Кощунство? Ба! Я просто нашел хорошее, так сказать, применение сознанию Будды, полному любви и милосердия. В действительности, если бы*

он сам услышал этого бедного самурая, он вырвал бы для него свою собственную руку».

Понимать — не значит просто следовать. Когда вы без понимания следуете чему-то, вы слепы и вам приходится опираться на правила. Если вы *понимаете*, тогда вы тоже можете следовать, но вы — уже не слепы. Вы действуете осознанно и сообразно каждому мгновению, и что бы вы ни делали — все правильно.

Одна из самых прекрасных историй повествует о мастере дзен, который однажды зимней ночью попросил разрешения переночевать в храме. Он весь дрожал, потому что ночь была холодная и шел снег. Служитель храма, естественно, посочувствовал ему и сказал: «Ты можешь остаться здесь, но только на одну ночь, потому что храм — это не гостиница. Утром тебе придется уйти».

Среди ночи служитель услышал вдруг какой-то шум. Он прибежал на шум и не смог поверить своим глазам, монах сидел у разложенного посреди храма костра. И не хватало одной статуи Будды. В Японии статуи Будды делаются из дерева.

— Где статуя? — спросил служитель.

Мастер указал ему на костер и сказал:

— Было очень холодно, и я весь дрожал.

— Ты, похоже, сошел с ума! — закричал священник. — Неужели ты не понимаешь, что наделал? Это была статуя Будды. Ты сжег Будду!

Мастер посмотрел на затухающий костер и ткнул в него палкой.

— Что ты делаешь? — спросил священник.

— Пытаюсь найти кости Будды, — ответил мастер.

— Ты точно сошел с ума! — воскликнул священник. — Это же деревянный Будда. В нем не может быть костей.

Тогда мастер сказал:

— До утра еще далеко, и становится еще холоднее. Почему бы не взять остальных двух Будд?

Его, конечно же, немедленно вышвырнули из храма. Этот человек был опасен! Когда его прогоняли, он сказал.

— Что вы делаете — вы же прогоняете живого будду? Ради деревянного Будды? Живой будда так страдал, что я был вынужден проявить сострадание. Если бы Будда был жив, он бы сделал то же самое. Он бы сам отдал мне все эти статуи. Я знаю! Я верю всем сердцем, что он бы сделал то же самое.

Но кто его слушал? Его вышвырнули, он лежал в снегу, и двери были заперты. Когда утром священник вышел из храма, он снова увидел мастера, тот сидел возле камня, на котором лежало несколько цветков, и молился ему. Священник подошел к нему и спросил:

— Что ты делаешь? Молишься камню?

— Когда приходит время молитвы, — ответил мастер, — я создаю своего Будду где угодно, потому что он есть всегда и повсюду. Этот камень ничем не хуже твоих деревянных Будд в храме.

Это — вопрос отношения. Если смотреть с благоговением, тогда что угодно может стать божественным.

И помните: историю об Эйсае легко понять, потому что в ней сострадание проявляется по отношению к другому человеку. Эту историю труднее понять, потому что здесь сострадание проявляется по отношению к себе. Человек, наделенный истинным пониманием, не жесток ни к другим, ни к себе, потому что это одна энергия Он не мазохист. Он понимает, что разделения не существует: все, включая его самого, божественно. И он живет исходя из этого понимания.

В этом и заключается сострадание. Не пытайтесь практиковаться в нем — просто полностью расслабьтесь в медитации. Отпустите себя, и внезапно вы почувствуете аромат, исходящий из самых глубин вашего существа, Цветок распускается и источает сострадание. Медитация — это цветок, а сострадание — его аромат.

Желание есть желание: ответы на вопросы

Не могли бы вы рассказать о желании помогать людям, о том, что его отличает и делает схожим с другими формами желания?

Желание есть желание — без разницы. Хотите ли вы помочь людям или навредить, природа желания остается неизменной.

Просветленный не желает помогать людям. Он помогает не желая этого, это происходит произвольно. Его помощь подобна аромату распустившегося цветка. Цветок не желает, чтобы ветер доносил до людей его аромат. Дойдет он до людей или нет — цветку все равно. Если он дойдет, то случайно; если не дойдет, то тоже случайно. Цветок источает свой аромат произвольно. Солнце восходит — у него нет желания будить людей, нет желания открывать цветы, нет желания заставлять птиц петь. Все это происходит само собой.

Просветленный помогает не потому, что он желает помочь, а потому, что сострадание — это его натура. Каждый медитатор становится сострадательным, но он не становится «служителем человечества». Служители человечества приносят вред; мир слишком много страдал от этих служителей, потому что их служение — это желание, замаскированное под сострадание, а желание никогда не может быть сострадательным.

Желание — это всегда эксплуатация. Вы можете заниматься эксплуатацией, называя это состраданием; вы можете эксплуатировать, прикрываясь разными красивыми именами. Вы можете говорить о служении человечеству и братстве или о религии, Боге и истине. Однако все ваши красивые речи приведут лишь к новым войнам и кровопролитию — еще больше людей будет распято и сожжено живьем. Именно это до сих пор и происходило. И если вы не принесете в мир новое понимание, это будет продолжаться.

Итак, первое, что нужно запомнить, — это то, что все желания одинаковы: желаете ли вы помочь или навредить. Дело не в объекте желания, а в природе самого желания. Природа желания толкает вас в будущее, нацеливает на завтрашний день. А с завтрашним днем приходит все напряжение, все беспокойство о том, удастся ли вам сделать то или иное дело, добьетесь ли вы успеха. Появляется страх провала и стремление к успеху — неважно, желаете ли вы денег и власти или вы желаете сострадать людям и спасти их, это все одна и та же игра. Только названия разные. Это основное, что нужно понять.

Один человек обратился к Будде: «Я хотел бы помогать людям. Скажи мне, что делать». Будда посмотрел на него и расстроился. Человек растерялся: «Почему ты расстроился? Я сказал что-нибудь не так?» «Как ты можешь помогать людям? — сказал ему Будда, — Ты даже себе не в силах помочь! Пытаясь помочь, ты лишь навредишь им».

Вначале зажгите свет в себе. Пусть зажжется огонь в вашем сознании... и тогда вы никогда не будете задавать вопросы. Тогда само ваше присутствие и все ваши поступки будут огромной помощью.

Желание есть желание. Нет ни материального желания, ни духовного желания. Это происки вашего эго: помогая другим, вы будто бы становитесь благочестивее других. Вы становитесь мудрее других: вы ведь знаете, а они — нет. Вы хотите помочь, потому что вы — достигли, а они все невежды, спотыкаясь, бредут в темноте, и вы хотите стать для них светом. Вы хотите стать мастером, а всех остальных обратить в учеников. Если есть такое желание, то оно не поможет им — вам оно тоже не поможет. Оно навредит вдвойне. Это обоюдоострый меч; он погубит и других, и вас самих. Это желание имеет разрушительную, а не созидательную силу.

Однако есть другой вид помощи, который не исходит из желания, не вырастает из проекций эго. Этот вид помощи, этот вид сострадания происходит только на пике медитации и не раньше. Когда в ваше сознание приходит весна, когда все внутри расцветает, аромат начинает доходить и до других. Этого не нужно желать — на самом деле, вы просто не можете сдержаться. Даже если вы захотите воспрепятствовать распространению аромата, вы не сможете. Он неизбежно достигнет других. Он станет светом в их жизни, он будет предвестником новых начинаний, но не потому, что вы желали этого, а потому, что с вами произошла трансформация.

Есть буддийская техника медитации, которая называется Маитри Бавана. Она начинается с того, что вы говорите себе: «Да буду я здоров, да буду я счастлив, да буду я свободен от врагов, да буду я свободен от недоброжелателей». Проникнувшись чувством, производимым этими мыслями, на следующей стадии медитации вы распространяете это чувство на других — вначале представляя людей, которых вы любите, и даря им это прекрасное чувство, затем делая то же самое с людьми, которых вы любите меньше, и так до тех пор, пока вы не почувствуете сострадание к людям, которых вы ненавидите. Раньше я чувствовал, что

эта техника медитации как бы открывала меня другим. Но я бросил ею заниматься, потому что увидел в ней опасность некого самогипноза. Меня все еще привлекает эта техника, но я запутался: должен ли я снова ею заняться, возможно, с другим отношением, или просто забыть о ней? Не могли бы вы рассказать об этой технике? Я был бы Вам очень благодарен.

Маитри Бавана — это одна из самых действенных техник. Не нужно бояться, что вы окажетесь во власти самогипноза — это не самогипноз. На самом деле это антигипноз. Внешне эта техника похожа на гипноз, но, в сущности, является прямо противоположным ему процессом. Это как если бы вы пришли ко мне из своего дома, проделав весь путь пешком, а сейчас, возвращаясь, вы точно так же пошли бы пешком по тому же пути. Разница лишь в том, что сейчас вы шли бы спиной к моему дому. Путь был бы тот же, вы были бы такими же, но, идя ко мне, вы были лицом к моему дому, а сейчас вы идете спиной к моему дому...

Человек уже загипнотизирован. Вопрос не в том, подвергаетесь вы гипнозу или нет, — вы уже загипнотизированы. Все процессы, протекающие в обществе, — это гипноз. Кому-то сказали, что он христианин, и потом ему это так часто повторяли, что его ум привык к этой мысли, и он считает себя христианином. Кто-то индус, кто-то мусульманин — это все гипноз. Вы уже загипнотизированы. Если вы думаете, что вы несчастны, это гипноз. Если вы думаете, что у вас слишком много проблем, это гипноз. Чем бы вы ни являлись — это определенный вид гипноза. Общество внушило вам эти идеи, и сейчас вы набиты всеми этими идеями и условностями.

Маитри Бавана — это антигипноз: это попытка вернуть ваш естественный ум, это попытка вернуть вам ваше подлинное лицо, это попытка вернуть вас к моменту вашего рождения, когда общество еще не развратило вас. Когда ребенок рождается, он находится в *Маитри Бавана*. *Маитри Бавана* означает великое чувство дружбы, любви, сострадания. Когда ребенок рождается, ему неведома ненависть, он знает только любовь. Любовь — это врожденное чувство, ненависть — приобретенное. Ненависти, ревности, гневу, насилию ребенка учит общество.

Когда ребенок рождается, он — сама любовь. Он не знает ничего, кроме любви. В материнском лоне он не встречался с врагами. Девять месяцев он жил в глубокой любви, окруженный любовью и питаемый любовью. Он не знал никого, кто относился бы к нему враждебно. Он знал только мать и материнскую любовь. В момент рождения у него есть только опыт любви, как же можно ожидать от него ненависти? В этот мир ребенок приходит с любовью, это его подлинное лицо. Лишь потом он столкнется с бедами и невзгодами и перестанет доверять людям. А рождается ребенок с доверием.

Я слышал:

Мужчина и маленький мальчик зашли в парикмахерскую, После того как мужчине оказали весь перечень услуг: бритье, мытье головы с шампунем, стрижка, маникюр и т. д., — он посадил мальчика на стул.

— Я собираюсь пойти купить галстук, — сказал мужчина парикмахеру, — и вернусь через несколько минут.

Когда стрижка мальчика была завершена, а мужчина все еще не вернулся, парикмахер сказал:

— Похоже, твой папа совсем о тебе позабыл.

— Это не мой папа, — ответил мальчик. — Он просто подошел ко мне, взял за руку и сказал: «Пойдем, сынок, подстрижемся на халяву!»

Дети доверчивы, но постепенно они сталкиваются с ситуациями, в которых их обманывают, в которых они попадают в беду, в которых другие выступают против них, в которых они начинают бояться. И очень скоро они усваивают все хитрости мира. Именно это и происходит практически со всеми.

Маитри Бавана воссоздает ваше изначальное состояние: это антигипноз. Это попытка избавиться от ненависти, гнева, ревности, зависти и снова прийти в мир, как вы пришли в него в самом начале. Если вы продолжите делать эту технику, вначале вы полюбите себя, потому что вы ближе себе, чем все остальные. Затем вы распространите свою любовь, свою дружбу, свое сострадание, свое доброжелательство, свое благословение на людей, которых вы любите, на ваших друзей и возлюбленных. Затем вы распространите все это на людей, которых вы не очень любите; затем на людей, к которым вы равнодушны — к которым вы не испытываете ни любви, ни ненависти; затем на людей, которых вы ненавидите. Постепенно вы разгипнотизируете себя. Постепенно вы снова создадите вокруг себя лоно любви.

Когда просветленный находится в состоянии медитации, он пребывает в сущем так, будто все сущее снова стало лоном его матери. Нет враждебности. Он достиг своей изначальной природы. Он познал свою суть. Теперь вы можете даже убить его, но вы не сможете разрушить его сострадание. Даже умирая, он будет полон сострадания к вам. Вы можете убить его, но вы не сможете разрушить его доверия. Теперь он знает, что доверие — это основа основ, как только вы потеряете его, вы лишитесь всего. Если же вы лишитесь всего, но сохраните доверие, вы ничего не потеряете. Вы можете забрать у просветленного все, но вы не лишите его доверия.

Эго создано с ненавистью, враждебностью и борьбой. Если вы хотите избавиться от эго, вам придется взрастить и себе больше любви. Когда вы любите, эго исчезает. Если ваша любовь всеобъемлюща и безусловна, если вы любите всех и вся, тогда эго не может существовать. Эго — это самое глупое, что может случиться с мужчиной или женщиной. Как только оно появилось, его очень трудно увидеть, потому что оно затуманивает ваш взор.

Я слышал:

Мулла Насреддин и его двое приятелей говорили о том, кто на кого похож. Первый приятель сказал:

— Мое лицо похоже на лицо Уинстона Черчилля. Меня часто принимали за него.

— Что касается меня, — сказал второй, — то люди думают, что я Ричард Никсон, и просят у меня автограф.

— Это все ерунда! — сказал мулла. — Что касается меня, то меня путают с самим Богом.

— Как это? — хором воскликнули его приятели.

— Ну, когда меня снова осудили и в четвертый раз отправили в тюрьму, тюремщик, увидев меня, воскликнул: «О Боже, ты снова явился!» — ответил мулла Насреддин.

Как только появляется эго, оно питается всем подряд, но продолжает при этом чувствовать себя очень важным. Будучи влюбленными, вы говорите: «Ты тоже важен, не только я». Когда вы любите кого-нибудь, что вы говорите? Вы можете говорить или молчать, но что у вас в глубине сердца? Вы говорите — словами или молчанием: «Ты тоже важен, так же важен, как и я». Если любовь станет глубже, вы скажете: «Ты важнее меня. Если возникнет ситуация, в которой только один из нас сможет остаться в живых, я умру ради тебя, я хочу, чтобы ты продолжал(а) жить». Другой стал важнее, вы даже готовы пожертвовать собой ради своего возлюбленного или своей возлюбленной. И если это чувство будет продолжать расти, как в *Маитри Бавана*, тогда вы сами начнете постепенно исчезать. Будет много моментов, когда вас не будет, — абсолютное безмолвие, никакого эго, никакого центра, лишь чистое пространство. Будда говорит: «Когда это станет вашим постоянным состоянием и вы сольетесь с чистым пространством, тогда вы достигаете просветления».

Когда эго полностью исчезает, вы становитесь просветленными; тогда вы настолько незгоистичны, что даже не можете сказать: «Я есть», не можете даже сказать: «Я — это я». Будда называет это состояние *анатта*: небытие, не-я. Вы даже не можете вымолвить слово «я», само слово становится богохульным. В глубокой любви «я» исчезает. Ваша структура растворяется.

Когда ребенок рождается, у него нет «я». Он просто *есть* — чистый лист бумаги, на котором ничего не написано. Затем общество начнет на нем писать и сужать его сознание. Оно навязывает ему какую-нибудь роль: «Это твоя роль, это ты», — и человеку ничего не остается, как прилежно ее выполнять. Эта роль никогда не позволит ему быть счастливым, потому что счастье возможно только тогда, когда вы бесконечны. Если вы ограничены, вы не можете быть счастливыми. Счастье — это не свойство ограниченности; счастье — это свойство бесконечного пространства. Когда вы настолько просторны, что в вас может войти все сущее, только тогда вы можете быть счастливы.

Овечья шкура: то, что не является состраданием

Слепой не может помочь слепому. Бредущие во тьме не могут привести других к свету. Не знающие бессмертия не могут помочь другим избавиться от страха смерти. Не живущие тотально и интенсивно, чья песня не льется из

самого сердца, чья улыбка лишь нарисована на губах, не могут помочь другим быть настоящими и искренними. Лицемеры и притворщики не могут помочь другим быть честными.

Не ставшие собой, ничего не знающие о себе, не имеющие ни малейшего понятия об индивидуальности, все еще потерянные в своей фальшивой, созданной обществом, личности, — такие не могут помочь другим достичь индивидуальности. Даже с самыми добрыми намерениями это просто невозможно.

Если ваш внутренний огонь не горит, как вы сможете зажечь его в других? Вы должны сами гореть, только тогда вы сможете зажечь других. Вы должны быть бунтарями, только тогда вы сможете поднять восстание. Если вы горите и пылаете, тогда вы сможете зажечь пожар, который охватит территории далеко за пределами вашей видимости. Но прежде вы должны загореться сами.

Если слепой ведет слепого, как говорит мистик Кабир, то оба упадут в колодец. В оригинале его слова: «*Andha andham thelia dono koop padant*». «Слепой вел слепого, и оба упали в колодец».

Вы должны быть зрячими, чтобы привести слепого к врачу, — по-другому никак нельзя. Вы можете поделиться с другими только тем, что имеете сами. Если вы несчастны, вы поделитесь своим несчастьем. А когда двое несчастных собираются вместе, их несчастье не только удваивается — оно увеличивается во много раз. То же самое происходит с вашим блаженством, то же самое происходит с вашим бунтарством, то же самое происходит со всем вашим опытом.

Каким бы вы ни хотели видеть мир, вначале вы сами должны стать образцом для подражания. Вы должны пройти испытание огнем, чтобы доказать вашу философию жизни своим собственным примером. Пустых разговоров недостаточно. Объяснения и аргументы не помогут; только ваш собственный опыт может позволить другим почувствовать вкус любви, медитации, безмолвия и религиозности.

Пока вы не испытали этого на своем опыте, никогда не пытайтесь помочь другим — потому что вы только запутаете их еще больше. Они и так уже сбиты с толку. Многовековое наследие предков внесло полную сумятицу в их головы. Вы сделаете доброе дело, если не станете помогать, потому что это опасно, ваша помощь может подвергнуть огромному риску жизни других людей.

Вначале пройдите по пути сами и как следует узнайте, куда он приводит, только тогда вы сможете взять за руки других и повести их по пути.

В этом мире очень трудно общаться. Вам нужно научиться передавать свой опыт так, чтобы он доходил до других без искажений; иначе нектар, которым вы хотели поделиться, может превратиться в яд. А люди и так уже отравлены!

Начните с себя: вам необходимо очиститься и прояснить свое сознание. Тогда, возможно — только возможно — вы сможете помочь другим.

Желание помочь — это благое желание, но благо не вершится благими желаниями.

Старинная поговорка гласит: «Дорога в ад вымощена благими намерениями». Миллионы людей помогают и дают советы с добрыми намерениями — даже не беспокоясь о том, что сами не следуют своим собственным советам. Но радость советовать другим так велика... кого волнует, следуя я своим собственным советам или нет?

Радость советовать другим — это очень тонкая, эгоистичная радость. Человек, которому вы советуете, становится в этом случае невеждой, вы — сведущим. Совет — это единственная вещь в мире, которую все дают, но никто не берет; и хорошо, что никто не берет, потому что совет дается людьми, которые ничего не знают — хотя за этим и стоят добрые намерения.

Помните, что, согласно самой природе вещей, если вы хотите изменить мир, вы должны вначале изменить себя. Революция должна вначале произойти в вас. Только тогда ее лучи смогут осветить сердца других. Вначале танец должен произойти с вами, тогда вы увидите чудо — другие тоже начнут танцевать.

Танец заразителен, так же как любовь, благодарность, религиозность, бунт, — всем этим можно заразить других. Но огонь, который вы хотите видеть в глазах других, нужно вначале зажечь в себе.

Любящая доброта и другие виды мании величия

Сострадание — это наивысший расцвет сознания. Это страсть, избавленная от тьмы, это страсть, освобожденная от всех уз, это страсть, очищенная от яда. Страсть становится состраданием. Страсть — это семя, сострадание — это цветок.

Но сострадание — это не доброта; доброта — это не сострадание. Доброта — это качество, укрепляющее эго. Когда вы добры к кому-то, вы чувствуете, что вы превосходите его. Когда вы добры к кому-то, за этим кроется глубокое оскорбление — вы унижаете другого, и вам это доставляет удовольствие. Вот почему доброту нельзя простить. Тот, с кем вы были добры, где-то в глубине души затаит на вас обиду и обязательно отомстит. Это оттого, что доброта только на поверхности похожа на сострадание, но в глубине она не имеет ничего общего с состраданием. Она имеет другие скрытые мотивы.

Сострадание немотивированно — в нем нет никаких мотивов. Вы даете просто потому, что у вас есть что дать, — не потому, что другой нуждается в этом. В сострадании другой не принимается в расчет. Из-за того, что вы так много имеете, вы переполняетесь. Сострадание произвольно и естественно, как дыхание. Доброта — это выработанное отношение. Доброта — это особый вид хитрости, это расчет, это арифметика.

Вы наверняка знаете это одно из самых важных изречений — оно встречается в той или иной форме во всех писаниях мира — «Поступай с

другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой». Это расчетливое отношение, а не сострадание. Оно не имеет ничего общего с религиозностью — это очень низкий вид морали, земной морали: «Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой». Это деловое, но совсем не религиозное отношение. Вы делаете нечто только потому, что хотите получить взамен то же самое. Это эгоистично, эгоцентрично. Вы не служите другому, вы не любите другого — окольными путями вы служите себе. Вы используете другого. Это просветленный, очень умный эгоизм, но эгоизм есть эгоизм. Сострадание — это цветение, цветение без расчета. Вы просто даете, потому что не можете иначе.

Итак, запомните: во-первых, сострадание — это не доброта в том смысле, в котором вы используете слово «доброта». В другом смысле, сострадание — это единственная настоящая доброта. Вы не «добры» к кому-то, вы не больше другого, вы просто проводите через себя энергию, которую вы получаете от сущего. Она приходит от существования и к нему возвращается — вы не препятствуете этому, вот и все.

Когда Александр Македонский отправился посмотреть на великого мистика Диогена, Диоген лежал на берегу и загорал. Александр давно лелеял мечту увидеть этого мистика, потому что говорили, что хотя он ничего не имеет, по пет человека богаче. Он имеет нечто внутри себя, он светится. Люди говорили: «Он нищий, но на самом деле он император». Это очень заинтриговало Александра. Путешествуя, он услышал, что Диоген совсем рядом, и решил навестить его.

Раннее утро, встает солнце, Диоген, голый, лежит на песке... Александр говорит: «Рад тебя видеть. Похоже, что все, что я слышал, правда. Я никогда не видел человека счастливее. Я могу что-нибудь сделать для тебя?» «Просто отойди в сторону — ты заслоняешь мне солнце. Помни: никогда не заслоняй солнце. Ты опасен: ты можешь заслонять солнце и не давать ему светить многим людям. Просто отойди в сторону», — ответил Диоген.

Сострадание проявляется не в том, что вы что-то даете людям, а в том, что вы просто не заслоняете солнце. Вникните в суть этого: сострадание — это непрепятствование божественному. Сострадание становится проводником божественного, оно просто позволяет божественному струиться через вас. Вы становитесь полым бамбуком, и божественное льется через вас. Только полый бамбук может стать флейтой, потому что только полый бамбук способен позволить песне литься через себя.

Сострадание исходит не от вас, сострадание исходит от сущего, от божественного. Доброта исходит от вас — это первое, что нужно понять. Добро — это нечто, что делаете вы; сострадание — это нечто, что делает сущее. Вы просто не препятствуете ему, не стоите у него на пути. Вы позволяете солнцу светить, проникать туда, куда оно пожелает.

Доброта укрепляет эго, а сострадание возможно только тогда, когда эго полностью исчезло. Так что не позволяйте словарям ввести вас в заблуждение: в словарях написано, что сострадание — это синоним доброты. Это не так в истинном словаре сущего.

Дзен имеет только один словарь — словарь вселенной. У мусульман есть свое писание — Коран, у индусов — Веды, у сикхов — Гуругрант, у христиан — Библия, у иудеев — Талмуд. Если вы спросите у меня: «Что является писанием дзен?», я отвечу, что у них нет писания, их писание — это вселенная. В этом красота дзен. В каждом камне проповедь, в каждом звуке пения — птиц голос Бога. В каждом движении танцует само сущее.

Выработанная доброта делает вас очень эгоистичными. Смотрите: добрые люди очень эгоистичны, эгоистичнее, чем жестокие люди. Странное дело: жестокий человек, по крайней мере, чувствует себя немного виноватым, но так называемый добрый человек чувствует себя великолепно, он чувствует себя благочестивее других, лучше других. Он эгоцентричен во всем, что делает; каждый акт его доброты питает энергией и силой его эго. День ото дня его величие растет. Это все — происки эго.

Это первое, что нужно понять: сострадание — это не так называемая доброта. В нем есть существенная часть доброты — мягкость, сочувствие, эмпатия, творчество, помощь. Но вы не творите сострадание, оно просто течет через вас. Оно исходит от сущего, и вы счастливы и благодарны, что сущее выбрало вас в качестве проводника. Вы становитесь прозрачными, и сострадание проходит сквозь вас. Вы становитесь прозрачным стеклом, и лучи солнца могут светить сквозь вас — вы им не мешаете. Это сострадание — чистая доброта без примеси эго.

Второе: сострадание — это не так называемая любовь. В нем есть существенное качество любви, но оно не является тем, что вам известно как любовь. Ваша любовь — это лишь похоть, маскирующаяся под любовь. Ваша любовь не имеет ничего общего с настоящей любовью; ваша любовь — особый вид эксплуатации другого под красивым названием и с великолепным лозунгом.

Вы постоянно повторяете: «Я люблю тебя», — но любили ли вы кого-нибудь? Вы просто использовали других, но не любили. Как использование другого может быть любовью? На самом деле использование другого — это самое разрушительное действие на свете; использование другого в качестве средства — преступление.

Эммануил Кант, описывая свою концепцию морали, говорит, что использование другого как средства — аморально; это основной аморальный поступок. Никогда не используйте другого как средство, потому что каждый — это самоцель. Уважайте другого как самоцель. Когда вы уважаете другого как самоцель, вы его любите. Когда вы начинаете использовать другого — муж использует жену, жена использует мужа — появляются мотивы. Это видно повсюду.

Людей разрушает не ненависть, людей разрушает так называемая любовь. Называя это чувство любовью, они не могут исследовать его. Называя его любовью, они не видят в нем ничего дурного. Человечество страдает болезнью так называемой любви. Если вы заглянете в нее поглубже, вы увидите лишь голую похоть. Похоть — это не любовь. Похоть желает получать, любовь — желает давать. Стремление похоти сводится к одному: «Получай

как можно больше и давай как можно меньше. Давай меньше, получай больше. Если надо дать, то давай только в качестве приманки».

Похоть — это выгодная сделка. Да, вы должны что-нибудь давать, потому что вы хотите получать, — но идея в том, чтобы давать меньше, а получать больше. Так устроен деловой ум. Если можно получить, не давая, — хорошо! Если нельзя получить, не давая, тогда дайте немного, притворитесь, что даете много, и отберите у другого все, что только можно.

Эксплуатация — вот что такое похоть. Любовь — это не эксплуатация. Поэтому сострадание — это не любовь в ее обычном смысле и все же любовь в ее истинном смысле. Сострадание только дает, оно не знает, что значит получать что-то взамен. Не то чтобы оно ничего не получало, нет. Когда выдаете без единой мысли получить что-то взамен, вам воздается в тысячекратном размере. Но это другое, эго не имеет к вам никакого отношения. Когда вы хотите получить слишком много, на самом деле это лишь обман; вы ничего не получаете. В конце концов, вы только разочаровываетесь.

Каждая любовная связь заканчивается крушением иллюзий. Вы не замечали, что, в конце концов, после каждого романа у вас не остается ничего, кроме печали, депрессии и ощущения, что вас обманули? Сострадание не знает крушения иллюзий, потому что оно не начинается с иллюзий. Сострадание никогда не просит ничего взамен, ему этого не нужно. Во-первых, потому, что сострадательный человек чувствует: «Энергия, которую я даю, не моя, это энергия сущего. Кто я такой, чтобы просить что-либо взамен за нее? Даже просить благодарности бессмысленно»

Именно это произошло, когда один человек пришел к Иисусу: Иисус прикоснулся к нему и исцелил. Человек поблагодарил Иисуса — естественно, он был бесконечно благодарен. Он страдал этой болезнью долгие годы, ее нельзя было вылечить, и врачи говорили ему: «Ничего нельзя поделать, ты должен смириться». И теперь он исцелен! Но Иисус говорит: «Нет, не благодарите меня, благодарите Бога. Это нечто, что произошло между вами и Богом. Я тут ни при чем. Вас исцелила ваша вера, благодаря вашей вере вам стала доступна божественная энергия. Я, в лучшем случае, мост — мост, на котором божественная энергия и ваша вера протянули друг другу руки. Не надо меня благодарить. Благодарите Бога, благодарите вашу веру. Что-то произошло между вами и Богом. Я тут ни при чем».

Вот что такое сострадание. Сострадание постоянно дает, но не чувствует этого, оно не чувствует: «Я даю». Сущее выражает ему свою благодарность тысячами разных способов. Вы дарите немного любви, и любовь начинает струиться отовсюду. Человек сострадания не пытается ничего урвать, он не жаден. Он не ждет ничего взамен, он просто дает. Он также постоянно и получает, но он не думает об этом.

Итак, во-вторых: сострадание — это не так называемая любовь, а настоящая любовь.

В-третьих: сострадание — это разум, но не интеллект. Когда разум свободен от всех форм, от всех логических форм, когда разум свободен от

всех аргументов, когда разум свободен от так называемой рациональности, потому что рациональность — это ограничение, когда разум свободен, это сострадание. Человек сострадания необычайно умен, по он не интеллектуал. Он видит все насквозь, у него абсолютное зрение, ничто не может сокрыться от его взора — это не умствования. Он видит не посредством логики, не посредством умозаключений, а посредством ясного зрения.

Запомните: человек сострадания не глуп, но он не интеллектуал. Он обладает величайшим умом, он — само воплощение разума. Он — чистое сияние. Он знает, но он не думает. Зачем думать, если знаешь? Мышление — всего лишь суррогат. Вы думаете, потому что не знаете. Вы не знаете, поэтому вы думаете. Мышление — это суррогат, причем плохой суррогат. Когда знаешь, когда видишь, — кого волнуют какие-то умозаключения?

Человек сострадания знает, интеллектуал думает. Интеллектуал — это мыслитель, а человек сострадания — не мыслитель, не интеллектуал. Он обладает разумом, великолепным разумом, но его разум не действует по схемам интеллекта. Его разум действует интуитивно.

В-четвертых: сострадание — это не чувство, потому что в чувстве есть много того, что чуждо состраданию. В чувстве есть сентиментальность, эмоциональность — в сострадании этого нет. Человек сострадания чувствует, но без эмоций. Он чувствует, но без сентиментальности. Он сделает все, что требуется, однако действие его не коснется. Это нужно как следует понять. Как только вы поймете сострадание, вы поймете, что такое просветление.

Видя, как кто-то страдает, чувствительный человек начинает плакать. Но плачь не поможет. Если горит чей-то дом, чувствительный человек принимается кричать, плакать и бить себя в грудь. Это не поможет. Человек сострадания начнет действовать! Он не будет плакать, это бесполезно: слезы не помогут. Слезы не затушат пожар, слезы не станут лекарством от страданий, слезы не помогут утопающему. Человек тонет, а вы стоите на берегу, плачете и рыдаете — причем от всего сердца. Вы, конечно же, очень чувствительный человек, но не человек сострадания. Человек сострадания незамедлительно бросается действовать. Его действие безотлагательно, он ни секунды не колеблется. Его действие мгновенно: как только у него, сообразно пониманию ситуации, появляется какая-то идея, он тут же переводит ее в действие. Вернее, переводит не совсем *он* — идея сама переводится. Его понимание и его действие — две стороны одного и того же явления, они нераздельны. Одна сторона называется *понимание*, другая — *действие*.

Вот почему я говорю, что религиозный человек по своей натуре — приверженный и преданный, преданный жизни. Он не будет плакать и рыдать. Иногда чувствительный человек похож на человека сострадания. Не заблуждайтесь — от чувствительного человека никакой пользы. На самом деле он только еще больше все испортит. От него не будет никакого толку, он создаст еще больше сумятицы. Он будет мешать, а не помогать.

Человек сострадания суров. Он просто начнет действовать — без слез, без эмоций. Он не холоден, но и не горяч. Он теплый — и хладнокровный. Это

парадокс человека сострадания. Он теплый, потому что он любящий, и все же он сохраняет хладнокровность. Он никогда не теряет самообладания; что бы ни происходило, он остается невозмутимым и действует хладнокровно. Благодаря своему хладнокровию, он помогает.

Нужно понять эти четыре вещи, тогда у вас возникнет четырехмерное видение того, чем является сострадание. Как возникает такое сострадание? Когда оно не вырабатывается? Если вы специально его в себе вырабатываете, оно превращается в доброту. Как достичь такого сострадания в жизни? Чтение священных писаний бесполезно: слова Будды и Христа вам не помогут, потому что они затронут ваш интеллект, но не разум. Не поможет и попытка любить сильнее, но так же, как вы любили до сих пор. Если вы будете двигаться в прежнем направлении, вы не достигнете сострадания. Ваша любовь движется в неправильном направлении. Если вы будете продолжать любить по-прежнему — если вы будете читать, что Будда говорил о любви или что Иисус говорил о любви, и думать: «Хорошо. Значит, мне надо любить так же, как я любил до сих пор, но сильнее», — тогда увеличится интенсивность вашей любви, но качество ее останется прежним. Вы будете продолжать двигаться в прежнем направлении.

Ваше направление изначально неверно. Вы не любили. «Я никогда не любил...» — как только эта мысль пронзит ваше сердце... Да, ужасно почувствовать, что «я никогда не любил» — очень больно. Мы можем поверить, что другие никогда не любили — в это мы и верим — «меня никто не любит, это и понятно: люди такие черствые», — но понимание того, что *вы* никогда не любили, наносит вашему эго сокрушительный удар.

Вот почему люди не хотят видеть тот простой факт, что они сами — никогда не любили. И поскольку они не хотят его видеть, то они и *не* видят. И поскольку они не видят, с ними никогда не произойдет трансформация. Они будут продолжать двигаться все по той же колее, они будут продолжать повторять все те же механические действия, снова и снова. И снова и снова они будут разочаровываться.

Так как же достичь сострадания? Если бы это была просто ваша любовь, вы могли бы бежать в том же направлении. Было бы правильно бежать быстрее, с большей скоростью. Но вы движетесь в неправильном направлении, так что если вы будете бежать быстрее, то вы будете быстрее отдаляться от сострадания, а не приближаться к нему. Скорость не поможет, потому что, прежде всего, вы бежите в неправильном направлении — в направлении похоти и желания. Так как же достичь сострадания? К тому же я говорю, что сострадание — это не чувство; иначе вы могли бы стать очень эмоциональными, проливать море слез и истязать себя, сочувствуя чужому горю. Вы могли бы сочувствовать всему населению Вьетнама, Кореи, Пакистана и других стран; вы могли бы сочувствовать всем беднякам мира.

В своих мемуарах Лев Толстой вспоминает о своей матери. Он пишет, что она была очень доброй женщиной, очень доброй в том смысле, в котором я говорил, а не в смысле сострадания. Она была очень доброй — такой доброй, что все время плакала в театре. Они принадлежали к знатной семье и были

богатыми людьми. Когда мать Льва Толстого шла в театр, ее сопровождал слуга со множеством носовых платков, потому что она использовала их один за другим. Она все время плакала. И Толстой говорит: «Но меня очень удивляло, что в России, даже зимой в сильные морозы и снегопад, она шла в театр, а кучер оставался сидеть в коляске, замерзая под снегом и заболевая. Она никогда даже не подумала об этом человеке, которому приходилось мучиться и ждать ее на морозе. Но она постоянно пролиwała слезы из-за того что видела на сцене».

Слезы и чувства сентиментальных и эмоциональных людей ничего не стоят. Сострадание стоит много. Оно стоит всей жизни. Человек сострадания — реалист. Чувствительный человек живет в мечтах, смутных эмоциях, фантазиях — сострадание не может сквозь них пробиться. Так как же достичь его? Каков дзенский способ его достижения? Единственный способ его достижения — медитация. Сострадание достигается медитацией. Поэтому мы должны понять, что такое медитация.

Гаутама Будда, основоположник дзен и всех великих медитационных техник мира, определяет ее одним словом. Однажды его спросили: «Что такое медитация? В чем ее суть?» И Гаутама Будда сказал одно единственное слово, он сказал: «ОСТАНОВКА!» Это было его определение медитации. Он сказал: «Если он останавливается, это медитация». Полное предложение: «Сумасшедший ум не останавливается. Если он останавливается, это медитация».

Сумасшедший ум не останавливается — если он останавливается, это медитация. Медитация — это состояние осознанности без мыслей. Медитация — это состояние неэмоциональной, несентиментальной, не думающей осознанности. Когда вы просто осознаете, когда вы становитесь оплотом осознанности. Когда вы пробуждены, бдительны и внимательны. Когда вы — чистая осознанность.

Как войти в это состояние? В дзен есть специальное слово, обозначающее вход — *хуа тоу*. Это китайское слово обозначает «пред-мысль» или «пред-слово». Ум, прежде чем его взбаламутят мысли, называется *хуа тоу*. Между двумя мыслями есть промежуток, этот промежуток называется *хуа тоу*.

Наблюдайте: одна мысль проходит по экрану вашего ума — по радиолокационному экрану вашего ума, словно облачко, проходит одна мысль. Вначале она видна еле-еле, потом она подходит все ближе и ближе — и вот она на экране. Затем она движется по экрану, после чего покидает его, снова становится расплывчатой и исчезает... Приходит другая мысль. Между этими двумя мыслями есть промежуток — одну секунду или долю секунды на экране нет ни одной мысли.

Это состояние чистого безмыслия называется *хуа тоу* — пред-слово, пред-мысль. Поскольку у нас нет внутренней осознанности, мы постоянно упускаем его — иначе медитация происходила бы каждое мгновение. Вы просто должны увидеть, как это происходит, вы просто должны осознать, какое сокровище вы постоянно носите внутри себя. Медитацию не нужно искать вовне. Медитация — внутри вас, это семя, которое вы носите в себе. Вы

просто должны осознать его, начать питать его, заботиться о нем, и тогда оно начнет расти.

Интервал между двумя мыслями — это *хуа тоу*. И это дверь, через которую можно войти в медитацию. *Хуа тоу* — этот термин буквально означает «голова слова». «Слово» — это произносимое слово, а «голова» — это то, что предшествует слову. *Хуа тоу* — это момент до возникновения мысли. Как только возникает мысль, он становится *хуа уэй* — *хуа уэй* буквально означает «хвост слова». И затем, когда мысль исчезает или слово исчезает и снова возникает промежуток, это снова *хуа тоу*. Медитация — это заглядывание в *хуа тоу*.

«Следует бояться не возникновения мыслей, — говорит Будда, — а промедления в их осознании». Это совершенно новый подход к уму, до Будды он никогда не применялся. Будда говорит, что не следует бояться возникновения мыслей. Следует бояться только одного — неосознания мыслей, задержки в осознании.

Если возникает мысль, а вместе с ней и ваша осознанность — если вы видите, как она возникает, если вы видите, как она приходит, если вы видите ее присутствие, если вы видите, как она уходит, — тогда нет проблем. Это самое видение вскоре станет вашей цитаделью. Эта самая осознанность принесет вам много плодов. Вы можете видеть свою мысль, и если вы видите ее, то вы — не мысль. Мысль существует отдельно от вас, вы не отождествляетесь с ней. Вы — сознание, а она — его содержимое. Она приходит и уходит — она гость, вы хозяин. Это первый опыт медитации.

Дзен говорит о «чужой пыли»: например, путешественник останавливается в гостинице, проводит там ночь и завтракает. Затем он собирает вещи и продолжает свое путешествие, потому что ему некогда задерживаться. С другой стороны, хозяину гостиницы некуда идти. Тот кто не остается, — гость; тот, кто остается, — хозяин. Следовательно, «чужое» — это то, что не остается. Или: в ясный день, когда встает солнце и солнечный свет светит через окно в дом, видно, как в лучах света движется пыль, но пустое пространство остается неподвижным. То, что неподвижно, является пустотой; то, что движется, — пылью. «Чужая пыль» — это ложные мысли, а пустота — ваша истинная сущность, хозяин, который не приходит и уходит вместе с гостем.

Это глубокое откровение. Сознание — это не содержимое. Вы являетесь сознанием, мысли приходят и уходят, вы — хозяин. Мысли — это гости: они приходят ненадолго, отдыхают, едят, могут остаться на ночь, а потом уходят. Вы остаетесь. Вы постоянны, вы никогда не меняетесь — вы вечно здесь. Вы — сама вечность.

Смотрите: иногда вы больны, иногда — здоровы, иногда — в депрессии, иногда — счастливы. Когда-то вы были младенцем, ребенком, затем вы стали юношей или девушкой, а потом повзрослели. Когда-то вы были сильными; придет день, и вы станете слабыми. Все это приходит и уходит, но ваше сознание остается прежним. Вот почему, если вы заглянете внутрь себя, вы не сможете сказать, какого вы возраста. Потому что там нет возраста. Если

вы посмотрите внутрь и попытаетесь выяснить свой возраст, вы увидите, что возраста нет, потому что нет времени. Вы точно такие же, какими были в детстве и в молодости. Внутри вы остались прежними. Чтобы узнать свой возраст, вам надо посмотреть на календарь, на ваше свидетельство о рождении, в дневник — вы должны посмотреть на что-то вовне. Внутри вы не найдете никакого возраста или старения. Внутри времени нет. Вы остаетесь неизменными — появляется ли облако под названием «депрессия» или облако под названием «счастье» — вы неизменны.

Иногда в небе появляются черные тучи, но само небо из-за этих туч не меняется. Иногда по небу проплывают белые облака, но небо остается неизменным. Облака приходят и уходят, а небо остается. Облака приходят и уходят, а небо пребывает.

Вы — небо, а мысли — облака. Если вы ежеминутно будете наблюдать за своими мыслями, если вы будете внимательно смотреть на них и осознавать, первым появится понимание именно этого — это очень глубокое понимание. Это — начало становления вашего внутреннего будды, это начало вашего пробуждения. Вы больше не спите, вы больше не отождествляетесь с облаками, которые приходят и уходят. Теперь вы знаете, что вы пребываете вечно. Внезапно уходит все беспокойство. Вас ничто не меняет, вас ничто никогда не изменит — так к чему беспокоиться и тревожиться? Зачем волноваться? Волнение ничего не может с вами поделать. Это все приходит и уходит, это просто рябь на поверхности воды. В самой глубине нет ряби. А вы находитесь именно там, вы и являетесь этой глубиной. Вы — само бытие. В дзен это состояние называется «быть хозяином».

Вы просто слишком отождествились с гостями — отсюда и ваше страдание. Приходит гость, и вы слишком к нему привязываетесь. А когда он собирает вещи и уходит, вы плачете и рыдаете и не находите себе места, вы бежите за ним, чтобы хотя бы проводить его, устроить ему пышные проводы. Потом вы возвращаетесь к себе и все плачете и плачете — гость ушел, и вы так несчастны. Затем приходит другой гость, и снова вы привязываетесь к нему, снова отождествляетесь с ним, и снова он уходит...

Гости приходят и уходят, они не остаются! Они не могут остаться, они и не должны оставаться.

Вы когда-нибудь наблюдали за мыслью? Она никогда не остается, она не может остаться. Даже если вы захотите заставить ее остаться, вам это не удастся. Попробуйте. Именно это иногда и пытаются делать люди: они пытаются удержать в уме одно слово. Например, они хотят удержать в уме один звук, *аум*. Несколько секунд они помнят его, а потом он уходит, ускользает. Они снова начинают думать о работе, о жене, о детях... Внезапно они спохватываются — а где же *аум*? Он выскользнул из ума.

Гости есть гости: они пришли не затем, чтобы остаться навсегда. Как только вы поймете, что все, что с вами происходит, пройдет, — беспокойство тоже исчезнет. Наблюдайте за гостями: пускай они побудут, пускай они упакуют вещи, пускай они уйдут. Вы остаетесь. Вы видите, какой возникает покой, если вы чувствуете, что вы пребываете вечно? Это безмолвие. Это

спокойствие. Это отсутствие мучений. Страдание прекращается, как только прекращается отождествление. Не отождествляйтесь — нот и все. И если вы увидите кого-нибудь, кто постоянно живет вне времени, вы почувствуете вокруг него благодать, спокойствие и красоту.

Есть одна прекрасная история о Будде. Слушайте внимательно, иначе не поймете ее до конца.

Однажды в обеденное время Всемирно Почитаемый надел халат, взял миску и пошел в славный город Сравасти просить еды. Пройдя по домам и собрав подаяние, он вернулся к себе. Поев, он убрал халат и миску, помыл ноги, устроил себе место для сидения и сел.

Медленно проследите все эти действия, будто это фильм с замедленной съемкой. Это фильм о Будде, а в фильмах о Будде все протекает очень медленно. Позвольте мне еще раз повторить эту историю...

Однажды в обеденное время Всемирно Почитаемый надел халат, взял миску и пошел в славный город Сравасти просить еды. Пройдя по домам, прося подаяние, он вернулся к себе. Поев, он убрал халат и миску, помыл ноги, устроил себе место для сидения и сел.

Представьте себе, как Будда все это делает и затем садится на свое место.

Это показывает повседневную жизнь Будды и его ежедневные действия, которые ничем не отличаются от действий других людей, в них нет ничего особенного. И все же в них есть нечто необычное, но совсем немногие знают об этом.

Что это? Что это за необычное, уникальное качество? Ведь Будда делает обычные вещи. Моет ноги, устраивает место для сидения, садится, убирает халат, убирает миску, ложится спать, возвращается — обычные вещи, которые делают все.

Присутствующий там Субути поднялся со своего места, обнажил правое плечо, встал на правое колено, с почтением сложил ладони и сказал Будде: «Необыкновенно, о, Всемирно Почитаемый! Необыкновенно!»

Но на первый взгляд в этом нет ничего необыкновенного. Будда приходит, убирает халат, убирает миску, устраивает место для сидения, моет ноги, садится на свое место — кажется, что в этом нет ничего необычного. А этот Субути... Субути был одним из самых проницательных учеников Будды — очень многие замечательные и прекрасные истории о Будде связаны с Субути. Это одна из таких историй, необыкновенная история.

И тогда присутствующий там старший Субути встал со своего места, обнажил правое плечо, встал на правое колено, с почтением сложил ладони и сказал Будде: «Необыкновенно, о, Всемирно Почитаемый! Необыкновенно!»

Невиданно, уникально.

Ежедневные действия Татхагаты были подобны действиям других людей, но была в них одна отличительная особенность, и сидящие с ним лицом к лицу не увидели ее.

В тот день Субути внезапно обнаружил эту особенность и восхитился ею, сказав: «Необыкновенно! Необыкновенно!»

Увы! Татхагата провел с учениками тридцать лет, а они ничего не знали о простых действиях его повседневной жизни. Поскольку они ничего не знали, они думали, что это обыкновенные действия, и не обращали на них внимания. Они лишь думали, что он похож на других, и поэтому относились к нему с подозрением и не верили тому, что он говорит. Если бы Субути не был столь проникновенен, никто бы по-настоящему и не узнал Будду.

Так сказано в священном писании. Если бы не было Субути, никто бы никогда не увидел, что происходило внутри Будды. Так что же происходило внутри? Будда оставался хозяином. Ни на секунду он не терял своей вечности, вневременности. Будда оставался медитативным. Ни на секунду он не терял своего *хуа тоу*. Будда пребывал в *самадхи*, даже когда мыл ноги, он делал это внимательно и осознанно. Ясно понимая, что «эти ноги — не я». Ясно понимая, что «эта миска — не я». Ясно понимая, что «этот халат — не я». Ясно понимая, что «этот голод — не я». Ясно понимая, что «все, что вокруг меня, — не я. Я — просто свидетель, наблюдатель всего этого».

Отсюда благодать Будды, отсюда эта неопишуемая красота Будды. Он остается невозмутимым. Эта невозмутимость и есть медитация. Ее нужно достигать более глубоким осознанием хозяина, более глубоким осознанием гостя, разотождествлением с гостем, разъединением с гостем. Мысли приходят и уходят, чувства приходят и уходят, мечты приходят и уходят, настроения приходят и уходят, атмосфера меняется. Все, что меняется, — не вы.

Есть ли что-нибудь, что остается неизменным? Да, это вы. Это божественность. Знать это, быть этим и быть в этом — значит достигнуть *самадхи*. Медитация — метод, *самадхи* — цель. Медитация, *дхьяна*, — это способ разрушения отождествления с гостем. А *самадхи* означает растворение в хозяине, пребывание в хозяине, обретение своего центра в хозяине.

Каждую ночь, засыпая, ты обнимаешь будду,

Каждое утро, просыпаясь, ты снова с ним.

Вставая или садясь, вы наблюдаете и следуете друг за другом.

Разговаривая или храня молчание, вы оба в одном месте.

Вы не расстаётесь ни на миг,

Вы словно тело и его тень.

Если хочешь узнать местонахождение будды,

Ты найдешь его в звуке собственного голоса.

Это дзенская пословица: «Каждую ночь, засыпая, ты обнимаешь будду». Будда всегда здесь, не-будда тоже здесь. Внутри вас встречаются этот мир и нирвана, внутри вас встречаются дух и материя, внутри вас встречаются душа и тело. Внутри вас встречаются все тайны мироздания: вы — место встречи, вы — перекресток. С одной стороны — целый этот мир, с другой — целое иного мира. Вы — связующее звено между ними. И вопрос только в направленности внимания. Если вы будете продолжать фокусировать свое внимание на этом мире, вы в нем и останетесь. Если вы начнете менять фокус внимания, если вы сместите его и начнете сосредотачиваться на со-

знании, вы станете богом. Всего лишь небольшое изменение, как смена передачи в автомобиле, — вот и все.

«Каждую ночь, засыпая, ты обнимаешь будду, каждое утро, просыпаясь, ты снова с ним». Он всегда здесь, потому что сознание всегда здесь; оно не теряется ни на секунду.

«Вставая или садясь, вы наблюдаете и следуете друг за другом». Хозяин и гость — оба здесь. Гости непрерывно сменяют друг друга, но в гостинице всегда кто-то есть. Она никогда не пустует — до тех пор, пока вы не разотождествитесь с гостем. Тогда возникнет пустота. Тогда временами ваша гостиница будет пустой, и только лишь хозяин будет сидеть в ней и отдыхать, и ему не будут докучать никакие гости. Движение приостановлено, люди не приходят. Это моменты блаженства, это моменты величайшего наслаждения.

«Разговаривая или храня молчание, вы оба в одном месте». Когда вы говорите, в вас есть некто, кто безмолвствует. Когда вы испытываете вожделение, есть некто выше вожделения. Когда вы одержимы желанием, есть некто, совсем не испытывающий желаний. Наблюдайте — и вы обнаружите его. Да, вы очень близки, и все же очень разные. Вы встречаетесь и в то же время не встречаетесь. Вы встречаетесь, как вода и масло: разделение остается. Хозяин очень близко подходит к гостю. Иногда онижимают друг другу руки и обнимаются, но все равно хозяин есть хозяин, а гость есть гость. Гость — это тот, кто приходит и уходит; гости постоянно меняются. А хозяин — это тот, кто остается, кто пребывает.

«Вы не расстанетесь ни на миг, вы — словно тело и его тень. Если хочешь узнать местонахождение будды, ты найдешь его в звуке собственного голоса». Не ищите будду вовне. Он живет в вас — он живет в вас как хозяин.

Как же войти в это *состояние хозяина*? Я хотел бы рассказать вам об одной очень древней технике; эта техника чрезвычайно полезна. Это одно из самых простых средств, предложенных Буддой, чтобы прийти к этому непостижимому хозяину, чтобы достичь наивысшей тайны вашего существа:

Отбросьте от себя все возможные отношения и посмотрите, что вы собой представляете. Предположим, вы не сын своих родителей, не муж своей жены, не отец своих детей, не родственник своих родных, не друг своих знакомых, не гражданин своей страны и т. д. и т. п.— тогда вы доберетесь до себя самого.

Просто отсоединитесь. Сядьте как-нибудь в один прекрасный день и отсоедините себя от всех отношений. Точно так же, как вы отключаете телефон, отключитесь от всех отношений. Больше не думайте, что вы отец своего сына, — отключитесь. Вы больше не отец своего сына, вы больше не сын своего отца. Отключитесь от мысли, что вы муж своей жены; вы больше не жена и не муж. Вы больше не начальник и не подчиненный. Вы больше не черный и не белый. Вы больше не индус, не китаец и не немец. Вы больше не молодой и не старый. Отключитесь, продолжайте отключаться.

Существует тысяча и одна разновидность отношений — продолжайте отключаться от всех. Когда вы отключитесь от всех отношений, спросите себя: «Кто я?» И ответа не будет, потому что вы отсоединились от всех ответов, которые могли бы быть даны на этот вопрос.

«Кто я?» И приходит ответ: «Я — врач», но вы отключились от всех пациентов. Приходит ответ: «Я — профессор», но вы отключились от своих студентов. Приходит ответ: «Я — мужчина» или «Я — женщина», но вы отключились от пола. Приходит ответ: «Я — старик»; но вы отключились от возраста.

Отсоедините всё. Тогда останетесь вы сами по себе. Тогда впервые хозяин будет один, без гостей. Иногда очень приятно побыть одному без гостей, потому что тогда вы сможете глубже вникнуть в свое состояние хозяина. Гости создают суматоху, гости шумят, они приходят и требуют вашего внимания. Они говорят: «Сделай то, сделай это. Нужна горячая вода. Где завтрак? Где моя постель? В моем номере клопы!» ...и еще тысяча и одно требование, и хозяин начинает бегать за гостями — да, естественно, он должен заботиться об этих людях!

Когда вы полностью отсоединены, никто вас не беспокоит — никто *не может* вас побеспокоить. Внезапно вы оказываетесь в полном одиночестве — в чистом, в девственно чистом одиночестве. Вы — словно целина, девственный пик Гималаев, где ни разу не ступала нога человека.

Вот что такое девственность. Вот что я имею в виду когда говорю: «Да, мать Иисуса была девственницей» Вот что я имею в виду. Я не согласен с христианскими теологами — всё, что они говорят, вздор. Вот что такое девственность — Иисус был зачат, когда Мария пребывала в таком отрешенном состоянии. Когда вы находитесь в таком состоянии и в вас входит ребенок, он конечно же, может быть только Иисусом, больше никем.

В Древней Индии существовали специальные методы зачатия детей. Вначале партнеры должны были погрузиться в глубокую медитацию, и только потом они начинали заниматься любовью. Медитация была подготовкой к сексу — в этом весь смысл тантры. Вначале медитация — потом соитие. Так приглашались великие души для воплощения. Чем глубже медитация, тем более великая душа может прийти.

Мария, должно быть, была в совершенно отрешенном состоянии, когда в нее проник Иисус. Она, должно быть, пребывала именно в такой девственности: она была хозяином. Она больше не была гостем, гость ее больше не беспокоил, и она больше не отождествлялась с ним. Она не была ни телом, ни умом, ни мыслями, ни женой — она была никем. В этой «никтоности» она и пребывала — чистый свет, пламя без дыма. Она была девственницей.

И я вам скажу, что то же самое было, когда были зачаты Будда, Махавира, Кришна и Нанак, — эти люди просто не могли быть зачаты иначе. Эти люди могли войти только в самое девственное лоно. Но это мое понимание девственности Марии. Оно не имеет ничего общего с глупыми идеями, что, она, мол, никогда не занималась любовью с мужчиной, что Иисус был зачат

не от мужчины, что Иисус не был сыном Иосифа. Именно поэтому христиане все время говорят, что «Иисус — сын Марии». Они не говорят о его отце; Иосиф не был его отцом. «Сын Марии» и «Сын Божий» — между ними не было Иосифа. Но зачем же так обижать бедного Иосифа? Почему бы Богу не использовать Иосифа, если Он смог использовать Марию? Что в этом плохого? Он использует Марию ради ее утробы, и это ничего не портит; тогда почему бы Ему не использовать и Иосифа? Утроба — это половина дела, потому что была использована одна материнская яйцеклетка, так почему бы не использовать сперму Иосифа? Зачем так обижать бедного плотника?

Сущее использует и то и другое. Но состояние сознания должно — быть от хозяина. И действительно, если вы хозяин, тогда неудивительно, что вы принимаете великого гостя — к вам приходит Иисус! Если вы разотождествитесь со всеми гостями, тогда божественное становится вашим гостем. Вначале вы должны стать хозяином, чистым хозяином. Тогда божественное станет вашим гостем.

Когда вы отсекаете все привязанности, вы приходите к самим себе. Теперь спросите себя: «Что такое „я сам по себе“?» Вы не сможете ответить на этот вопрос — на него нет ответа, потому что он отрезан от всех известных вам отношений. Таким образом, вы сталкиваетесь с неизвестным; это вхождение в медитацию. Когда вы обоснуетесь в ней целиком и полностью, вы придете к просветлению.

Теперь вы с легкостью сможете понять эту дзенскую притчу.

Мастер дзен и вор — притча о прощении

Когда Банкей проводил недели медитации в уединении, к нему приезжали ученики из многих уголков Японии. Во время одной из таких встреч одного ученика уличили в краже. Об этом сообщили Банкею и попросили выгнать виновника. Банкей проигнорировал просьбу.

Спустя некоторое время того же ученика снова уличили в краже, и снова Банкей не обратил на вора никакого внимания. Это рассердило других учеников, и они написали петицию с требованием изгнания вора и заявлением, что в противном случае они все сами уйдут.

Когда Банкей прочел петицию, он позвал всех учеников к себе. «Вы — мудрые братья, — сказал он им. — Вы знаете, что правильно и что неправильно. Если хотите, вы можете поехать учиться куда угодно, но этот ваш бедный брат не может отличить правильное от неправильного. Кто его научит, если не я? Я оставлю его здесь, даже если все остальные уйдут».

Потоки слез омыли лицо брата, который совершил кражу. Всякое желание воровать пропало.

Эта история происходила в медитационном лагере, во время медитационной сессии, поэтому вы должны понимать, что такое медитация.

Именно по этой причине я так глубоко затронул тему медитации, иначе вы бы упустили суть этой истории. Это не простые истории, для их понимания требуется предварительная подготовка. Если вы не понимаете, что такое медитация, то вы прочтете — «Когда Банкей проводил недели медитации в уединении», — но не поймете.

...к нему приезжали ученики из многих уголков Японии. Во время одной из таких встреч одного ученика уличили в краже.

Такие ученики есть повсюду, потому что человек заиклен на деньгах. И не думайте, что тот, кто воровал, очень отличается от тех, у кого он крал: они все в одной лодке. Они все заиклены на деньгах. У одних есть деньги, у других их нет — вот в чем разница. Но и те и другие заиклены на деньгах.

Об этом сообщили Банкею и попросили выгнать виновника. Банкей проигнорировал просьбу.

Почему он проигнорировал просьбу? Потому что и те и другие заиклены на деньгах. И те и другие — воры — одни воры пытаются украсть что-то у других, вот и все. В этом мире, если вы копите что-то, вы становитесь вором, если вы обладаете чем-то, вы становитесь вором. В мире существует два вида воров: одни — уважаемые воры, признанные государством, санкционированные, зарегистрированные, имеющие государственную лицензию: другие — не лицензированные воры, действующие сами по себе. Законное воровство и незаконное. Воры в законе — уважаемые люди; незаконные воры естественно, не пользуются уважением, потому что они нарушают общепринятые законы.

Умные люди никогда не нарушают законы, они находят способ украсть, обойдя их. Но некоторые люди не столь умны. Увидев, что, следуя законам, они никогда ничего не будут иметь, они пренебрегают законами и начинают совершать незаконные действия. Но все помешаны на деньгах. Вот почему Банкей проигнорировал просьбу

Спустя некоторое время того же ученика снова уличили в краже, и снова Банкей не обратил на вора внимания.

Он знал, что они все в одной лодке; между ними нет большой разницы.

Удивительно, но когда человек преуспевает в своей преступной деятельности, его начинают уважать. И только в случае своей неудачи он становится преступником. Успешные грабители становятся королями, а неуспешные короли — грабителями. Вопрос лишь в том, кто добивается успеха. Если вы обладаете властью, вы — великий император. Что собой представлял Александр Македонский? Он был грабителем, но он преуспел.

Все ваши так называемые политики — грабители. Они пытаются уничтожить других грабителей — они могут выступать против контрабандистов, величайших воров. Но они не преступают закон, или, по крайней мере, им удается продемонстрировать, что они совершают законные действия. И они добиваются успеха, по крайней мере, пока они находятся у власти. Когда они лишаются власти, тогда все чудесные мифы о них развеиваются.

Как только политик уходит в отставку, он становится безобразным. Он может быть Ричардом Никсоном или она может быть Индирой Ганди. Как только политик уходит в отставку, как только он лишается защищающей его власти, все раскрывается. Если вы узнаете, как он разбогател, вы не сможете его уважать. Но если человек действительно богат, он может заставить людей молчать. А память людей коротка: они все быстро забывают.

Я читал в одной исторической книге, что двадцать человек были высланы из Англии: они были морскими пиратами. И что же произошло тридцать лет спустя? Некоторые из этих двадцати пиратов отправились в Австралию, некоторые — в Америку. Некоторые из них стали губернаторами в Америке, некоторые — банкирами, землевладельцами — все двадцать стали очень уважаемыми людьми.

Вот почему Банкей проигнорировал сложившуюся ситуацию. Он не обратил на нее внимания, не придал ей никакого значения. «Это в порядке вещей, именно так все и происходит в мире». Тот, кто не помешан на деньгах, проигнорирует такую ситуацию.

Это рассердило других учеников, и они написали петицию с требованием изгнания вора и заявлением, что в противном случае они все сами уйдут.

Эти люди приехали туда не для медитации. Если вы приехали медитировать, вы должны понять, что существуют некоторые требования: вы должны избавиться от излишней привязанности к деньгам, и вы должны достичь определенной независимости от всей своей собственности. И тогда не важно, что кто-то взял у вас несколько рупий, — это не имеет никакого значения, это — не вопрос жизни и смерти. Вы должны понять, как работает ум, как люди становятся помешанными на деньгах.

Вы настроены против вора, потому что он взял ваши деньги. Но действительно ли они были вашими? Вы, должно быть, тоже взяли их у кого-то, но другим способом — никто не приходит в этот мир с деньгами, мы все приходим сюда с пустыми руками. Мы объявляем всё, чем мы владеем, своим, но на самом деле никому ничто не принадлежит. Если человек действительно приехал заниматься медитацией, у него будет именно такая позиция: никому ничто не принадлежит. У него будет все меньше и меньше привязанности к вещам.

Но эти люди были помешаны на деньгах. А когда вы помешаны на деньгах, естественно вступает в действие политика. Когда они увидели, что Банкей дважды проигнорировал кражу, они, наверное, подумали: «Что это за мастер? Он как будто одобряет действия вора». Они не могли понять, почему он не обращает на кражу никакого внимания. Он не придавал ей значения лишь затем, чтобы показать им, что они должны избавиться от своей привязанности к деньгам. Да, воровство — это плохо, но привязанность к деньгам ничем не лучше.

Когда они увидели, что их дважды проигнорировали, они рассердились. Они составили петицию — политика немедленно вступает в действие, вот и протест, петиция — *«с требованием изгнания вора и заявлением, что в противном случае они все сами уйдут».*

Итак, они были там не для медитации. Если бы они были там действительно для медитации, у них было бы совершенно другое отношение к этой проблеме. Они бы чувствовали больше сострадания к этому человеку, к его жажде денег. Если бы они были настоящими медитаторами, они бы отдали ему свои деньги — «вместо того чтобы красть, возьми, пожалуйста, эти деньги». Это бы значило, что они там для медитации, для трансформации.

Но они составили петицию, требуя изгнания вора. И не только: они угрожали уйти, если его не прогонят.

Нельзя угрожать такому мастеру, как Банкей.

Когда Банкей прочел петицию, он позвал всех учеников к себе. «Вы — мудрые братья, — сказал он им. — Вы знаете, что правильно и что неправильно. Если хотите, вы можете поехать учиться куда угодно, но этот ваш бедный брат не может отличить правильное от неправильного. Кто его научит, если не я? Я оставлю его здесь, даже если все остальные уйдут».

Нужно многое понять. Когда мастер говорит: «Вы — мудрые братья», он смеется над ними, он наносит им сильный удар. Он не имеет в виду, что они мудры, он имеет в виду, что они полные дураки. Но все дураки думают, что они мудры. На самом деле думать о своей мудрости — это одно из основных свойств дурака. Мудрые люди не думают, что они мудры. Глупые люди всегда думают, что они мудры.

Они все были дураками. Они были там не для того, чтобы владеть деньгами, не для того, чтобы получить деньги, — они были там для того, чтобы получить нечто большее, гораздо более высокое, но они напрочь забыли об этом. В сущности, вор дал им возможность вспомнить. Если бы они были истинными медитаторами, они бы пошли его благодарить: «Ты дал нам возможность увидеть, как сильно мы привязаны к деньгам. Как сильно ты нас взволновал! Мы совсем забыли о медитации, мы забыли, зачем пришли сюда. Мы забыли о мастере Банкее»

Они, вероятно, преодолели сотни или даже тысячи миль: Китай — большая страна. Они, должно быть, были в пути несколько месяцев, потому что в те дни путешествовать было нелегко. Они пришли — они слышали об этом мастере и пришли из далеких мест, чтобы научиться у него медитации. Но стоило одному человеку совершить кражу, и они обо всем забыли! Им следовало бы поблагодарить вора: «Ты что-то изменил в нашем сознании — на поверхность всплыла безумная привязанность к деньгам».

Когда Банкей говорит: «Вы — мудрые братья», он шутит. На самом деле он говорит: «Вы полные дураки. Но вы думаете, что вы мудрецы, вы думаете, что знаете, что правильно и что неправильно. Вы даже пытались научить меня, что правильно и что неправильно. Вы говорите мне: „Прогоните этого человека, а не то мы уйдем". Вы пытаетесь продиктовать мне свои условия. Вы думаете, что вы знаете, что правильно и что неправильно? Тогда можете пойти куда угодно — вы так умны, вы сможете обучаться где угодно. Но куда пойдет этот человек? Он же дурак!»

Видите, в чем суть, в чем ирония. Помните, что в праведности праведных нет правды. Люди, которые думают, что они правы, почти всегда оказываются глупцами. Жизнь настолько сложна и тонка, что невозможно с легкостью решить, что вы правы, а кто-то неправ. На самом деле человек, который мало что понимает, никогда не попадает в ловушку праведности.

Итак, ученики Банкея думают, что они знают, что правильно и что неправильно, вор совершил неправильный поступок, и потому мастер должен его выгнать. А если мастер его не выгонит, тогда он тоже будет неправ. Они слишком высокого мнения о своей мудрости: они думают, что они знают. Они не видят сострадания мастера, они не видят его медитации. Они не видят, что мастер стал буддой; Банкей — один из величайших мастеров дзен. Они не видят, кто перед ними, и они протестуют и угрожают ему.

Человек бесконечно глуп — на протяжении веков он совершал всевозможные глупости. И самые большие глупости совершались в присутствии просветленного — потому что вы не можете понять, не можете увидеть, кто перед вами. Вы продолжаете вести себя как дети, вы продолжаете говорить глупости.

Банкей говорит:

Вы — мудрые братья. Вы знаете, что правильно и что неправильно. Если хотите, вы можете пойти учиться куда угодно, но этот ваш бедный брат не может отличить правильное от неправильного. Кто его научит, если не я?

Так что идите, а я оставлю его и научу.

Я оставлю его здесь, даже если все остальные уйдут.

Иногда так бывает, что того, кто думает, что он прав, тяжелее научить, чем того, кто думает, что он неправ. Легче научить преступника, чем святого. Легче научить того, кто всем сердцем чувствует, что он делает что-то не так, — потому что он готов учиться. Он сам желает избавиться от своего невежества. Но человек, который думает: «Я делаю все правильно», не желает избавляться от своего существующего состояния, он им совершенно доволен. Его невозможно изменить.

Почему мастер говорит: «Вы все можете уйти, а этот бедный брат пускай остается»? Почему? Потому что у этого бедного брата есть возможность, есть потенциал.

Однажды один человек, известный преступник, убийца, грешник, пришел к Будде на посвящение. Когда он шел, он боялся, что ему не разрешат войти, боялся, что ученики не позволят ему увидеть Будду. Поэтому он пришел в такое время, когда там было мало людей. И он вошел не через главные ворота, а перепрыгнул через стену.

Так случилось, что Будды не было на месте, — он ушел просить подаяние, — и его схватили. Он сказал ученикам: «Я пришел не украсть, я просто боялся, что вы не пропустите меня через главные ворота. Все меня знают, я хорошо известная личность в округе. Меня здесь больше всех ненавидят и боятся. Поэтому я боялся, что вы можете не впустить меня, можете не поверить, что я хочу стать учеником».

Его отвели к одному из лучших учеников Будды, к Сарипутре, — тот был астрологом, обладал телепатическими способностями и мог видеть прошлые жизни людей. Они обратились к Сарипутре с просьбой: «Посмотри на этого человека. Мы знаем, что в этой жизни он убийца, вор, грешник, он совершил множество грехов. Но, может быть, в прошлых жизнях он был добродетелен — может быть, поэтому он хочет стать саньясином. Посмотри на его прошлые жизни».

Сарипутра просмотрел его восемьдесят тысяч прошлых жизней... он всегда был таким! Даже Сарипутру охватила дрожь при виде этого человека. От так опасен: восемьдесят тысяч раз он был убийцей, преступником, грешником. Он *закоренелый* грешник! Его невозможно изменить. Даже Будда ничего не сможет сделать.

Сарипутра сказал: «Прогоните его немедленно — даже Будда ему не поможет. Он *закоренелый* грешник. Так же как Будда — истинный просветленный, он — истинный грешник. Я увидел восемьдесят тысяч его жизней, больше не могу. Всему есть предел!»

Итак, этого человека выгнали. Ему было очень горько осознавать, что у него нет ни единого шанса. Он не мог находиться возле Будды живым и поэтому решил совершить самоубийство. Он направился к каменной стене неподалеку от главных ворот и собирался размозжить себе голову. В этот момент возвращался Будда, он увидел беднягу, остановил его, повел внутрь и посвятил.

Говорят, через семь дней этот человек стал *архатом* — через семь дней он просветлел. Все были озадачены. Сарипутра пришел к Будде и сказал: «Что это значит? Неужели мое ясновидение и моя астрология — вздор? Я заглянул в восемьдесят тысяч жизней этого человека! Если он за семь дней смог просветлеть, в чем был смысл заглядывать в его прошлые жизни? Это абсурд. Как такое возможно?»

На что Будда ответил: «Ты заглянул в его прошлое, но не в будущее. Прошлое есть прошлое! Как только человек решает измениться, он может измениться — решающим фактором является само решение. Если человек прожил восемьдесят тысяч жизней в страдании, он жаждет измениться — сила его намерения измениться огромна. Поэтому это может произойти за семь дней.

Сарипутра, ты еще не просветлел. Ты — хороший человек, ты прожил хорошие жизни — тебя не тяготит твое прошлое. Тебе всегда сопутствовала праведность. В течение многих жизней ты был брахманом, ученым, уважаемым человеком. Но посмотри на этого человека. На нем лежало бремя всех его восьмидесяти тысяч жизней, он хотел освободиться. Он действительно хотел освободиться, поэтому и произошло чудо: за семь дней он сбежал из тюрьмы. Им двигала сила его прошлого».

Это основное, что нужно понять о трансформации. Люди, ощущающие себя виновными, легко трансформируются. Люди, которые довольны собой, с трудом поддаются трансформации. Религиозных людей трудно трансформировать, нерелигиозных — легче. Поэтому, когда ко мне приходит

религиозный человек, я не обращаю на него особого внимания. Но когда ко мне приходит нерелигиозный человек, у меня возникает к нему искренний интерес. Я занимаюсь им, провожу с ним время, делаю для него все, потому что у него есть шанс.

Вот почему Банкей говорит:

«Кто его научит, если не я? Я оставлю его здесь, даже если все остальные уйдут».

Потоки слез омыли лицо брата, который совершил кражу. Всякое желание воровать пропало.

В потоке сострадания мастера вор перестает быть вором, он полностью очищается. Он начинает плакать, и слезы очищают его сердце. *Потоки слез омыли лицо брата, который совершил кражу. Всякое желание воровать пропало.* Это — чудо присутствия мастера. В притче ничего не говорится о том, что произошло со всеми остальными.

Это — тайна жизни. Никогда не чувствуйте себя праведными, не притворяйтесь, что вы правы, — не попадайтесь на крючок этой идеи. И никогда не думайте, что кто-то другой неправ, потому что одно связано с другим: если вы чувствуете свою правоту, вы всегда осуждаете других и думаете, что они неправы. Никогда никого не осуждайте и не хвалите себя, иначе вы ничего не поймете. Принимайте людей такими, какие они есть. Они такие, какие есть, а кто вы, чтобы решать: правы они или нет? Если они неправы, они страдают, если правы, они блаженны. Но кто вы, чтобы осуждать их?

Осуждение пробуждает в вас эго. Вот почему люди так много говорят о неправоте других — это дает им ощущение своей правоты. Кто-то является убийцей, и им приятно: «Я не убийца — по крайней мере, я не убийца». Кто-то является вором, и им хорошо: «Я не вор». И так далее и тому подобное — их эго укрепляется. Люди непрестанно говорят о чужих грехах и преступлениях. Они их преувеличивают и наслаждаются этим — у них возникает чувство: «Я хороший». Но это чувство становится препятствием.

Сострадайте, проявляйте понимание, любите. Смотрите на других без осуждения. И никогда не начинайте чувствовать себя праведниками и святыми. Не становитесь «его святейшеством» или «ее святейшеством».

Оставайтесь простаками, оставайтесь «никем». К вашему «никто» придет высший гость... и вы станете хозяином.

Сердце и ум: ответы на вопросы

Что значит помощь другому человеку? Очень часто она больше похожа на попытку изменить его, чем на уважение и безоговорочную любовь. Не могли бы вы рассказать об этом?

Между попыткой изменить другого и помощью существует огромная и существенная разница. Когда вы помогаете кому-либо, вы помогаете ему быть собой; пытаясь его изменить, вы стараетесь преобразовать его в

соответствии с вашей идеей. Пытаясь изменить кого-либо, вы стараетесь сделать из него точную копию себя. Вас не интересует сам человек; у вас есть определенная идея, некий идеал, и вы пытаетесь изменить человека согласно этому идеалу. Идеал гораздо важнее, реальный человек совсем ничего не значит.

На самом деле попытка изменить другого в соответствии с неким идеалом — насилие. Это агрессия, разрушение. Это не любовь и не сострадание. Сострадание всегда позволяет человеку быть самим собой. В сострадании нет идеологии, сострадание — это просто атмосфера. Оно не задает вам какого-то направления, оно дает вам лишь энергию. И вы двигаетесь сами. Ваше семя должно прорасти в соответствии со своей собственной природой. Никто вам ничего не навязывает.

Когда я говорю: «Идите и помогайте другим», я имею в виду помощь им в том, чтобы становиться самими собой. Когда я говорю, что в мире отсутствует религиозность из-за огромного количества проповедников, я имею в виду, что они пытаются изменить, переделать, трансформировать других в соответствии со своей идеологией. Идея не должна быть важнее человека. Даже все человечество не важнее одного человека. Человечество — это идея; один человек — реальность.

Забудьте о человечестве, помните о человеке — реальном, конкретном, живом, из плоти и крови. Очень легко пожертвовать человеком ради человечества. Легко пожертвовать человеком ради ислама, христианства, индуизма; легко пожертвовать им ради идей Христа и Будды. Помогайте, но не жертвуйте ими. Кто вы такие, чтобы приносить кого бы то ни было в жертву? Каждый индивид — самоцель. Не используйте его как средство.

Вот в чем значение слов Христа: «Суббота для человека, а не человек для субботы». Все делается ради человека; человек — наивысшая ценность. Даже идея Бога существует для человека, а не человек — для идеи Бога. Жертвуйте всем ради человека и не жертвуйте человеком ради чего бы то ни было. В этом состоит помощь.

Если вы начинаете жертвовать человеком, это не помощь. Вы разрушаете и калечите его. Вы совершаете насилие, вы — преступник. Таким образом, все ваши так называемые религиозные наставники, которые пытаются изменить других, — преступники. Вы можете только любить, помогать и бескорыстно давать.

Делитесь своим бытием, но пусть другие движутся в соответствии со своей судьбой. Их судьба неизвестна; никто не знает, что произойдет с цветком. Не навязывайте шаблона, иначе цветок погибнет. И помните, что каждая индивидуальность уникальна. Подобной никогда не было прежде и никогда не будет впредь. Существование никогда не повторяется. Оно постоянно изобретает новое.

Если вы попробуете сделать человека похожим на Иисуса, вы его разрушите. Иисуса нельзя повторить. И в этом нет никакой надобности! Он один прекрасен, копии скучны. Не пытайтесь сделать из человека Будду. Пусть он будет самим собой, пусть проявится его внутренний будда. Ни вы,

ни он сам, никто не знает, что он несет в себе. Только будущее покажет. Не только вы, но и он сам удивится, когда распустится его цветок. Каждый несет в себе цветок безграничных возможностей и силы.

Помогайте, делитесь энергией, любите. Принимайте других и давайте им понять, что вы им рады. Не вызывайте в них чувства вины, не внушайте им мысль, что они заслуживают осуждения. Попытка изменить других вызывает в них чувство вины, а чувство вины — это яд.

Когда вам говорят: «Будьте как Иисус!» — вас отрицают как таковых. Каждый раз, когда вас призывают стать похожими на кого-либо, вас самих не принимают. Вам не рады, вы — незваный гость. Пока вы не станете кем-то еще, вас не полюбят. Что это за любовь, если она разрушает вас и возникает только тогда, когда вы становитесь фальшивыми и ненастоящими?

Чтобы сохранить свою истинную сущность, вы можете быть только самими собой. Все остальное будет фальшью, масками, личностями, но не вашей сущностью. Вы можете украсить себя личностью Будды, но она никогда не коснется вашего сердца. Она никогда не срастется и не сольется с вами. Она будет существовать лишь как внешний облик. Как лицо, но не ваше лицо.

Поэтому, если кто-то говорит вам: «Я буду любить тебя, если ты станешь похожим на Будду или на Христа...» — он вас не любит. Возможно, он любит Христа, но вас он — ненавидит. И его любовь к Христу, возможно, тоже неглубока, потому что, если бы он по-настоящему любил Христа, он бы понимал абсолютную уникальность каждого человека.

Любовь — это глубокое понимание. Если вы полюбили хотя бы одного человека, в вас появилось новое качество видения. Теперь вы видите ясно. Если вы полюбили Христа, тогда, кто бы к вам ни пришел, вы увидите истинную сущность этого конкретного человека, его возможностей здесь и сейчас. И вы полюбите этого человека, вы поможете ему стать тем, кем ему суждено быть. Вы не будете ждать от него ничего другого. Всякое ожидание — это осуждение, всякое ожидание — это отрицание, всякое ожидание — это неприятие. Вы просто будете дарить ему свою любовь, не требуя взамен наград и не ожидая никакого результата. Вы будете помогать, не думая о будущем.

Когда любовь течет *без будущего*, это потрясающая энергия. Когда любовь течет без мотивации, она помогает и в этой помощи ей нет равных. Как только вы чувствуете, что хотя бы один человек принимает вас такими, какие вы есть, вы начинаете ощущать себя центрированными. Вы желанны в этой жизни. По крайней мере один человек безоговорочно принимает вас. Это дает вам основу, центрированность; это дает вам чувство, что вы — дома. Когда вы далеко от себя, вы далеко от существования, от своего дома. Расстояние между вами и вашей сущностью — это расстояние между вами и домом. Поэтому тот, кто говорит: «Станьте тем-то или тем-то», выталкивает вас из вашего дома. Вы станете фальшивыми, вы будете носить маски. У вас появится личность, характер и тысяча других вещей, но у вас не будет души, не будет сущности. Вы будете не осознанием, а обманом, псевдофеноменом.

Итак, когда я говорю: «Помогайте», я имею в виду, что вы должны научиться создавать вокруг себя особую атмосферу. Куда бы вы ни шли, приносите с собой атмосферу любви и сострадания и помогайте другим становиться самими собой.

Это самое сложное в мире — помогать другому быть самим собой, — потому что это идет вразрез с вашим эго. Вашему эго было бы угодно делать из людей подражателей. Вы бы хотели, чтобы все подражали вам; вы бы хотели стать образцом для всех остальных. Тогда ваше эго было бы довольным. Вы бы смогли вообразить себя примером, достойным подражания. Вы стали бы истинным центром, а все остальные — фальшивыми.

Итак, вашему эго не нравится идея бескорыстной помощи другим. Оно хочет изменить всех по своему образцу. Но кто вы такие, чтобы изменять кого бы то ни было? Не берите на себя такую ответственность. Это опасно — так рождаются адольфы гитлеры. Они берут на себя ответственность изменить весь мир в соответствии со своими идеалами.

На поверхности разница между Махатмой Ганди и Адольфом Гитлером велика. Но глубоко внутри между ними нет никакой разницы, потому что оба желают изменить мир в соответствии со своими идеалами. Один пользуется насильственными методами, другой — ненасильственными, но и тот и другой желают изменить мир. Один использует оружие, другой — угрозу: «Я объявлю голодовку, если вы не последуете за мной». Один угрожает убить вас, другой угрожает убить себя, если его не послушают, но оба применяют силу. Оба создают ситуации, в которых вы вынуждены быть теми, кем вы никогда не хотели и не хотите быть. И тот и другой — политики. Ни Гитлер, ни Ганди не любят вас. Ганди говорит о любви, но сам не любит. Он не в состоянии любить, потому что сама идея — идеал того, кем вы должны быть, — препятствует любви.

Есть только один способ любить людей: любить их такими, какие они есть. И в этом чудо: когда вы любите их такими, какие они есть, они меняются. Но не в соответствии с вашими идеями, а в соответствии со своей природой. Когда вы любите их, они преображаются. Не искажаются, а преображаются. Они обновляются и достигают новых высот бытия. Но это происходит в согласии с их бытием, с их природой.

Помогайте людям быть естественными, помогайте им быть свободными, помогайте им быть самими собой и никогда не пытайтесь принуждать их, оказывать на них давление и манипулировать ими. Это — методы эго. И на этом основана политика.

Когда забота о другом человеке становится вмешательством в его жизнь?

Как только вступает в действие идеология, забота превращается во вмешательство. Любовь становится горькой, она превращается почти что в ненависть, а ваша защита — в тюрьму. Решающим фактором является идеология.

Например, если вы мать, вы должны заботиться о своем ребенке. Ребенок нуждается в вас, без вас он не выживет. Вы ему необходимы. Ему нужна еда, любовь и забота, — но ему не нужна ваша идеология. Ему не нужны ваши идеалы. Ему не нужно ваше христианство, индуизм, ислам или буддизм. Ему не нужны ваши священные писания и ваша вера. Ему не нужны ваши представления о том, кем он должен быть. Просто избегайте идеологии, идеалов, целей и задач — и тогда забота прекрасна и безобидна. В противном случае забота превращается в коварство.

Когда в вашей заботе нет идеологии, тогда у вас отсутствует и желание сделать из своего ребенка или христианина, или кого-то еще — коммуниста, фашиста, бизнесмена, доктора или инженера. У вас нет никаких замыслов по поводу своего ребенка. Вы говорите: «Я люблю тебя. Когда ты вырастешь, ты сделаешь свой выбор. Будь естественным. Кем бы ты ни был, я благословляю тебя, и, кем бы ты ни решил стать, с моей стороны ты получишь признание и принятие». Это не значит, что я буду любить тебя только тогда, когда ты станешь президентом страны, и не буду любить, а буду стыдиться, если ты станешь простым плотником. Это не значит, что ты будешь желанен, только если получишь в университете золотую медаль, а если не получишь, то мне будет стыдно за тебя. Это не значит, что я назову тебя своим ребенком только при условии, что ты будешь хорошим, добродетельным и высоконравственным, а в противном случае я отрекусь от родства с тобой.

Как только у вас появляются какие-либо намерения, они отравляют отношения. Забота прекрасна, но, если за ней возникает какое-то намерение, она превращается в коварство. Тогда это — сделка с определенными условиями. Вся наша любовь коварна, отсюда все беды в этом мире, весь этот ад на земле. Это не значит, что нет заботы, — забота существует, но в ней слишком много коварства. Мать проявляет заботу, отец, муж, жена, брат, сестра — все заботятся друг о друге, я не говорю, что никому ни до кого нет дела. Люди заботятся друг о друге изо всех сил, но наш мир все равно — сущий ад. В этом что-то не так — в корне не так.

Что в корне не так? В чем причина? Забота диктует свои условия: «Делай то! Будь тем-то!» Вы хоть раз любили кого-нибудь без каких-либо условий? Вы хоть раз любили кого-нибудь таким, какой он есть? Было ли когда-нибудь так что вы не хотели сделать человека лучше, не хотели его изменить и принимали его целиком и полностью? Если да, то вы знаете, что такое забота. Забота приносит вам удовлетворение, а другому оказывает огромную помощь.

Помните, что если ваша забота свободна от корысти и амбиций, то человек, о котором вы заботитесь, будет любить вас вечно. А если в вашей заботе присутствуют какие-то задние мысли, то он вам этого никогда не простит. Вот почему дети не способны простить своих родителей. Спросите психологов, психоаналитиков практически все их клиенты — это люди, о которых в детстве слишком сильно заботились их родители. Их забота была корыстной, холодной, расчетливой. Они хотели, чтобы в детях воплотились их собственные амбиции.

Любовь должна быть бескорыстным подарком. Как только на ней появляется бирка со стоимостью, она престаёт быть любовью.

Сострадание в действии

Никто не может быть неэгоистичным — за исключением лицемеров.

Слово «эгоистичный» приобрело осуждающий оттенок, потому что все религии порицали эгоизм. Они хотят, чтобы вы были неэгоистичными. Но почему? Чтобы помогать другим...

Мне это напомнило один анекдот. Ребенок разговаривает с матерью, и она ему говорит: «Всегда помогай другим». Ребенок спрашивает: «Тогда что будут делать другие?» Естественно, мать отвечает: «Они тоже будут помогать другим». Ребенок говорит: «Это какая-то странная система. Почему нельзя помогать себе самому, а не перекладывать это на других и создавать ненужные трудности?»

Эгоизм — естественное явление. Но приходит момент, когда, будучи эгоистами, вы начинаете делиться. Вы можете делиться в состоянии переполняющей вас радости. Сейчас же несчастные помогают таким же несчастным, как и они, слепые ведут слепцов. Какую помощь вы можете оказать? Это очень опасная идея, которая существует уже многие века.

В одной школе учительница говорит мальчикам:

— Хотя бы раз в неделю вы должны совершать хороший поступок.

— Дайте нам, пожалуйста, несколько примеров хороших поступков. Мы не знаем, что это такое, — просит один мальчик.

— Например, слепая женщина хочет перейти улицу — помогите ей. Это хороший, добрый поступок, — отвечает учительница.

На следующей неделе она спрашивает:

— Кто-нибудь из вас сделал то, что я вам говорила?

Трое детей поднимают руки.

— Плохо, что не весь класс. Но все же хорошо, что, по крайней мере, трое мальчиков сделали что-то хорошее.

Она спрашивает первого мальчика:

— Что ты сделал?

— В точности то, что вы говорили: помог одной слепой старушке перейти улицу.

— Очень хорошо. Да благословит тебя Господь.

Затем она спрашивает второго:

— А ты что сделал?

— То же самое — помог слепой старушке перейти улицу.

Такой ответ несколько озадачивает учительницу — где они нашли слепых старушек? Но город большой — возможно, они и смогли найти двух. Она спрашивает третьего, на что тот отвечает:

— Я сделал то же самое, что и они: помог слепой старушке перейти улицу.

— Но где же вы нашли трех слепых старушек? — удивляется учительница.

— Вы не поняли, — отвечают мальчики. — Была всего одна слепая старушка. И было так тяжело переводить ее через улицу! Она билась, кричала и визжала, потому что не хотела переходить, но мы были твердо намерены совершить добрый поступок. Вокруг собралась толпа, люди начали кричать на нас, но мы сказали: «Не волнуйтесь. Мы переводим ее на другую сторону улицы». Но она почему-то не хотела на другую сторону!

Людей призывают помогать другим, но внутри они пусты. Их призывают любить других — и ближних, и врагов, — но никогда не призывают любить себя. Все религии, прямо или косвенно, велят человеку ненавидеть себя. Человек, который не любит себя, не может любить других; он может лишь притворяться.

Самое главное — это любить себя настолько тотально, чтобы любовь начала переполнять вас и распространяться на других. Я не против того, чтобы делиться, но я категорически против альтруизма. Я за то, чтобы делиться, но прежде нужно иметь, чем делиться. Тогда вы не будете делиться из чувства долга — наоборот, вы будете чувствовать себя обязанными человеку, которому помогаете. Вы должны быть благодарны за то, что он не отверг вашу помощь; он проявил щедрость.

Я настойчиво призываю к тому, чтобы вы были настолько счастливы, блаженны, спокойны и довольны, что из этого состояния полноты начали бы делиться. Когда вы переполнены, вы как туча, которой необходимо разразиться ливнем.

Если при этом вы утолите жажду других, жажду земли — хорошо, но второстепенно. Если каждый человек полон радости, света, безмолвия, он будет делиться со всеми, даже если его об этом не попросят, потому что давать — это такое наслаждение, Давать — гораздо приятнее, чем получать.

Но для этого необходимо изменить всю систему Людей не следует призывать к альтруизму. Они сами несчастны — что они могут сделать для других? Они слепы — что они могут сделать для других? Они упустили свою собственную жизнь — что они могут сделать для других? Они могут давать только то, что имеют. Поэтому люди делятся с окружающими своим несчастьем, страданием, болью, тревогой. Это и есть альтруизм! Нет, я бы хотел, чтобы все были полными эгоистами.

Все деревья — эгоисты: они снабжают водой свои корни, наполняют соком свои ветви, листья, цветы и плоды. Но когда они цветут, они распространяют свой аромат на всех — на знакомых и незнакомых, на близких и чужих. Когда они гнутся под тяжестью плодов, они делятся ими со всеми. Но если вы научите деревья альтруизму, они умрут точно так же, как умерло все человечество, — нас окружают ходячие трупы. Куда они идут? К могиле, чтобы наконец-то обрести покой.

Жизнь должна быть танцем. Жизнь любого человека может превратиться в танец. Она должна быть музыкой — тогда вы сможете делиться, вам придется делиться. Это не обязательно говорить, потому что — это один из

основных законов существования: чем больше вы делитесь своим блаженством, тем больше оно становится.

Но я учу вас эгоистичности

Не будьте адвокатами, просто любите

В Евангелии от Матфея, в главе 22 сказано:

И один из них, законник, искушая Его, спросил, говоря: «Учитель! Какая наибольшая заповедь в законе?»

Иисус сказал ему: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим». Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя».

На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.

Два слова — «закон» и «любовь» — обладают чрезвычайной важностью. Они представляют собой два типа ума, две полярные противоположности. Ум закона не может быть любящим, и любящий ум не может быть умом закона. Позиция закона не религиозна, она политична и социальна. Позиция любви аполитична и не социальна: это индивидуальная, личная и религиозная позиция.

Моисей, Ману, Маркс, Мао — это умы закона, они дали миру закон. Иисус, Кришна, Будда, Лао-цзы — это люди любви. Они дали миру не заповедь, а нечто другое — совершенно иное мировоззрение.

Я слышал одну историю о Фридрихе Великом, короле Пруссии, — он был законником. Однажды к нему пришла женщина и стала жаловаться на мужа: — Ваше величество, мой муж очень плохо со мной обращается. — Это не мое дело, — ответил Фридрих Великий.

Но женщина не унималась: — Ваше величество, он еще очень плохо отзывается о вас. — А это не ваше дело.

Это — ум законника.

Ум законника всегда думает о законе и никогда — о любви. Он всегда думает о справедливости и никогда — о сострадании; а справедливость без сострадания не может быть справедливой. Справедливость, лишённая сострадания, обречена быть несправедливой; но сострадание, кажущееся несправедливым, не может быть несправедливым. В самой природе сострадания заложена справедливость, она следует за ним, словно тень. Но сострадание не следует словно тень за справедливостью, поскольку сострадание реально, любовь реальна. Ваша тень следует за вами, а не вы за тенью. Тень не может вести, она может лишь следовать. И это — один из величайших спорных вопросов в человеческой истории: Бог — это любовь или закон? Бог — это справедливость или сострадание?

Ум законника утверждает, что Бог — это закон и справедливость. Но он не знает, что такое Бог; Бог — это еще одно имя любви. Ум законника не может достичь этого уровня понимания. Он постоянно перекладывает

ответственность на кого-то еще — на общество, на экономическую систему или на историю. С точки зрения законника, ответственность всегда несет кто-то другой. Любовь берет всю ответственность на себя: я отвечаю, а не ты.

Как только вы поймете, что ответственность лежит на вас, вы начнете расцветать. Закон — это отговорка. Это хитрость ума, необходимая для защиты и обороны. Любовь хрупка, закон — защитный механизм. Когда вы кого-то любите, вы не говорите о законе. Когда вы любите, закон исчезает — ибо Любовь есть наивысший закон. Ей не нужен другой закон, она самодостаточна. Когда вас защищает Любовь, вам не нужна другая защита. Не становитесь законниками, иначе вы упустите все самое прекрасное, что есть в мире. Не будьте адвокатами, просто любите; иначе вы будете продолжать защищать себя и, в конце концов, обнаружите, что защищать нечего, — вы защищали всего-навсего пустое эго. Всегда можно найти различные способы и средства защиты пустого эго.

Я слышал одну историю об Оскаре Уайльде. Постановка на сцене его первой пьесы потерпела полный провал. Когда он вышел из вестибюля театра, друзья спросили его: «Ну, как все прошло?» «Пьеса была великолепна, но публика оказалась никчемной», — ответил он.

Это — ум законника, всегда пытающийся защитить пустое эго, — абсолютно пустой мыльный пузырь. Но закон продолжает его защищать. Помните, что, как только вы станете законниками, как только вы начнете смотреть на жизнь сквозь призму закона — неважно, будь то закон правительства или закон церкви, — как только вы начнете смотреть на жизнь сквозь призму закона, морального кодекса, священных писаний, заповедей, она начнет ускользать от вас.

Нужно быть уязвимым, чтобы понять жизнь; нужно быть совершенно открытым и незащищенным. Нужно быть готовым умереть ради познания жизни — только тогда можно ее постичь. Если вы боитесь смерти, вы никогда не познаете жизнь, потому что страху чуждо понимание. Если вы не боитесь смерти, если ради знания вы готовы умереть, вы познаете жизнь, вечную жизнь и бессмертие. Закон — это скрытый страх, любовь — открытое бесстрашие.

Вы замечали, что, когда вы любите, страх исчезает? Если есть любовь, нет страха. Если вы любите кого-то, страх исчезает. Чем больше вы любите, тем меньше остается страха. Если вы любите тотально, страха нет совсем. Страх возникает только тогда, когда вы не любите. Страх — это отсутствие любви; закон — это отсутствие любви, потому что закон — это всего-навсего защита вашего трепещущего от страха сердца — вы боитесь и хотите обезопасить себя.

Если общество основано на законе, оно будет постоянно пребывать в страхе. Если общество основано на любви, страх исчезает и потребность в законе отпадает — нет нужды в судах, нет нужды в аде и рас. Ад — это идея законников; всякое наказание исходит из их ума. Закон гласит, что, если вы совершите нечто дурное, вас накажут; если вы совершите нечто благое, вас наградят. На этом же основаны и так называемые религии — они говорят,

что если вы совершите грех, то отправитесь в ад. Только представьте себе этот ад! Люди, в чьих головах родилась идея ада, были, должно быть, страшными садистами. В их описании ада присутствует все, что может заставить вас страдать. Но они также придумали и рай — рай для себя и для своих последователей. Ад же — для тех, кто не следует за ними и не верит в них. Это позиция законников, точно такса же наказание преступников. Но наказание не работает.

Преступность нельзя остановить, ее не остановили наказания. Она продолжает расти, потому что на самом деле ум законника и ум преступника — это две стороны одной медали; они ничем не отличаются друг от друга. Все законники по сути своей преступники, и все преступники могут стать хорошими законниками — у них одинаковый потенциал. Они — не два отдельных мира, а две части одного мира. Преступность постоянно возрастает, а законы становятся все сложнее и запутаннее.

Человека не изменило наказание; на самом деле оно его еще больше развратило. Его не изменили суды: они его еще больше испортили. Не помогли также и понятия рая, награды и почета. Поскольку ад зиждется на страхе, а рай — на жадности. Страх и жадность — вот в чем проблема. Как с их помощью можно изменить людей? Они — болезни, а законники твердят, что они — лекарства.

Необходимо совершенно другое отношение — отношение любви. Христос несет в этот мир любовь. Он разрушает закон, лежащий в его основе. В этом состояло его преступление, именно поэтому его распяли — он разрушал основу преступного общества; он разрушал фундамент всего преступного мира, мира, в котором господствовало насилие, агрессия, войны. Он заложил совершенно новый фундамент. Необходимо как можно глубже понять эти строки.

И один из них, законник, искушая Его, спросил, говоря...

«Искушая Его»... Он хотел втянуть Иисуса в судебную полемику. В жизни Иисуса было много моментов, когда его искушали сойти с вершин любви и спуститься в темные бездны закона. И люди, подвергающие его искушению, были очень хитры. Они задавали такие вопросы, что, если бы Иисус не был просветленным, он пал бы их жертвой. Они предлагали ему то, что в логике называют дилеммами, в которых любой ответ — ловушка. Скажешь одно, и ты попался; скажешь противоположное и тоже угодишь в ловушку.

Вы, наверно, слышали эту знаменитую притчу. Иисус сидел на берегу реки, и толпа привела к нему одну женщину. Ему сказали, что эта женщина совершила грех: «Что ты на это скажешь?» Они искушали его, так как в священных писаниях сказано, что если женщина совершила грех, то ее следует забросать до смерти камнями. Они поставили Иисуса перед дилеммой. Если бы он сказал: «Следуйте писанию», — они бы спросили: «Куда же делась твоя идея любви и сострадания? Неужели ты не можешь простить ее? Значит, идея любви — всего лишь пустой разговор?» Так он бы попался. Если бы он сказал: «Простите ее», — они бы ответили: «Значит, ты против писания, а говорил людям: „Я пришел выполнить писание, а не

разрушить его"». Это дилемма: есть только два возможных и одинаково тупиковых решения.

Но ум законника не знает, что у человека любви есть третье решение, которое не дано знать законнику, ибо он мыслит только двумя противоположностями. У законника есть только два ответа — «да» и «нет». Ему неведом третий, который де Боно назвал «но», — *да, нет и но*. Это ни «да» ни «нет»; это нечто совершенно иное. Иисус — первый человек в мире, который сказал «но» Он не использовал этого слова, его изобрел де Боно, — но он выразил его суть. Он сказал толпе: «Пускай вперед выйдут те из вас, кто никогда не грешил ни в делах, ни в мыслях своих. Пускай они возьмут в руки камни и убьют эту женщину». Но в толпе не оказалось ни одного человека, который бы не согрешил или не подумал о совершении греха.

Возможно, среди них были люди, которые никогда не совершили греха, но постоянно думали об этом. На самом деле они не могут не думать о грехе. Согрешившие делом думают о грехе гораздо меньше. Те, кто не совершил грех, постоянно думают и фантазируют о нем. А для сокровенной сути вашего существа все равно — думаете вы или делаете.

Постепенно толпа начала расходиться. Люди, стоявшие в передних рядах, переместились в задние — общепризнанные законоведы и выдающиеся жители города стали потихоньку уходить. Иисус выбрал третий ответ. Он не сказал ни «да» ни «нет». Он сказал: «Убейте эту женщину, но пускай это сделают только те, кто никогда не совершал греха и не думал о нем». Толпа исчезла. Иисус остался наедине с женщиной; она припала к его стопам и сказала: «Я действительно совершила грех, я плохая женщина. Ты можешь наказать меня».

«Кто я такой, чтобы судить? Это между тобой и Богом. Это нечто между тобой и существованием. Кто я такой, чтобы вмешиваться? Если ты осознала, что совершила нечто дурное, больше этого не делай», — ответил Иисус

Такие ситуации постоянно повторялись. Люди пытались вовлечь Иисуса в спор, в котором мог победить ум законника. Нельзя спорить с законником — если вы начнете спорить, вы потерпите поражение, потому что в спорах законникам нет равных. Какую бы позицию вы ни заняли, вы проиграете.

Иисус не мог проиграть, потому что он никогда не спорил. Это — один из признаков, указывающих на то, что он достиг любви. Он оставался на пике любви и никогда не спускался.

И один из них, законник, искушая Его, спросил, говоря. «Учитель! Какая наибольшая заповедь в законе?»

Это очень сложный вопрос. Какая наибольшая заповедь в законе, какая из заповедей самая главная и основная? На этот вопрос очень трудно ответить, потому что каждый закон зависит от других законов — они взаимосвязаны. Нельзя определить основной закон, поскольку основного закона не существует. Все законы зависят друг от друга, они взаимозависимы.

В Индии до сих пор продолжается полемика: что главнее — ненасилие или истина? Если вы окажетесь в ситуации, в которой необходимо сделать выбор между истиной и ненасилием — если вы скажете: «Истина», — тогда

произойдет насилие, если вы не скажете «Истина», — то насилия можно будет избежать — что вы будете делать? Скажете ли вы: «Истина», чтобы тем самым поспособствовать свершению насилия?

Например, вы стоите на перекрестке и к вам подходит группа полицейских. Они вас спрашивают: «Вы видели, как здесь проходил один человек? Его нужно поймать и убить, он сбежал из тюрьмы. Он приговорен к смерти». Вы видели этого человека. Вы можете сказать правду, ответив «да», но тогда вы будете в ответе за его смерть. Вы можете сказать, что не видели его, или вы даже можете направить полицию по ложному следу; тогда он будет спасен. Вы проявите ненасилие, но согрешите против истины. Что вы будете делать? На первый взгляд кажется, что выбор невозможен, почти невозможен. Какой закон является основным?

Иисус сказал ему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим».

Это «по»: он не отвечает ни «да» ни «нет» на этот вопрос. Он не опускается до мира законников — он остается на вершине любви. Он говорит: «Сия есть первая и наибольшая заповедь: „Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим“». Вопрос был о законе, а ответ на него — о любви. На самом деле он не ответил на вопрос; или же можно сказать, что он ответил на вопрос, поскольку его ответ — это *единственно* возможный ответ на этот вопрос.

Это нужно понять. На вопрос низшего уровня можно дать ответ только с высшего уровня: на низшем уровне ответ невозможен. Например, на вашем уровне возникает вопрос. Если вы попросите человека, который находится на этом же уровне, дать свой ответ, он не сможет. Его ответы могут показаться уместными, но они таковыми не являются, потому что он находится в той же ситуации, что и вы.

Это как если бы один сумасшедший помогал другому сумасшедшему, слепой вел слепца, сбитый с толку человек помогал другому сбитому с толку добиться ясности. В результате возникло бы еще больше путаницы. Именно это и происходит в мире: все дают советы друг другу. Нет ничего дешевле, чем совет. На самом деле его можно получить совершенно бесплатно, стоит только попросить — каждый готов дать совет. Ни вы, ни дающие совет не отдают себе отчет, что вы находитесь на одном уровне и совет просто бесполезен или даже вреден. Только тот кто находится на более высоком по сравнению с вами уровне, может помочь — тот, кто обладает более ясным восприятием, более глубоким пониманием и более проявленной сущностью. Только такой человек сможет ответить на ваш вопрос.

Есть три типа диалога: первый — это когда разговаривают двое невежд. Они много болтают, но все без толку. Это фиктивный диалог. Они разговаривают, но думают не то, что говорят, и не осознают то, что говорят, — это просто способ времяпрепровождения; приятно чувствовать, что ты чем-то занят. Они разговаривают как два работа, как два компьютера. Второй тип диалога: разговаривают два просветленных человека. Они даже не говорят вслух — в этом нет нужды. Их общение безмолвно, они понимают

друг друга без слов. В разговоре двух невежд много слов и нет понимания. При встрече двух просветленных нет слов — одно понимание.

Диалоги первого типа происходят повсюду миллион раз в день. Диалоги второго типа случаются редко, раз в тысячу лет, — очень редко удается встретиться двум просветленным.

Есть еще третий тип: просветленный разговаривает с непросветленным. Тогда взаимодействуют два плана: земной и небесный; один едет на телеге, другой летит на самолете. Человек на земле спрашивает одно, а человек в небе отвечает ему что-то другое. Но только так можно помочь человеку на земле. Законник спросил о законе. Он спросил: *«Учитель! Какая наибольшая заповедь в законе?»*

Он не спрашивает о любви. Иисус пытается возвысить его до любви — он полностью меняет контекст. Как только инициатива попадает в руки Иисуса, он перемещает вас в неведомое вам измерение, в неизвестное и непознаваемое.

Иисус сказал ему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всюю душою твоею, и всем разумением твоим».

«Всем сердцем твоим» означает *всеми чувствами*. Именно в этом состоит молитвенность. Когда все ваши чувства собраны вместе, соединены воедино, тогда творится молитва. Молитва возносится всем сердцем, трепещущим от желания неизвестного, глубинного стремления к постижению неизвестного; каждый удар сердца посвящен молитве.

«Всем разумением твоим» означает *медитацию*, когда все ваши мысли слились воедино. Когда все ваши мысли сливаются воедино, мышление исчезает; когда все ваши чувства сливаются воедино, чувство исчезает. Когда чувств много, вы сентиментальны. Когда чувство одно, исчезает вся сентиментальность — вы исполнены сердечности, но без сентиментальности. Молитвенность — это не сентиментальность. Молитвенность — это такая гармония чувств, такое тотальное единство чувств, при котором сразу же меняется их качество. Это похоже на процесс нагревания воды: она становится все теплее и теплее, затем все более и более горячей — но до 99° С она остается водой. Когда температура достигает 100° С, вдруг происходит трансформация. Вода перестает быть водой, она превращается в пар — немедленно меняется качество. Вода имеет свойство течь вниз, но, когда она испаряется, пар поднимается вверх. Меняется измерение.

Когда вы живете среди множества различных чувств, вы в смятении, словно в сумасшедшем доме. Когда все чувства составляют одно целое, наступает момент трансформации. Когда они становятся одним целым, вы достигаете температуры 100° С, момента испарения. Старая природа чувств немедленно исчезает, исчезает старое свойство течь вниз. Вы превращаетесь в пар и воспаряете в небо. Вот что такое молитвенность.

То же самое происходит, когда все ваши мысли становятся одним целым, — мышление останавливается. Мышление возможно, только когда мыслей много; когда все мысли сливаются воедино, это единство мыслей равносильно отсутствию мыслей. Иметь одну мысль — значит не иметь мыслей,

поскольку одна мысль не может существовать сама по себе. Она может существовать только вместе со многими, только в толпе. Когда толпа исчезает, исчезает и одна мысль, и наступает состояние отсутствия мыслей.

Итак, в этом коротком предложении Иисус в сжатом виде выразил всю религию:

Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим — это молитва.

Всем разумением твоим — это медитация.

И всею душою твоею... Душа превосходит мышление и чувствование. Душа находится за пределами молитвы и медитации. Душа — это ваша сущность, трансцендентное сознание.

Представьте себя в виде треугольника — в основе лежат мышление и чувствование. Но мысли и чувства — это единственное, что вы имели до сих пор, вам было неизвестно третье. Третье можно познать только тогда, когда чувствование превращается в молитвенность, мышление — в медитацию, и они начинают подниматься вверх. Затем в определенный момент молитва и медитация встречаются — то, где это происходит, есть душа. Однажды ваше сердце и ум встречаются — это происходит в вашей сущности, в запредельности. Это то, что Иисус называет душой.

«Сия есть первая и наибольшая заповедь».

Теперь он пользуется языком законников. Он сказал все, что хотел сказать, и возвращается к языку законников. Первое предложение принадлежит уровню Иисуса; второе — уровню законников. Иисус попытался соединить оба уровня мостом.

Сия есть первая и наибольшая заповедь. Любовь — это первая и наибольшая заповедь. На самом деле любовь — вовсе не заповедь, поскольку невозможно приказать, велеть или заставить любить. Невозможно управлять любовью. Любовь больше вас, выше вас — как можно ею управлять? Что будет, если кто-нибудь вам прикажет любить — как в армии «Налево! Направо!» — придет и скажет: «Люби!»? Когда вы слышите команду «Налево!», вы можете повернуть налево; «Направо!» — и вы поворачиваете направо; но что делать, когда дана команда «Люби!»? Непонятно, что делать, куда поворачивать, куда идти. Вам неизвестен этот путь — невозможно приказать идти по нему.

Конечно, можно притворяться, можно изображать любовь. Именно это происходит в нашем мире. Самым большим проклятием земли стало то, что любовь начали навязывать. С самого раннего детства нас учат любить, как будто этому можно научить: «Люби мать, люби отца, люби своих братьев и сестер». Люби то, люби сё — и ребенок начинает пытаться это делать, откуда ему знать, что любовь не может быть умышленным действием? Любовь случается. Невозможно вызвать ее силой.

Вы не могли любить, потому что слишком сильно старались. Все ищут любовь — можно назвать ее Богом или еще как-то, но глубоко внутри все поиски направлены на любовь. Однако вы потеряли способность ее найти, но не потому, что не старались, а потому, что старались слишком сильно.

Любовь случается — невозможно приказать любить. Но поскольку вам приказывали любить, ваша любовь с самого начала стала фальшивой, отравленной в самом своем истоке. Никогда не говорите ребенку — не берите этот грех на душу — никогда не говорите: «Люби свою мать!» Любите своего ребенка, и пусть любовь осуществляется. Не говорите: «Люби меня, потому что я твоя мать (или я твой отец). Люби меня». Не приказывайте любить, иначе ваш ребенок никогда не сможет полюбить. Просто любите его, и однажды в этой любовной атмосфере зазвучат струны и его души Гармония живет в самой сердцевине вашего существа. Однажды вы услышите некую мелодию, гармонию, и вы поймете, что это пробудилась ваша сущность. Но никогда не пытайтесь намеренно вызвать эту мелодию — просто расслабьтесь и позвольте ей произойти.

Вторая же подобная ей: «Возлюби ближнего твоего как самого себя».

Первая заповедь — люби Бога. Бог означает тотальное, Дао, Брахма, Бог — это не очень подходящее слово. Дао намного лучше — тотальное, целое, сущее — существование любви. Это первая, фундаментальная заповедь.

Вторая же подобная ей: «Возлюби ближнего твоего как самого себя».

...потому что трудно найти Бога, и трудно любить его если вы Его еще не нашли. Как можно любить Бога, которого вы не постигли? Как можно любить неизвестное? Необходим некий мост, нечто известное — как без этого любить Бога? Звучит абсурдно; это и является абсурдом. Отсюда вторая заповедь.

Вторая же подобная ей: «Возлюби ближнего твоего как самого себя».

Я как-то прочел одну историю, и она мне очень понравилась. Один образованный человек обратился к раввину Авраму:

— Говорят, вы даете людям очень эффективные магические снадобья. Дайте и мне какое-нибудь, чтобы я познал страх Божий.

— Я не знаю снадобья, которое бы вызывало страх Божий, — ответил раввин. — Но, если хотите, могу вам предложить средство для божественной любви.

— Это еще лучше! — вскричал ученый.

— Дайте мне его немедленно!

— Это любовь к ближнему твоему, — ответил раввин.

Если вы действительно хотите полюбить Бога, надо начать с людей — они вам ближе всех. И постепенно круги вашей любви начнут расширяться. Любовь — словно камушек, брошенный в тихое озеро: от него начинают расходиться круги, и постепенно они достигают самых далеких берегов. Но прежде камушек касается озера, и круги возникают рядом с камушком, а затем они простираются все дальше и дальше. Вначале вы должны полюбить себе подобных — потому что вы знаете их, между вами существует хоть какая-то связь, с ними вы можете чувствовать себя как дома. Затем любовь может начать расширяться. Вы сможете полюбить животных, деревья, горы. И только тогда — и не раньше — вы сможете полюбить сущее как таковое.

Итак, если вы смогли полюбить людей, вы сделали первый шаг. Но на нашей несчастной земле все происходит наоборот: люди любят Бога и

убивают себе подобных. Более того, они говорят, что вынуждены убивать из своей глубочайшей любви к Богу. Христиане убивают мусульман, мусульмане — христиан, индусы — мусульман, мусульмане — индусов из-за того, что все они любят Бога — во имя Бога они убивают людей. Их боги фальшивы. Потому что, если ваш Бог истинный, если вы действительно познали, *что* есть божественное, если вы его хотя бы немного осознали, если вам удалось уловить хотя бы проблеск божественного, вы будете любить людей. Вы будете любить животных, деревья, камни — вы будете любить! Любовь станет вашим естественным состоянием. Если же вы не способны любить людей, не обманывайтесь — вам не поможет ни один храм.

Вы можете сказать «нет» Богу, но никогда не говорите «нет» людям, потому что, если вы сделаете это, путь отрезан, и вы никогда не сможете достичь божественного. Скажите «нет» церкви, храму; в этом нет ничего страшного. Но никогда не говорите «нет» любви, потому что она есть истинный храм. Все прочие храмы — просто фальшивые монеты, подделки. Есть только один истинный храм, и это любовь. Никогда не говорите «нет» любви, тогда вы найдете Бога, он не сможет от вас долго скрываться.

Вторая заповедь, по словам Иисуса: *«Возлюби ближнего своего, как самого себя...»* Ибо человечество — это вы, во многих лицах и многих формах. Разве вы не видите, что ваш ближний — это вы, это ваша собственная сущность, но в ином обличье.

В названии многих рек на нашей земле использованы цвета. В Китае есть Желтая река, где-то в Южной Африке течет Красная река. Я слышал, что в США есть Белая река и Зеленая река. Река сама по себе не имеет цвета, ее воды бесцветны, но она принимает цвет местности, по которой протекает, цвет растительности на берегах. Если она протекает через пустыню, у нее один цвет; если через лес — другой: в ней отражается лес — деревья, кусты, травы. Если она течет по местности с желтой землей, она становится желтой. Однако сама река бесцветна. И все реки — белые, зеленые или желтые — обязательно достигают своей цели, своего пункта назначения, они впадают в океан и растворяются в нем.

Вы отличаетесь благодаря своей местности. У вас разные цвета из-за разных мест обитания. Но ваша сокровенная сущность бесцветна — она одинакова. Кто-то имеет черную кожу; кто-то — белую; кто-то — нечто среднее, как индейцы; кто-то — желтую, как китайцы. В мире так много цветов. Но не забывайте, что это цвета тел, в которых вы сейчас находитесь. Цвет тела — это не ваш цвет; вы бесцветны. Вы — не тело, а также и не ум, и не сердце. Ваши умы различаются в силу разного воспитания: тела — из-за разной местности и наследственности; но вы сами одинаковы.

Иисус говорит: *«Возлюби ближнего твоего, как самого себя»* Любите ближнего так же, как вы любите себя. В этом сокрыта фундаментальная истина, о которой напрочь забыли христиане. Иисус говорит «Любите себя» Пока вы не полюбите себя, вы не сможете любить ближнего своего. Все, чему вас научило так называемое христианство, это ненависть к себе и осуждение. Любите себя, ибо вы ближе всего к Богу. Именно здесь должен

возникнуть первый круг на воде. Любите себя! Любовь к себе — это основа всех основ. Если вы хотите проникнуться религиозностью, любовь к себе — первый шаг. А все так называемые религии постоянно учат ненавидеть себя: «Осуждайте себя — вы грешные, заслуживающие порицания, никчемные людишки».

Вы — не грешники. Они сделали из вас грешников. Вы не виноваты, это они навязали вам ложное понимание жизни. Примите себя и полюбите. Только тогда вы сможете любить ближнего своего, иначе это невозможно. Если вы не любите себя, как вы можете полюбить другого человека? Я учу вас любви к себе. Сделайте хотя бы это; если вы больше ни на что не способны — полюбите себя. И вы увидите, как постепенно из этой любви к себе начнет струиться любовь к другим; она будет все расти и расти, в конце концов, достигнет и ваших ближних.

Проблема в том, что сейчас вы ненавидите себя и хотите любить других, — это невозможно. Другие тоже ненавидят себя и хотят любить вас. Урок любви вначале нужно усвоить в себе.

Обратитесь к Фрейдю и другим психоаналитикам — они открыли одну очень важную вещь. Вначале ребенок аутоэротичен, мастурбативен: ребенок любит самого себя. Затем ребенок становится гомосексуальным — мальчики любят мальчиков и хотят играть друг с другом, девочки хотят играть с девочками; они не хотят смешиваться. После этого возникает гетеросексуальность — мальчики хотят общаться с девочками и любить девочек; девочки хотят встречаться с мальчиками и любить мальчиков. Вначале автоэротизм, затем гомоэротизм и, наконец, гетероэротизм — вот что происходит в сексе. То же самое — и в любви.

Вначале вы любите себя. Затем ближнего своего, других людей. И, наконец, вы выходите за пределы и начинаете любить сущее. Основа — в вас. Поэтому не осуждайте и не отвергайте себя. Примите себя. В вас живет божественное. Сущее так сильно вас любит, что решило поселиться в вас. Сущее сделало из вас храм — в вас живет Бог. Если вы отвергаете себя, вы отвергаете то, что ближе всего к Богу. Если вы отвергаете то, что ближе всего, вы никогда не сможете полюбить то, что дальше всего от Бога.

Когда Иисус говорит: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», он имеет в виду две вещи: во-первых, полюбите себя, тогда вы сможете любить ближнего своего.

На самом деле есть только одна заповедь: любовь. Любовь есть единственный закон. Если вы постигли любовь — вы постигли все. Если вы не постигли любовь, вы можете знать все что угодно, но все ваше знание — чепуха. Выбросьте его на помойку и забудьте о нем. Начните с самого начала. Снова станьте ребенком и полюбите себя.

Насколько я вижу, на вашем озере нет кругов. В него еще не упал первый камушек любви.

Я слышал одну датскую притчу. Запомните ее, пусть она останется в вашей памяти навсегда. Это история о паучке, который жил на балке под самой крышей старого амбара. Однажды он спустился на тоненькой ниточке

на нижнюю перекладину и обнаружил, что там больше мух и их легче ловить. Он решил остаться жить на этой перекладине и сплел себе уютную паутинку. И вот, в один прекрасный день он вдруг заметил ниточку, уходящую вверх в темноту, по ней он когда-то спустился вниз «Она мне больше не нужна,— подумал паучок. — Она только мешает». Он оборвал ее и тем самым разрушил всю свою паутинку, которая, как оказалось, держалась на этой тоненькой ниточке.

Эта история и о человеке. Есть нить, которая соединяет вас с наивысшим, — можете назвать его Богом, Дао, Сущим, Существованием. Вы, наверное, совсем забыли, что спустились оттуда. Вы пришли из единства и должны к нему вернуться. Все возвращается к своим истокам — так должно быть. Тогда круг замыкается и достигается совершенство. А вы можете, подобно паучку, думать, что нить, соединяющая вас с наивысшим, вам только мешает. Из-за нее вы не можете делать многие вещи, она все время становится препятствием. Вы не можете проявлять насилие так, как вам бы этого хотелось; вы не можете быть такими агрессивными, как вам бы хотелось, — нить снова и снова встает у вас на пути. Иногда у вас может возникать такое же желание, как у паучка, — оборвать, отрезать ее, чтобы избавиться от препятствия.

Вот почему Ницше говорит: «Бог умер». Он оборвал эту нить. И тут же сошел с ума. Как только он сказал: «Бог умер», он обезумел, потому что отрезал себя от основного источника жизни. Если вы отсекаете связь с источником, вас начинает мучить голод по чему-то жизненно важному, существенному. Тогда вам чего-то не хватает, вы совершенно забываете, что это было основой вашей жизни. Паучок оборвал ниточку и тем самым разрушил *свою* паутину, потому что она держалась на этой ниточке.

Где бы вы ни были, в какой бы тьме ни оказались, лучик света все еще соединяет вас с сущим. Благодаря этому вы живете. Найдите эту нить — она приведет вас обратно домой.

5 июня 1910 года умирал О'Генри. Темнело. Вокруг него собрались друзья. Внезапно он открыл глаза и сказал: «Зажгите свет. Я не хочу возвращаться домой в темноте». Свет был зажжен, он закрыл глаза, улыбнулся и исчез.

Нить, связывающая вас с сущим, единственный луч света, который дает вам жизнь, — это путь домой. Как далеко бы вы ни ушли, вы все равно остаетесь связанными с сущим — иначе жизнь невозможна. Вы могли забыть об этом, но сущее помнит о вас, и это единственное, что имеет значение. Постарайтесь найти в себе то, что связывает вас с сущим. Ищите — и вы придете к заповеди, о которой говорил Иисус. Если вы будете искать, вы узнаете, что именно любовь, а не знание, связывает вас с сущим. Не богатство, не власть и не слава, а любовь наполняет вас жизненной энергией. Каждый раз, когда вы чувствуете любовь, это огромное счастье, потому что жизнь все больше и больше открывается перед вами.

Иисус и Будда похожи на пчел. Пчела летит в долину и находит там прекрасные цветы. Она возвращается и исполняет перед своими друзьями

танец радости, сообщая, что нашла прекрасную долину, полную цветов: «Летите за мной». Иисус — словно пчела, которая нашла основной источник жизни — долину прекрасных цветов, цветов вечности. Он возвращается и танцует перед вами, говоря своим танцем: «Следуйте за мной!»

Если вы постараетесь это понять и начнете внутренние поиски, вы обнаружите, что любовь — это самая важная, самая существенная часть вашего существа. Не лишайте себя любви. Помогайте ей расти, чтобы она смогла превратиться в большое дерево, чтобы под ее сенью нашли себе приют небесные птицы; чтобы в вашей любви могли отдохнуть усталые путники; чтобы вы могли поделиться ею; чтобы вы и сами смогли однажды стать пчелой. Радуюсь, вы сможете поделиться с людьми своим открытием.

Преступление и наказание

Смертная казнь подтверждает нечеловеческое отношение людей друг к другу. Она указывает на то, что человек до сих пор живет в эпоху варваров. Цивилизация остается лишь идеей, не нашедшей воплощение в жизни.

Нужно рассмотреть это явление с разных сторон, чтобы понять, почему во многих культурах и народах до сих пор продолжают применять такую идиотскую меру наказания, как смертная казнь. Даже в тех странах, где ее когда-то отменили, к ней снова вернулись. В других странах ей на смену пришло пожизненное заключение — что еще хуже. Лучше умереть за одну секунду, чем медленно умирать в течение пятидесяти-шестидесяти лет. Замена смертной казни пожизненным заключением не приведет к цивилизации, а ввергнет в еще большее варварство, бесчеловечную тьму и бессознательность.

Во-первых, необходимо понять, что смертная казнь — на самом деле не наказание. Если вы не можете дать в награду жизнь, вы не можете дать в наказание смерть. Все просто и логично. Если вы не способны давать людям жизнь, какое право вы имеете ее отнимать?

Я вспомнил одну историю из реальной жизни. Двое преступников нашли сокровище, которое было спрятано в замке. Много раз разные люди пытались проникнуть в замок и украсть его, но их ловили. Попытка же этих двух преступников каким-то образом увенчалась успехом. Сокровище было грандиозным, и один из похитителей решил не делить его с другим. Он мог бы убить своего напарника, но в этом случае его могли бы поймать. Он не мог рисковать с таким сокровищем в руках.

Ему в голову пришла одна хитроумная идея. Он исчез и распространил слух, что его убили, подкинув улику, свидетельствующую, что убийцей был его приятель. Приятеля арестовали — у него обнаружили револьвер, в котором не хватало двух пуль, и на нем были отпечатки его пальцев. Кроме того, на «месте преступления» был найден носовой платок с его инициалами... Он не мог доказать свою невиновность — все свидетельствовало против него, и его приговорили к смертной казни. Но сам

он знал, что не убивал своего приятеля, и был уверен, что все это подстроено. Его друг был жив и подставил его, чтобы присвоить себе все сокровища.

Приговоренному удалось сбежать из тюрьмы. Спустя двенадцать лет, когда он услышал, что его бывший напарник — который сменил имя и стал уважаемым политиком — умер, он пришел в суд и сказал судье: «Я — тот человек, которого вы приговорили к смерти двенадцать лет тому назад, но я сбежал из тюрьмы. Я был совершенно невиновен, но у меня не было доказательств».

На самом деле у невиновности никогда не бывает доказательств. Есть доказательства преступления, невиновность же недоказуема. «Человек, в убийстве которого вы меня обвинили, только что умер, поэтому я не мог убить его двенадцать лет тому назад. Единственное преступление, которое я совершил, это побег из тюрьмы. Но разве можно назвать это преступлением? Когда вы приговариваете невиновного к смерти, кто из нас преступник — вы или я?»

В этой истории есть подтекст. Человек спросил судью: «Если бы я был приговорен к смерти, не смог сбежать и был казнен, что бы вы делали сейчас? Если бы стало известно, что человек, считавшийся убитым, жив, смогли бы вы вернуть мне мою жизнь? Если вы не можете вернуть мне жизнь, то какое право вы имеете ее отнимать?»

Говорят, что после этих слов судья ушел в отставку принес этому человеку свои извинения и сказал: «Я, наверно, совершил много преступлений в своей жизни».

Во всем мире реальность такова, что, если вы не можете доказать свою невиновность, вы виновны. Это противоречит всем гуманистическим идеалам, демократии, свободе, уважению личности. Закон гласит, что, пока ваша вина не доказана, вы невиновны — это то, что говорится на словах, — но в действительности все наоборот.

Человек говорит одно, а делает совсем противоположное. Он говорит о цивилизованности, культуре, а сам нецивилизован и некультурен. Смертная казнь — достаточное тому подтверждение.

Это закон варварского общества: око за око, зуб за зуб. Если кто-то отрежет вам руку, тогда в варварском обществе согласно закону ему тоже следует отрезать руку. Этот закон действует на протяжении многих веков, смертная казнь тому пример: «Око за око. Если считается, что один человек убил другого, значит, его тоже следует убить». Но это странно: если убийство — это преступление, то как мы можем оправдать общество, которое совершает это преступление снова и снова. Был убит один человек, теперь убитых двое. И нет абсолютной уверенности в том, что этот человек убил другого, поскольку доказать убийство не так просто.

Если убийство — это преступление, тогда не важно, кто его совершает — индивид или общество и его суды.

Убийство — это, конечно же, преступление. Смертная казнь — это преступление, совершаемое обществом против беспомощного индивида. Это не наказание — это преступление.

Можно понять, почему оно совершается, — это месть. Общество мстит человеку за то, что он не подчинился его законам. Общество готово его убить — никого не волнует, что, если он совершил убийство, значит, он душевнобольной. Вместо того чтобы сажать его в тюрьму или казнить, его следует отправить в лечебницу, где ему смогут оказать физическую, психологическую и духовную помощь.

Да, это правда: один человек убит. Но мы ничего не можем с этим поделать. Вы думаете, что, если убить того, кто совершил убийство, его жертва воскреснет? Если бы это было возможно, я был бы целиком и полностью за ликвидацию убийцы — он не достоин быть частью общества, — а его жертва должна вернуться к жизни. Но так не бывает. Человек умирает, и его невозможно оживить. Единственное, что можно сделать, это убить его убийцу. Это — попытка смыть кровь кровью, грязь грязью.

Вы даже не представляете, что происходило в истории человечества. Триста лет тому назад во многих культурах считалось, что умалишенные притворяются. В других культурах считалось, что они одержимы демонами. В третьих культурах их действительно принимали за сумасшедших, но полагали, что их можно вылечить наказанием. Вот так заботились о душевнобольных.

Их лечили избиением — странное лечение! — и кровопусканием. Теперь совершают переливание крови, а раньше делали наоборот: пускали человеку кровь, полагая, что у него слишком много энергии. Естественно, после кровопускания человек ослабевал, у него появлялись признаки слабости из-за того, что он потерял много крови, и считалось, что он вылечен от безумия.

В результате избиения, бывало, случалось, что умалишенный приходил в себя. Если человек спит и вы начнете его колотить, то он проснется. Сумасшедший находится в бессознательном состоянии, если его сильно бить, то иногда он может возвращаться в сознание. Это стало подтверждением того, что избиение — подходящий метод лечения. Но исцеление происходило крайне редко; в девяноста девяти процентах случаев бедных душевнобольных напрасно мучили. Но исключение стало правилом.

Если считалось, что душевнобольные одержимы демонами, злыми духами, тогда тоже применялось избиение, потому что думали, что избиению подвергается демон, а не человек. Удары якобы наносятся не по телу человека, а по демонам, овладевшим человеком, и способствуют их изгнанию. Иногда человек приходил в себя — но крайне редко, меньше чем в одном проценте случаев.

Я был в одном заведении, известном лечением душевнобольных. Там насчитывалось несколько сотен больных. Это был храм на берегу реки, а священник этого храма был, наверное, мясником в течение как минимум сотни жизней. Он был похож на мясника и здорово всех колотил. Душевнобольные были закованы в цепи, их беспощадно избивали, морили голодом и давали сильные слабительные. И я видел, что иногда больной приходил в себя. Сильные слабительные и голод в течение нескольких дней очищали его организм. Побои приводили в сознание. Отсутствие еды, голод

— голодный человек не может позволить себе быть сумасшедшим из-за страшных мучений тела. Чтобы сойти с ума, нужно, чтобы жизнь была более или менее благополучной.

Смотрите: чем благополучнее и богаче общество, тем больше людей сходят с ума. Чем беднее общество, чем больше оно страдает от нищеты и голода, тем меньше людей теряют рассудок. Безумие требует, прежде всего, наличия ума. Но голодному человеку нечем подпитывать свой ум. Он недоедает и не в состоянии сойти с ума. Поскольку уму, чтобы выжить, требуется больше энергии, чем обычно. Сумасшествие — болезнь богатых. Бедные не могут его себе позволить.

Итак, если заставить человека голодать и давать ему слабительное, его организм очистится и голод вынудит его думать только о теле. Он забудет про ум, основной заботой будет тело. Ему больше не будет никакого дела до ума и его игр.

Сумасшествие — игра ума.

Итак, иногда я видел, как люди в этом храме исцелялись, но из-за всего одного процента случаев успешного исцеления пошла молва об эффективности лечения, и туда стали приводить сотни душевнобольных. Храм процветал. Я бывал там много раз, но всего однажды видел излеченного больного; другие возвращались домой избитые и изголодавшиеся — еще более больные и ослабевшие. Многие не вынесли такого «лечения» и умерли.

Однако в Индии смерть в результате лечения, проводимого священником в храме, — не преступление, более того, это счастье — умереть в священном месте. Вы переродитесь на более высоком уровне сознания. Так что это не преступление, и повсюду в мире священники лечили людей подобным образом на протяжении многих веков.

Сейчас мы знаем, что душевнобольных нельзя лечить таким образом. Их сажали в тюрьмы, в камеры-одиночки. Это происходит до сих пор во всем мире, потому что мы не знаем, что с ними делать. Чтобы скрыть свое невежество, мы сажаем душевнобольных в тюрьмы и забываем о них; по крайней мере мы можем продолжать игнорировать факт их существования.

В моем родном городе дядя моих друзей сошел с ума. Они были богатыми людьми. Я часто бывал у них, но только спустя несколько лет я узнал, что дядю заковали в цепи и держат в подвале.

Я спросил:

— Почему?

— Потому что он сумасшедший. Было только два варианта: мы сковываем его цепями и держим в доме... Разумеется, мы не могли держать его наверху — это причиняло бы беспокойство нашим гостям. И было бы ужасно, если бы дети и жена видели своего отца и мужа в таком состоянии. Второй вариант — отправить его в тюрьму, но в этом случае пострадала бы репутация нашей семьи. Поэтому мы решили запереть его в подвале. Пищу ему приносит слуга, и больше его никто не видит никто к нему не ходит.

— Я хотел бы увидеть вашего дядю.

— Но я не могу пойти с тобой, — ответил приятель. — Он опасен, он сумасшедший! Хотя и в цепях, но он может что-нибудь сделать.

— Самое страшное, что он может сделать, — это убить меня. Стой у меня за спиной — если он набросится на меня, ты сможешь убежать. Но я все равно хочу пойти к нему.

Я настоял на своем, и мой приятель взял ключ у слуги, который относил дяде пищу. За тридцать лет я был первым человеком из внешнего мира, за исключением слуги, увидевшим его. Возможно, когда-то он и был сумасшедшим — я не знаю, — но, когда я его увидел, он был здоров. Однако никто не желал его слушать, потому что все душевнобольные говорят, что они не больны. Поэтому, когда он говорил слуге: «Пойди и скажи моей семье, что я не сумасшедший», — тот только смеялся. В конце концов, слуга все же передал эти слова семье, но никто не обратил на них никакого внимания.

Придя к дяде, я сел возле него и заговорил. Он оказался таким же здравомыслящим, как и все остальные, — даже, наверное, немного более здравомыслящим, потому что он сказал мне:

—Тридцать лет заточения — потрясающий опыт. На самом деле я думаю, что мне повезло, что я изолирован от вашего безумного мира. Они думают, что я безумен, — пускай, в этом нет вреда, — но на самом деле я счастлив, что я здесь, а не в вашем безумном мире. А вы как думаете?

—Вы абсолютно правы, — ответил я. — Мир снаружи стал еще безумнее, чем тогда, тридцать лет тому назад, когда вы покинули его. За тридцать лет во всем произошел большой прогресс — в том числе и в безумии. Вам следует перестать говорить, что вы не сумасшедший, иначе вас могут выпустить! У вас прекрасная жизнь. Здесь достаточно места, чтобы ходить...

—Это единственное физическое упражнение, которое я могу здесь выполнять. Я начал учить его випассане:

—Вы находитесь в идеальных условиях, чтобы достигнуть просветления: вас никто и ничто не тревожит, не беспокоит и не отвлекает. Это блаженство.

Последний раз, когда я видел его перед смертью, по его лицу и по глазам я заметил, что он стал другим человеком, — с ним произошла тотальная трансформация.

Чтобы выйти из состояния безумия, душевнобольным нужна медитация. Преступники нуждаются в психологической помощи и духовной поддержке. Они действительно тяжело больны, вы наказываете больных людей. Но это не их вина. Если человек совершает убийство, это значит, что он долгое время носил в себе склонность к убийству. Убийство не происходит ни с того ни с сего.

Если совершается убийство, необходимо внимательно посмотреть на общество, возможно, это общество должно понести наказание. Почему в этом обществе происходят такие преступления? Что оно сделало с человеком, что ему пришлось стать убийцей? Почему он стал разрушителем? Ведь природа наделяет всех энергией, направленной на созидание. Она становится разрушительной только в том случае, когда блокируется, когда ей

не позволяют течь естественным образом. Когда энергия идет естественным путем, общество начинает чинить ей препятствия, причинять ущерб, направлять в другое русло. Вскоре человек приходит в замешательство. Он ничего не может понять. Он не понимает, что он делает и зачем он это делает. Изначальные причины позабыты, вся жизнь превратилась в головоломку.

Смертная казнь никому не нужна, ее никто не заслуживает. Более того, не только смертная казнь, но и другие меры наказания недопустимы, поскольку наказание не исправляет человека. С каждым днем количество преступников увеличивается, строится все больше и больше тюрем. Это странно. Так не должно быть. Должно быть все наоборот: благодаря многочисленным судам, мерам наказания и тюрьмам преступность должна сокращаться, преступников должно становиться меньше. Со временем количество тюрем и судов должно уменьшаться. Но этого не происходит.

Потому что неверен сам ход вашего рассуждения. Невозможно ничему научить при помощи наказания. Веками законоведы, юристы и политики твердили: «Если мы не будем наказывать людей, тогда как же мы их научим? Тогда все начнут совершать преступления. Мы должны постоянно наказывать преступников, чтобы все боялись». Они думают, что страх — единственный способ научить людей быть законопослушными, но страх ничему не может научить! Все, что может сделать наказание, это приучить к страху, в результате чего исчезает изначальный шок. Люди знают, что им грозит: «Все, что вы можете со мной сделать, это избить меня. Если один человек может это вынести, то и я смогу. Кроме того, из сотни воров вам удастся поймать только двух-трех. И что я за мужчина, если не готов пойти на такой риск — девяносто восемь процентов успеха против двух процентов неудачи?»

Никто не может ничему научиться при помощи наказания. Даже тот, кого вы наказываете, не усваивает то, чему вы хотите его обучить. Хотя кое-чему он все же научается — он научается быть толстокожим.

Как только человек попадает в тюрьму, она становится его домом, потому что в ней он находит себе подобных. Он находит подходящее для себя общество. Во внешнем мире он был чужим — в тюрьме он у себя дома. Здесь все говорят на одном языке, и есть специалисты. Он может быть дилетантом, новичком; возможно, это его первый срок.

Я слышал один анекдот о человеке, который попадает в тюрьму и в темной камере видит лежащего старика. Старик спрашивает его:

— Ты сюда на сколько? — На десять лет, — отвечает новоприбывший.

— Тогда устраивайся у двери, — говорит ему старик. — Всего на десять лет! Ты, похоже, новичок. Я здесь на пятьдесят лет, так что твое место — у двери. Тебе — скоро выходить.

Находясь десять лет среди специалистов, вы, естественно, обучаетесь всем их приемам, стратегиям и методам. Вы перенимаете их опыт. Тюрьмы — это университеты, где обучают правонарушению за счет государства. Там вы найдете профессоров правонарушения, деканов факультета правонарушения,

ректоров и проректоров — специалистов во всех преступлениях, которые вы только можете себе представить. Новичок, конечно же начинает учиться.

Я побывал во многих тюрьмах, и атмосфера в них по существу везде одинаковая. Общее мнение во всех тюрьмах которые я посетил, такое: вы попадаете в тюрьму не из-за преступления, а из-за того, что вас поймали. Поэтому нужно научиться, как правильно совершать неправильные поступки. Вопрос не в том, чтобы совершать правильные поступки, а в том, чтобы совершать их правильно. И в тюрьме этому обучаются все заключенные. Я даже разговаривал с ними, и они мне сказали «Мы стремимся поскорее выйти отсюда, потому что узнали так много нового что нам не терпится применить это на деле. Нам не хватало практических знаний — прежде чем мы попали сюда, мы были теоретиками. Чтобы стать практиком, нужно попасть в тюрьму».

Как только человек становится уголовником, он больше нигде не будет себя чувствовать так хорошо, как в тюрьме рано или поздно он туда возвращается. Со временем тюрьма становится его альтернативным обществом. Здесь он чувствует себя комфортнее, здесь он чувствует себя как дома; никто не смотрит на него свысока. Здесь все преступники. Здесь нет священников, мудрецов и святош. Здесь все — жалкие людишки со своими слабостями и недостатками.

Во внешнем мире его отвергают и осуждают.

В моем городе жил один закоренелый преступник. Это был прекрасный человек; его звали Баркат Миан, девять месяцев в году он проводил в тюрьме, три — на воле. В течение этих трех месяцев он каждую неделю должен был появляться в полицейском участке и отчитываться, что все в порядке и он никуда не сбежал. Я дружил с этим человеком. Моя семья была страшно недовольна,

— Зачем ты водишься с этим Баркатом? — спрашивали меня. — С кем поведешься, от того и наберешься.

— Я понимаю. Это значит, что Баркат чего-нибудь наберется от меня, и я не вижу ничего плохого в том, чтобы поделиться с человеком благопристойностью.

— Когда же ты начнешь трезво смотреть на жизнь?

— Я как раз и смотрю на жизнь трезво. Не Баркат сделает меня хуже, а я сделаю Барката лучше. Или вы думаете, что его зло сильнее моего добра? Вы не доверяете моей целостности; вы верите в целостность Барката, — ответил я. — Что бы вы ни думали, я доверяю себе. Баркат не сможет причинить мне вреда. Если и будет причинен хоть какой-то вред, то мной — Баркату.

Баркат был действительно прекрасным человеком, он говорил мне: «Тебя не должны видеть со мной. Если хочешь встретиться и поговорить, лучше это сделать за городом, где-нибудь у реки».

Сам он жил возле мусульманского кладбища, куда никто не приходил, пока не умирал, — приходил, но только один раз. Ему не разрешали жить в городе. В городе никто не хотел сдавать ему жилье. И неважно, сколько он был готов заплатить, никто не хотел с ним связываться. Никто не хотел его к

себе пускать. «Как ты стал вором?» — спросил я однажды Барката. «Когда меня впервые посадили в тюрьму, я был совершенно невиновен, но у меня не было денег, чтобы нанять адвоката, а людям, которые хотели меня посадить, мое заключение было на руку. Мои отец и мать умерли, когда мне было всего лет четырнадцать-пятнадцать. Остальные родственники хотели присвоить себе всю собственность нашей семьи — дом, землю, — но я им мешал. Они нашли простое решение проблемы. Они подложили мне кое-что в мешок, который лежал у меня в доме. Украденную вещь нашли в моем мешке и посадили меня в тюрьму. Когда я вышел на волю, моя земля и дом были проданы, родственники умудрились разделить и распродать все мое имущество. Я оказался на улице.

Таким образом, когда я впервые попал в тюрьму, я был невинен, но, когда вышел из нее, моя невинность была безвозвратно утрачена, потому что я прошел хорошую школу. В тюрьме я всем рассказал, что со мной произошло — мне было всего семнадцать, — и мне сказали: „Не волнуйся, девять месяцев пролетят быстро, но за этот срок мы отшлифуем тебя так, что ты сможешь им всем отомстить“.

Сначала я решил отомстить всем своим родственникам — зуб за зуб. Они вынудили меня стать вором, и я хотел доказать, что стал настоящим вором. Я выследил их и украл все, что они имели. Постепенно я втягивался и это дело все больше и больше. Десять раз можно выйти сухим из воды, а на одиннадцатый попасться. И чем старше и опытнее становишься, тем реже попадаешься. Но теперь это не проблема; на самом деле тюрьма — очень спокойное место, там я отдыхаю от работы и прочих забот. Провести несколько месяцев в тюрьме полезно для здоровья — четкий распорядок дня: подъем, работа, сон — все в одно и то же время. И сносное питание.

В тюрьме я никогда не болею, только иногда притворяюсь, чтобы поваляться на больничной койке. На воле — болею, а в тюрьме — никогда. Воля — чужой для меня мир; здесь все смотрят на меня свысока. Только в тюрьме у меня есть ощущение свободы».

Странно! Когда он сказал это, я переспросил: «Ты хочешь сказать, что в тюрьме ты чувствуешь себя свободным?» — «Да, только в тюрьме я чувствую себя свободным».

Что же это за общество, в котором люди в тюрьме чувствуют себя свободными, а на свободе — заключенными?

И такая история — почти у каждого преступника. Все начинается с мелочей — он, возможно, был голоден или ему было холодно, было нечем укрыться, и он украл одеяло, — с удовлетворения простых потребностей. Обществу не следовало бы порождать нищих и голодных. Никто не просит его это делать. Однако оно продолжает производить на свет все больше и больше людей, а материальных благ на всех не хватает — ни еды, ни одежды, ни жилья. Чего оно ожидает? Общество само ставит людей в такое положение, в котором они вынуждены становиться преступниками.

Население мира должно быть сокращено в три раза, если вы хотите, чтобы исчезла преступность.

Но никто не хочет чтобы преступность исчезла, иначе с ней исчезнут судьи, адвокаты, юристы, парламенты, полиция, тюремщики. Возникнет большая проблема безработицы; никто не хочет чтобы что-либо менялось к лучшему.

Все говорят о необходимости совершенствования общества, но продолжают способствовать его ухудшению, потому что чем жизнь хуже, тем больше людей трудоустроены. Чем жизнь хуже тем больше шансов, что вы будете довольны собой. Преступники нужны для того чтобы вы могли почувствовать себя высоконравственными и достойными уважения людьми. Грешники нужны святым, чтобы те могли почувствовать, что они — святые. Кто был бы святым без грешников? Если бы все общество состояло только из хороших людей, как вы думаете, помнило бы оно об Иисусе Христе в течение двух тысяч лет? Ради чего? Именно общество преступников хранит память об Иисусе Христе.

Нужно понять одну простую вещь. Почему вы помните о Гаутаме Будде? Если были бы миллионы будд, миллионы пробужденных людей в мире, вы бы не обращали на них никакого внимания. Чем среди них выделялся бы Гаутама Будда? Он бы слился с толпой. Но минуло двадцать пять столетий, и он все еще возвышается — словно колонна, словно горная вершина — над вашими головами.

На самом деле Будда, Иисус, Мухаммед, Махавира — не гиганты, это вы — пигмеи. И каждый гигант заинтересован в том, чтобы вы оставались пигмеями, иначе ему не быть гигантом. Это великий заговор.

Я — против этого заговора. Я не гигант и не пигмей; я не преследую интересы ни тех ни других. Я есть я. Я ни с кем себя не сравниваю, поэтому никто не выше и не ниже меня. Благодаря этому я вижу мир таким, какой он есть на самом деле; личная выгода не искажает мое зрение. И вот мой прямой ответ на вопрос о смертной казни: она лишней раз доказывает, что человеку еще далеко до цивилизованности, культуры и знания человеческих ценностей.

В этом мире нет преступников и никогда не было. Да, есть люди, которым необходимо сострадание, но не тюремное заключение и наказание. Все тюрьмы должны быть перестроены в психологические центры.

Дело жизни и смерти: ответы на вопросы

Моя сестра попала в аварию, и с тех пор она не может двигаться, не видит, не слышит и не говорит. Может быть, лучше позволить ей умереть?

Это один из основных вопросов, который в разных формах поднимается во всем мире. Веками бытовала идея, что смерти следует избегать, что это — зло: жизнь — от Бога, смерть — от дьявола.

Даже в медицинской профессии каждый врач в мире дает клятву Гиппократу, клянясь, что он никоим образом не будет способствовать чьей-либо смерти, а всевозможными способами будет содействовать сохранению жизни.

Это было верно во времена Гиппократу, потому что из десяти детей только один доживал до среднего возраста. Девять умирали — такова была жизнь. Во времена Гаутамы Будды численность населения во всем мире была такой маленькой, что вы и представить себе не можете. Всего двести миллионов. Теперь только в одной Индии живет почти миллиард людей. А всего на земле насчитывается больше пяти миллиардов. От двухсот миллионов двадцать пять веков назад население возросло до более чем пяти миллиардов, а земля осталась прежней. Медицина тоже шагнула вперед.

Раньше считалось, что максимальный возраст, до которого в те времена мог дожить человек, — семьдесят лет. Ученые исследовали кости и скелеты древних людей почти за пять тысяч лет, чтобы точно установить продолжительность их жизни. И они пришли к выводу, что люди раньше жили не больше сорока лет, — так что верно, когда говорят, что в прошлом жизнь была прекрасна, потому что ни один отец не видел смерти своего сына. Естественно: если отец умирал в сорок лет, как он мог увидеть смерть сына?

Но к этим сыновьям не относятся те девять детей из десяти, доживавших максимум до двух лет. Поэтому в действительности каждый отец был свидетелем десятков смертей своих сыновей и дочерей. Если ребенок доживал до трех лет, у него возникали шансы дожить, по крайней мере, до сорока. Тем временем, естественно, его отец умирал.

Сейчас есть много людей, которым исполнилось больше ста лет; и в некоторых странах можно встретить старожилков, которым за сто, а они все еще трудятся в поле наравне с молодыми. Некоторые ученые утверждают, что при правильном питании, правильной физической нагрузке и хорошем воздухе человеческое тело способно жить, по крайней мере, триста лет. Это очень опасная перспектива: уже лет через девяносто-сто вам надоест жить — что же вы будете делать триста лет? Вас не будут узнавать члены вашей собственной семьи. За триста лет появится на свет не одно поколение ваших потомков, но у вас с ними не будет никакой связи. Разрыв между поколениями будет слишком велик.

Что вы будете делать? Вы жили, любили. Вы повидали в этой жизни все, что можно: удачи и неудачи, удовольствие и боль, дни и ночи. Вы видели все времена года. Не осталось ничего неизвестного. Теперь — только повторение, все идет по кругу.

Мы должны пересмотреть свое отношение к смерти. Мое мнение таково: если человек доживает до такого момента, когда его жизнь совершенно теряет всякий смысл, когда он уже отжил свое, уход из жизни не должен запрещаться законом. Смерть должна быть разрешена; более того, в каждой больнице должно быть специальное отделение для тех, кто желает умереть, — чтобы они могли умереть тихо, спокойно, с надлежащей медицинской

помощью. Эта помощь должна состоять не в том, чтобы поддержать в них жизнь, а в том, чтобы помочь им умереть как можно достойнее и спокойнее.

Я предлагаю, чтобы в каждом отделении смерти в больнице был свой медитатор, который помогал бы пациентам перед смертью освоить медитацию, чтобы они могли умереть медитативно. Их смерть могла бы превратиться в очень ценное переживание, вероятно, еще более ценное, чем вся их жизнь. И это не было бы грехом.

У каждого пациента этого отделения должно быть время, чтобы хорошенько все обдумать. Возможно, в момент принятия решения умереть он был расстроен. Может быть, в его жизни произошло какое-то событие, и он подумал: «Лучше мне покончить с собой». Нужно дать ему время подумать, сказав: «Ложись в больницу, побудь здесь месяц и подготовься к смерти. Мы поможем. Если в течение этого месяца ты передумаешь — можешь встать и уйти. Никто тебе не помешает».

Помните, что любые эмоции длятся не дольше нескольких минут. Если бы каждый самоубийца подождал хотя бы минуту, он мог бы и не покончить с собой. Это — минутный порыв. Но если человек в течение целого месяца весел и радостен и с нетерпением ждет смерти как некоего приключения, тогда наш долг — позволить ему покинуть тело и сделать это как можно изящнее.

Чтобы ответить на заданный вопрос, я был вынужден сделать это вступление, чтобы вы поняли, что смерть — это не зло, а нечто вполне естественное. Но вопрос — не о старом человеке. Вопрос о молодой сестре, которая не может двигаться, видеть, слышать и говорить. Все ее органы чувств отказали. И вы называете это жизнью? Это растительное существование. И оно, должно быть, причиняет ей ужасные страдания. Нам это не заметно, потому что она ничего не может сказать. У нее нет каналов для общения. Она в полном одиночестве, она совершенно отрезана от жизни. В чем смысл такого существования в течение семидесяти, восьмидесяти или девяноста лет — а может, и больше? Она будет только обузой и источником горя для семьи, и для нее самой это будет сущий ад, потому что это — полное лишение свободы.

Подумайте сами. Худшего концлагеря и не придумаешь: лишена зрения, слуха, дара речи. Это — кома. Многие люди находятся в таком состоянии. Я сам видел одну женщину, которая пролежала в коме девять месяцев. Врачи говорили, что она уже не сможет прийти в сознание, потому что из-за того, что она так долго была в бессознательном состоянии, хрупкая нервная система, отвечающая за сознание, практически умерла. Они показали мне снимки ее мозга, сказав, что все центры, обеспечивающие сознание, омертвели. Она может просуществовать без сознания лет пятьдесят — на тот момент ей было тридцать. Она была тяжким бременем для всей семьи: для мужа и для детей. Они были абсолютно беспомощны и ничего не могли для нее сделать. И врачи тоже признавали свою беспомощность и ничем не могли ей помочь. Но закон не позволяет содействия в смерти. Если бы врачи дали ей умереть, они стали бы преступниками, их считали бы убийцами.

Закон примитивен. Он не понимает сострадания. Этой женщине нужна смерть из милосердия. Она даже попросить о ней не может!

Сестра человека, задавшего этот вопрос, не может даже попросить о смерти. Но ее близкие должны направить прошение в правительство своей страны. Им следует обратиться с петицией в суд и настаивать на том, что поддерживать в ней жизнь — немилосердно. Это не любовь, это абсолютно примитивное и необоснованное в наше время отношение к жизни человека. Необходимо им сообщить, что вся семья согласна, что ее следует освободить из этой тюрьмы, чтобы она могла родиться заново, обрести новое тело — с глазами, с ушами, со способностью ходить и говорить. Для нее смерть будет не злом, а благом.

Это мое мнение. Я не говорю, что вы должны следовать ему, потому что в вашей стране это, может быть, противозаконно. Необходимо законными методами обратиться к правительству и поднять этот вопрос на общенациональном уровне, потому что он может касаться не только вашей сестры. Возможно, в стране есть другие дети и молодые люди, которые точно так же страдают только из-за того, что закон не позволяет медработникам помочь им покинуть тело.

Пришло время нам и медработникам понять: студенты-медики больше не должны давать клятву Гиппократу. Они должны давать клятву, что будут помогать человеку жить, если он может жить полноценной насыщенной жизнью, но если он не может так жить, и ему лишь помогают дышать — дыхание не есть жизнь — тогда ему лучше помочь умереть. В обоих случаях будет проявлено сострадание. Не важно — служите ли вы жизни или смерти. Ваше сострадание должно понимать, что человек отправляется в лучший мир, к лучшей жизни.

И в каждой стране это должно быть узаконено, точно так же как сейчас во многих странах узаконен контроль рождаемости. С одной стороны, вы не допускаете рождения ребенка. Если вы приняли это, то, с другой стороны, вы должны позволить старикам, желающим покинуть этот мир, сделать это с надлежащими церемониями. Чтобы они могли позвать друзей, членов семьи. Чтобы они могли пожить вместе со своей семьей, потому что через месяц их уже здесь не будет.

Рождение — не в ваших руках, но вы, по крайней мере, можете обрести свободу в выборе смерти. Некоторые страны скоро примут закон, позволяющий людям быстрее приближаться к концу жизни. Мир перенаселен. С одной стороны, мы предотвращаем появление людей, с другой стороны, нам следует позволить им уходить, и тогда мир не будет так перенаселен и беден.

И вопрос не только в том, чтобы сократить численность населения и бедность, но в самих людях. Практически во всех западных странах, особенно в Америке, сотни тысяч людей просто живут в больницах. Им — по девяносто-сто лет. Они не могут жить у себя дома, потому что не способны даже дышать без посторонней помощи. Но мы все равно поддерживаем в них жизнь — спрашивается, зачем? Они подключены к аппаратам ис-

кусственного дыхания. Не думаю, что от этого они испытывают удовольствие. Они никогда не вернутся домой и умрут в больнице. Я не вижу никакого смысла в том, чтобы держать их на искусственном дыхании. Если их тела больше не хотят дышать, пожалуйста, позвольте им не дышать! Это их личное дело.

Вы вмешиваетесь в жизнь других людей. Вы не позволяете им умереть. Они уже мертвы, а вы заставляете их продолжать существовать, хотя сами не знаете, зачем. Когда вы искусственно продлеваете жизнь тысячи людей, которые должны лежать в своих могилах, вы зря занимаете места в больницах, тратите время врачей и медперсонала, используете оборудование — для чего все это? Через два-три года они даже перестанут реагировать на аппараты искусственного дыхания. Они будут отторгать их. Больше ничего не произойдет. Но целых три года вы будете их мучить зря. И это называется служением, состраданием. И это считается христианством. Это же просто жестокость!

Позвольте этим несчастным умереть. В мире тысячи людей, которые готовы покинуть свое тело, потому что оно причиняет им только боль. Страдая от многочисленных болезней и недугов, они больше не в состоянии что-либо делать. Они больше не способны наслаждаться жизнью.

Но мы живем в очень странном мире. Он продолжает следовать старым законам, которые давно потеряли связь с реальностью, которые стали лишь тенями прошлого и сейчас приносят людям лишь мучения.

Я думаю, что вашу сестру следует освободить от этого тела, потому что оно стало ей тюрьмой. Если вы ее любите, вы должны проститься с ней. Со слезами и печалью, но вы должны попрощаться с ней и медитировать и молиться, чтобы она обрела лучшее тело. Но обратитесь к правительству, привлечите к этой ситуации внимание общественности, чтобы помощь могла быть оказана не только вашей сестре. В таком же положении могут пребывать многие другие. Сделайте так, чтобы это дело получило широкую огласку, только тогда вашей сестре позволят спокойно умереть. И не тревожьтесь — сокровенная сущность никогда не умирает.

В моем христианском воспитании упор всегда делался на том, чтобы стать незгоистичным, чтобы не думать о себе. Теперь, вспоминая себя и стремясь к своей внутренней сущности, мне кажется, что мне приходится пробиваться сквозь неловкость, чувство вины и смущение. Не могли бы Вы рассказать об этом?

Все религии причинили огромный вред человеческому росту, но христианство в этом особенно отличилось. Оно использовало красивые слова, чтобы скрыть отвратительные действия, направленные против вас. Например, «альтруизм», «самоотверженность». Сказать человеку, который не знает себя, что ему нужно забыть о себе, — настолько идиотская затея, что просто не верится, что вот уже две тысячи лет христианство призывает к этому.

Сократ сказал: «Познай себя, остальное второстепенно». Познав себя, можно стать неэгоистичным. Более того, в этом случае вы непременно станете неэгоистичными, и с вашей стороны не потребуется никаких усилий. Познав себя, вы познаете не только свое «я», но и «я» всех остальных. Оно одинаково; это одно сознание, один континент. Люди — не острова. Но, не научив людей, как познать свою сущность, христианство начало опасную игру, которая пришлась людям по душе благодаря красивому слову «самоотверженность». Это слово выглядит религиозным, духовным. Когда я говорю: «Вначале будьте эгоистами», это звучит не духовно.

Эгоистами?

Ваш ум приучен к тому, что самоотверженность — это духовно. Я знаю это, но пока вы не будете достаточно эгоистичны, чтобы познать себя, вы не сможете отвергнуть свое эго. Самоотверженность возникнет вследствие самопознания, после того как вы станете самими собой. Тогда самоотверженность не будет добродетелью, она не будет развиваться для того, чтобы получить награду на небесах. Она будет просто частью вашей природы, и каждый самоотверженный поступок будет наградой себе самому.

Но христианство поставило телегу впереди лошади — в результате повозка застряла на месте и не может сдвинуться. Лошадь застряла, потому что перед ней телега; телега не может сдвинуться, потому что она в принципе не может двигаться, если впереди нет тянущей ее лошади.

Это происходит с каждым христианином: как только он начинает медитировать, у него появляется чувство вины — когда весь мир в беде, когда люди прозябают в бедности, умирают от голода и страдают от СПИДА, он медитирует? Это же полный эгоизм! Вначале надо помочь бедным, страдающим от СПИДА — вначале надо помочь другим.

Но жизнь коротка. Сколько вы сможете совершить альтруистических поступков за семьдесят-восемьдесят лет? И когда же вы найдете время для медитации? Как только вы приступаете к медитации, тут же возникают бедные, больные, сироты и нищие, которым требуется ваша помощь. Мать наставляла своего сынишку: «В нашей религии самое главное — быть альтруистом. Никогда не будь эгоистом, помогай другим».

Маленький мальчик — маленькие мальчики восприимчивее и разумнее, чем так называемые взрослые парни — маленький мальчик сказал: «Мне кажется странным, что я должен помогать другим, а они должны помогать мне. Почему бы все не упростить? Я помогаю себе, а они — себе». Эта самая главная идея религии кажется слишком сложной — необоснованно сложной.

Более того, христианство осудило восточные религии за то, что они слишком эгоистичны. Махавира, джайнский мистик, двенадцать лет медитировал... Лучше бы преподавал в школе или работал в больнице. Ему следовало бы заботиться о сиротах, быть как мать Тереза и получить Нобелевскую премию.

Ни один медитатор, разумеется, никогда не получал Нобелевскую премию. А за что? Он ничего не сделал для других. Медитаторы — самые эгоистичные люди на свете: они только медитируют, наслаждаются своей

тишиной и покоем, пребывают в блаженстве, находят истину, открывают Бога, достигают полного освобождения. Это же эгоистично. Поэтому христианскому уму трудно принять идею медитации. В христианстве нет медитации, только молитва.

Они не могут назвать Гаутаму Будду поистине религиозным человеком — что он сделал для бедных? Что он сделал для больных? Что он сделал для стариков? Он стал просветленным — это верх эгоизма! Но на Востоке совсем другое мировоззрение — гораздо логичнее, разумнее и понятнее. На Востоке всегда считали, что, пока вы не обретете покой и тишину в своем сердце, песню в своей душе, свет, излучающий просветление, вы не сможете служить другим. Вы сами больны; вы сами сироты, потому что вы сами еще не достигли непоколебимости существования, безопасности вечной жизни. Вы сами так бедны, что внутри у вас нет ничего, кроме тьмы. Как вы можете помогать другим? Вы сами тонете, опасно помогать другим — скорее всего, вы и их утащите на дно. Вначале надо научиться плавать. Только тогда вы сможете хоть как-то помочь утопающим.

Мой подход абсолютно ясен. Вначале будьте эгоистами и откройте все, что есть в вас самих: всю радость, блаженство и экстаз. И тогда, точно тень, последует альтруизм: ваше сердце танцует, ваше существо преисполнено божественности — этим надо делиться. Вы не сможете жадничать и ни с кем не делиться, потому что жадность во внутреннем росте — это смерть.

Экономика внутреннего роста отличается от внешней экономики. В обычной экономике, если вы отдаете, вы имеете все меньше и меньше. Но в духовной экономике — наоборот: если вы не отдаете, вы имеете все меньше и меньше; если отдаете — имеете все больше и больше. Законы внешнего мира и внутреннего диаметрально противоположны.

Вначале станьте внутренне богаты, станьте императором. Тогда у вас будет так много того, чем вы сможете поделиться, что вы даже не будете считать это альтруизмом. Вы не пожелаете никакой награды ни сейчас, ни потом. Вы даже не будете ждать благодарности от того, кому даете; наоборот, вы будете сами благодарны человеку, который не отвергает вашу любовь, ваше блаженство, ваш экстаз. Человек согласился принять, позволил вам излить на него свою любовь, свои песни, свою музыку.

Христианская идея альтруизма — полнейшая глупость. На Востоке никогда не было такой идеи. За всю длинную историю своих поисков истины Восток пришел к простому выводу: вначале надо позаботиться о себе, и только тогда можно будет позаботиться о других.

Девушка, задающая вопрос, испытывает некое чувство вины. Она говорит: «Мне кажется, что мне приходится пробиваться сквозь неловкость, чувство вины и смущение. Не могли бы вы рассказать об этом?»

Это понятный феномен. Христианство обмануло миллионы людей и направило их по ложному пути. Христианские фундаменталисты — это самые фанатичные и одержимые люди. Сегодня Восток забыл о своей былой славе — о временах Гаутамы Будды и Махавиры. Теперь даже нехристиане подвергаются воздействию христианской идеологии. Современная

конституция Индии гласит, что благотворительность состоит в помощи бедным, в образовании бедных и строительстве больниц для бедных. Ни одна из этих идей не упоминалась в учении Гаутамы Будды. Это не значит, что он был против помощи бедным, — он знал, что, если вы занимаетесь медитацией, вы *будете* помогать, но без хвастовства. Это будет происходить просто и естественно.

Однако обучение медитации — не благотворительность; благотворительность — это открытие новой больницы. Открытие школы, обучение географии и истории — вот что такое благотворительность. Но чему вы обучите на уроке географии — где находится Тимбукту и где Константинополь? А на истории — расскажете про Чингисхана, Тамерлана, Надир-шаха, Александра Македонского и Ивана Грозного? Это благотворительность? А научить людей быть спокойными, умиротворенными, любящими, радостными, счастливыми, просветленными — не благотворительность. Даже нехристиане заразились этой болезнью.

Махатма Ганди, по крайней мере три раза в жизни, чуть не стал христианином. В сущности, он и был девяностопроцентным христианином. Доктор Амбедкар, написавший конституцию Индии, многие годы думал, что ему и его последователям следует принять христианство. В конце концов он решил, что им следует стать буддистами. Но во всей индийской конституции чувствуется влияние христианства. В ней ни разу не упоминается слово «медитация», которое стало вкладом Востока в мировое развитие, причем самым ценным вкладом. Вместо этого в конституции больше отражается учение христианских миссионеров. Она не отражает учения Гаутамы Будды, Кабира или Нанака.

Я считаю, что благотворительность невозможна без медитации.

Так что ваше чувство вины — просто неправильное воспитание. Даже не задумываясь, избавьтесь от него. Вы станете альтруистами, будучи абсолютными эгоистами. Вначале вы должны стать внутренне богатыми — настолько богатыми, настолько переполненными богатством, что будете просто *вынуждены* делиться, точно так же, как туча вынуждена делиться дождем с жаждущей землей. Но прежде туча должна наполниться дождем. Неразумно говорить пустым тучам: «Вы должны быть альтруистами».

Ко мне приходят многие доброжелатели, исполненные благими намерениями, и говорят: «Что это за странное место? Чем вы занимаетесь? Вам следует открыть больницу для бедных, собрать сирот, раздавать одежду нищим, помогать всем нуждающимся». У меня совершенно другой подход. Я могу раздавать бедным контрацептивы, чтобы не было сирот. Я могу раздавать бедным противозачаточные пилюли, чтобы не было взрыва рождаемости, поскольку я не вижу смысла в том, чтобы вначале породить сирот, а потом строить для них приюты, помогать им и тратить впустую свою жизнь.

Когда в 60-е годы я начал об этом говорить, население Индии составляло четыреста миллионов. С тех пор я не устаю повторять, что регулирование рождаемости крайне необходимо. Но христиане против этого, и всего за

тридцать пять лет население Индии увеличилось более чем в два раза. От четырехсот миллионов оно возросло до девятисот миллионов. Можно было предотвратить появление пятисот миллионов людей, и тогда не было бы потребности в матери Терезе и римскому папе не надо было бы приезжать в Индию и учить альтруизму.

Но люди — странные существа: вначале позвольте им заболеть, а потом давайте лекарство. Им в голову пришли замечательные идеи. В каждом клубе «Лайонс клуб интернэшнл» и «Ротари интернэшнл» есть специальные ящики: если вы купили бутылочку какого-нибудь лекарства, вылечились, а половина лекарства осталась, вы жертвует его клубу. Так они собирают лекарства и слывут замечательными людьми и альтруистами за то, что раздают их потом неимущим. Их девиз — «Служение обществу!». Но это очень хитрое служение. Эти лекарства были бы выброшены — если вы здоровы, зачем вам оставшееся лекарство? Великолепная идея: собирать оставшиеся лекарства, раздавать их бедным и ощущать себя великими служителями общества.

На мой взгляд, человеку, прежде всего, необходимо медитативное сознание. После того как вы обретете медитативное сознание, всё, что бы вы ни делали, будет во благо людям; вы будете просто не способны причинить вред, из любви и сострадания вы сможете творить только добро.

Итак, я повторяю: вначале будьте эгоистами. Познайте себя, будьте собой, и тогда вся ваша жизнь станет бескорыстным подарком другим, без ожидания награды в этом или в потустороннем мире.

Целительная сила любви

Все были воспитаны идеалистами. Никто не является реалистом. Идеализм — очень распространенная болезнь человечества.

Вы воспитаны с мыслью, что в будущем должны быть чем-то и кем-то. Дан идеал, и вы должны быть на него похожи. Это создает напряжение, потому что вы другие, вы на него не похожи, но должны им стать.

Таким образом, вы постоянно осуждаете реальное и превозносите нереальное, но нереальное есть нереальное. Идеал непрестанно толкает вас в будущее, прочь от настоящего.

Идеал превращается в кошмар, потому что он вызывает постоянное порицание. Что бы вы ни делали — всё несовершенно, так как не совпадает с вашим идеалом совершенства. Все ваши достижения не приносят удовлетворения, потому что у вас есть безумное желание, которое просто невозможно удовлетворить.

Вы — человек, существующий в определенное время, в определенном месте, с определенными недостатками. Примите эти недостатки. Перфекционисты всегда находятся на грани безумия. Они одержимы — что бы они ни делали, всё недостаточно хорошо. Но делать что-то в совершенстве невозможно — совершенство недостижимо для человека. Более того, несовершенство — это единственно возможный способ существования.

Итак, чему я хочу вас здесь научить? Я не учу вас совершенству, я учу вас целостности. Это абсолютно разные вещи. Будьте целостными. Не беспокойтесь о совершенстве. Когда я говорю «будьте целостными», я имею в виду: будьте настоящими, будьте здесь и сейчас: что бы вы ни делали, делайте это тотально. Вы будете несовершенны, но ваше несовершенство будет прекрасно и тотально. Никогда не пытайтесь достичь совершенства, иначе забот не оберетесь. Вокруг и так много проблем, не создавайте себе еще.

Я слышал:

Однажды грязный, озабоченный Гарфункель с трехлетним ребенком на руках сел в поезд. Каждые пять минут он шлепал малыша.

—Если вы еще раз ударите ребенка, — сказала сидящая напротив женщина, — то я сделаю так, что у вас будут большие неприятности!

—Неприятности? — воскликнул Гарфункель. — Вы причините мне неприятности? Мадам, мой партнер украл все мои деньги и удрал с моей женой на моем автомобиле. Моя дочь в салон-вагоне, она на шестом месяце беременности, и у нее нет мужа. Я потерял свой багаж, сел не в тот поезд, а этот маленький мерзавец съел билеты, и его стошнило прямо на меня. И после этого — ВЫ причините мне неприятности?

Какие еще неприятности можно причинить? Всему есть предел.

Жизнь и так очень сложная штука, пожалуйста, будьте к себе помягче. Не создавайте идеалов. Жизнь сама создает проблемы, но эти проблемы можно решить. Если вы сели не на тот поезд — можно пересесть; если утеряны билеты — можно купить новые; если ушла жена — можно найти другую женщину. Проблемы, которые преподносит вам жизнь, можно решить, но проблемы, создаваемые идеализмом, неразрешимы.

Кто-то пытается стать Христом... Это невозможно, это никогда не произойдет — природа не позволит. Иисус появляется только раз — природа не потерпит повторения. Кто-то пытается стать Буддой — он пытается сделать невозможное. Этого просто не может быть, это противоестественно. Вы можете быть только самими собой. Поэтому будьте тотальны. Где бы вы ни были и что бы вы ни делали, делайте это тотально. Погрузитесь в это действие, пусть оно станет вашей медитацией. Не беспокойтесь, достигнете ли вы в нем совершенства или нет, — все равно не достигнете. Если ваши действия тотальны, то этого достаточно. Если они были тотальны, и вы получили удовольствие, чувство удовлетворения, если вы целиком в них погрузились, они увлекли вас, то вы выйдете восстановленными, обновленными и свежими.

Каждое действие, если совершается тотально, придает сил и никогда не вызывает зависимости. Если вы любите тотально, привязанность не возникает; если вы любите частично — возникает. Если вы живете тотально, вы не боитесь смерти; если вы живете частично — боитесь.

Забудьте о слове «совершенство». Это одно из самых преступных слов. Это слово нужно выбросить из всех языков мира, стереть из человеческой памяти. Никто никогда не был совершенным и никогда не будет. Неужели вы

не понимаете? Даже если Бог существует и вы его открываете, неужели вы не видите изъянов в его творении? Огромное множество, поэтому он от вас и прячется. Он вас чуть ли не боится. Масса недостатков. Можете их подсчитать? Бесконечное количество. В сущности, если вы придирчивы, то все будет неправильно — неправильное время, неправильное место. Сплошной бардак. Даже Бог не совершенен, он тотален. Он все еще наслаждается своим творением. Но он — не совершенен. Если бы он был совершенен, то его творение не могло бы быть несовершенным. Совершенство порождает совершенство.

Все религии мира утверждают, что Бог совершенен. Я так не думаю. Я утверждаю, что Бог целостен, тотален — но не совершенен. Хотя он все еще может пытаться им стать... Как он может быть совершенным? Если бы он был совершенен, мир давно бы умер. Как только нечто достигает совершенства, происходит смерть, потому что больше нет будущего. Деревья все еще растут, дети все еще рождаются — все продолжает существовать. А он продолжает совершенствоваться. Разве вы не видите усовершенствований? Он продолжает все совершенствовать. В этом — смысл эволюции: все совершенствуется. Обезьяны стали людьми — усовершенствование. Люди уподобятся Богу, сами станут богами — это эволюция.

Тейяр де Шарден говорит, что есть конечная точка, когда все становится совершенным. Нет такой точки. Нет конечной точки. И не может быть. Мир находится в процессе развития, происходит эволюция, мы приближаемся к совершенству, но никогда его не достигнем, потому что, как только совершенство будет достигнуто — всё, конец. Бог все еще совершенствует свое творение.

Одно можно сказать наверняка: он доволен своей работой, иначе давно бы ее бросил. Он все еще вкладывает в нее свою энергию. Если Бог доволен вами, было бы полнейшей глупостью вам быть недовольными собой. Будьте довольны собой. Пусть удовольствие станет наивысшей ценностью. Я гедонист. Всегда помните, что удовольствие — это критерий. Что бы вы ни делали, получайте от этого удовольствие, вот и все. Не беспокойтесь о том, совершенно это или нет.

К чему вся эта одержимость совершенством? Вы только напрягаетесь, волнуетесь, нервничаете, беспокоитесь, тревожитесь и боретесь. Слово «агония» произошло от корня, означающего «быть в конфликте». Постоянно бороться с собой — вот значение слова «агония». Вы будете в агонии, если не будете в согласии с собой. Не требуйте невозможного — будьте естественными, непринужденными, любящими себя и других.

Помните, что человек, который не может любить себя, потому что постоянно себя осуждает, не может любить других. Перфекционист требует совершенства не только от себя, но от других. Человек, который суров к себе, непременно суров и к другим. Его требования невыполнимы.

В Индии был Махатма Ганди, перфекционист, практически невротик. Он был очень суров к своим ученикам — даже чай запрещал. Чай! Поскольку в

нем содержится кофеин. Если кто-то пил чай в его ашраме, это был грех. Любовь была запрещена. Если кто-то влюблялся, это был такой страшный грех, будто весь мир мог из-за этого обрушиться. Он постоянно шпионил за своими учениками, подглядывал в замочную скважину. Но точно так же он относился и к себе. Вы способны относиться к другим только так, как вы относитесь к себе.

Но такие люди становятся великими вождями, потому что они внушают другим огромное чувство вины. Чем большее чувство вины вы создадите в других людях, тем успешнее вы будете как лидер. Если люди мучаются чувством вины, вы можете помочь им добиться совершенства. Они несовершенны, но вы можете им помочь.

Я здесь не для того, чтобы помочь вам добиться совершенства, меня совершенно не заботит такая чепуха.

Я здесь для того, чтобы помочь вам быть самими собой. Если вы несовершенны — прекрасно; если совершенны — тоже прекрасно.

Не пытайтесь стать несовершенными — потому что даже это может стать вашим идеалом! Может быть, вы уже совершенны, тогда мои слова могут причинить вам беспокойство! «Этот человек велит быть несовершенными» — в этом нет никакой потребности. Если вы совершенны, тоже примите это!

Постарайтесь полюбить себя. Не осуждайте. Как только человечество придет к полному принятию, исчезнут все церкви, все политики и все священники.

Я слышал:

Один человек как-то рыбачил в Нортвудсе, однажды ночью его проводник рассказывал ему возле костра о временах, когда он сопровождал на рыбалку Гарри Эмерсона Фосдика.

— Да, хороший был человек, — сказал проводник, — только матерился.

— Но, послушайте, — удивился рыбак, — уж не хотите ли вы сказать, что доктор Фосдик сквернословил?

— Да, именно, сэр, — ответил проводник. — Однажды он поймал отличного окуня. Но только он собирался опустить его на дно лодки, тот сорвался с крючка и был таков. Я говорю доктору: «Вот, черт возьми!» — а он в ответ: «Это точно!» Но это единственный раз, когда я услышал от него такие слова.

Вот так работает ум перфекциониста. Доктор не сказал ничего плохого! Он просто ответил: «Это точно». Но даже этого достаточно для перфекциониста, чтобы найти недостаток.

Перфекционист — это невротик. И он не только сам невротик, но еще создает вокруг себя невроз. Поэтому не будьте перфекционистами, а если встретите на своем пути перфекциониста — бегите как можно быстрее, пока он не отравил ваш разум.

Перфекционизм — это происки эго. Даже думать о себе в терминах идеалов и совершенства — это лишь попытка приукрасить свое эго. Смиранный человек соглашается с тем, что жизнь несовершенна.

Смиранный, по-настоящему религиозный человек принимает тот факт, что у нас у всех есть свои недостатки.

Это — мое определение смирения. Быть смиренным — это значит не пытаться быть совершенным. И смиренный человек становится все более и более тотальным, потому что ему нечего отрицать и отвергать. Он принимает себя таким, какой он есть, хороший или плохой. Смиренный человек очень богат, потому что он принимает свою целостность — свой гнев, свою сексуальность, свою жадность — он принимает все. В этом глубоком принятии происходит великая алхимическая трансформация. Все безобразное постепенно само по себе испаряется. Он становится все более и более гармоничным, более и более целостным.

Я против канонизированных святых, я за тех, кто свят сам по себе. Святой — перфекционист; тот, кто по-настоящему свят, — нет. Мастера дзен святые, а католические святые всего лишь святоши. Само словосочетание «канонизированный святой» безобразно: «узаконенный святой». Как можно узаконить чью-то святость, причислить кого-то к лику святых, разве это звание или квалификация? Но церковь продолжает заниматься этими глупостями. Присваиваются даже посмертные звания! Святой мог умереть триста лет тому назад, и только сейчас церковь решает пересмотреть свое к нему отношение. Мир изменился, и спустя триста лет церковь присваивает ему посмертное звание святого — признание его святости, ранее не оцененной по заслугам. Церковь могла даже сама казнить этого человека! Именно так стала святой Жанна д'Арк: церковь сожгла ее на костре, а потом изменила свое мнение. Люди все больше и больше сочувствовали Жанне д'Арк, и пришлось признать ее святость. Вначале церковь сожгла ее, а потом стала ей поклоняться. Спустя сотни лет откопала ее кости и стала им поклоняться.

Нет, словосочетание «канонизированный святой» — плохое словосочетание. Человек может быть свят сам по себе, а не из-за того, что церковь решила присвоить ему это звание.

Я слышал:

Якобсон, девяностолетний старик, переживший еврейские погромы в Польше, концлагеря в Германии и десятки других проявлений антисемитизма, молится в синагоге:

— Господи! Это правда, что мы — твой избранный народ?

— Да, Якобсон, евреи — мой избранный народ! — грохочет голос с небес.

— Ну, тогда, Господи, — стенает старик, — не пора ли избрать кого-нибудь другого?

Помните, перфекционисты — избранные Богом люди. Но наступит день, и вы поймете, что благодаря идеалам вы только калечите свою собственную жизнь. Тогда вы расстанетесь со своими идеалами и будете жить исходя из своей реальной сути, каковой бы она ни была. Это и есть великая трансформация.

Не пытайтесь быть избранными Богом людьми, будьте просто людьми.

Только сострадание исцеляет

Все болезни человека — из-за нехватки любви. Все, что с человеком *не так*, так или иначе связано с любовью. Он был не способен любить или не мог принимать любовь. Он был не способен делиться собой. В этом его несчастье. Это создает в нем различные комплексы.

Эти внутренние раны могут проявляться по-разному. Они могут становиться физическими заболеваниями или психическими заболеваниями, но глубоко внутри человек страдает от нехватки любви. Точно так же как тело нуждается в пище, душа нуждается в любви. Тело не может выжить без пищи, а душа не может выжить без любви. На самом деле вопрос даже не в выживании — без любви душа вообще не может появиться на свет.

Вы только думаете, что у вас есть душа; из-за страха смерти вы верите, что у вас есть душа. Но вы не узнаете, пока не полюбите. Только в любви вы можете почувствовать, что вы больше, чем тело, больше, чем ум.

И только сострадание может излечить вас от недугов. Что такое сострадание? Сострадание — это чистейшая форма любви. Секс — низшая форма любви, сострадание — высшая. В сексе происходит, в основном, физический контакт; в сострадании — духовный. В любви сострадание и секс смешиваются, смешивается физическое и духовное. Любовь находится между сексом и состраданием.

Сострадание можно также назвать медитацией. Сострадание — высшая форма энергии.

Английское слово «compassion», обозначающее «сострадание», прекрасно: его вторая часть «passion» означает «страсть» — страсть настолько была переработана и очищена, что превратилась в сострадание.

В сексе вы используете другого, вы низводите его до средства, до вещи. Вот почему в сексуальных отношениях у вас появляется чувство вины. И это чувство глубже религиозных учений. В сексуальных отношениях *как таковых* вы испытываете чувство вины из-за того, что превращаете другого человека в вещь, в предмет потребления, который можно использовать и выбросить.

Именно поэтому в сексе вы испытываете зависимость — вас тоже низводят до вещи. А когда вы становитесь вещью, ваша свобода исчезает, потому что свобода существует только у человека. Чем больше вы человек, тем свободнее; чем меньше вы человек, тем несвободнее.

Мебель в вашей комнате не свободна. Если оставите комнату закрытой на замок и вернетесь спустя много лет, мебель точно так же будет стоять на прежнем месте, она не переставит себя по-новому. У нее нет свободы. Но если вы оставите в комнате человека, он не останется прежним — даже через день, даже через минуту. Человек не может оставаться неизменным. Как говорил старик Гераклит: «Нельзя войти в одну и ту же реку дважды». Вы не можете встретиться с тем же человеком. Нельзя встретиться с одним и тем же

человеком дважды, потому что человек, как река, постоянно течет и меняется. Никогда не знаешь, что произойдет. Будущее остается открытым.

Для *вещи* будущее закрыто. Камень всегда остается камнем. У него нет потенциала для развития. Он не может измениться, не может эволюционировать. Человек никогда не остается таким же — он может отступить назад или ринуться вперед, может попасть в ад или в рай, но никогда не останется прежним. Он постоянно, так или иначе, движется.

Понаблюдайте за влюбленными — когда они еще не стали мужем и женой, когда их любовь все еще жива, медовый месяц впереди, вы увидите двух людей, в которых жизнь бьет ключом, они в любой момент готовы броситься в неизвестность. Теперь посмотрите на супружескую пару, на мужа и жену, вы увидите два трупа, две могилки — они помогают друг другу оставаться мертвыми, они силой вынуждают друг друга быть мертвыми. В браке происходит постоянный конфликт. Никто не хочет становиться вещью.

Секс — это низшая форма энергии «Х». С точки зрения религиозной, назовите ее божественной; с точки зрения научной — «Х». Эта энергия «Х» может стать любовью. Когда она становится любовью, вы начинаете уважать другого человека. Да, иногда вы его используете, но вы чувствуете благодарность. Вы никогда не благодарите вещь. Когда вы любите женщину и занимаетесь с ней любовью, вы благодарите ее. Когда вы занимаетесь любовью с женой, вы когда-нибудь говорите ей спасибо? Нет, вы принимаете это как должное. Ваша жена когда-нибудь говорила вам спасибо? Может быть, много лет тому назад, вы можете вспомнить время, когда вы еще не приняли решения, когда вы ухаживали за ней, когда вы пытались соблазнить друг друга — может быть. Но после того как вы зарегистрировали отношения, она когда-нибудь благодарила вас хоть за что-нибудь? Вы так много для нее делали, она так много делала для вас. Вы оба живете друг для друга — но благодарность исчезла.

В любви есть благодарность, глубокая признательность. Вы знаете, что другой — не вещь. Вы знаете, что в другом есть духовное величие, душа, индивидуальность. В любви вы даете другому полную свободу. Разумеется, вы даете и принимаете; это отношения «ты мне — я тебе», но с уважением. Секс — это тоже отношения «ты мне — я тебе», но без уважения.

В сострадании вы просто даете. У вас нет даже мысли получить что-то взамен — вы просто делитесь. Это не значит, что вы вообще ничего не получаете! Вам воздается в миллион раз больше, но как бы между прочим, как естественное следствие. Вы к этому не стремитесь.

В любви, если вы что-то даете, глубоко внутри вы надеетесь на отдачу. Если вы не чувствуете отдачи, вы недовольны. Вы можете не говорить об этом, но недовольство так или иначе будет проявляться, и будет заметно, что вы чем-то неудовлетворены, что вы чувствуете себе обманутыми. Любовь похожа на очень тонкую сделку.

В сострадании вы просто даете. В любви вы испытываете благодарность за то, что другой вам что-то дал. В сострадании вы испытываете благодарность за то, что другой что-то принял от вас; вы благодарны за то,

что вас не отвергли. Вы пришли поделиться энергией, и другой позволил вам сделать это, он принял ваш дар. Вы благодарны за то, что другой — принимает.

Сострадание — это высшая форма любви. Вам воздается — в миллионнократном размере, — но дело не в этом, вы не стремитесь к этому. Если отдача не происходит, вы не жалуетесь. Если происходит — вы удивляетесь! Если есть отдача, это невероятно. Если нет — нет проблем: вы не отдавали свое сердце, заключая сделку. Вы просто изливаете свою любовь, потому что не можете иначе. Вы так много имеете, что, если не начнете делиться, почувствуете себя обремененными. Точно так же как туча, переполненная дождем, должна излиться. В следующий раз после того, как пройдет дождь, прислушайтесь, и вы услышите — когда туча изольется дождем, и земля впитает его — вы услышите, как туча говорит земле: «Спасибо». Земля помогла туче облегчить бремя.

Когда цветок расцветает, он должен отдать свой аромат ветрам. Это естественно! Это не сделка, не бизнес — это естественное природное явление. Цветок полон аромата — что делать? Если цветок постарается удержать аромат в себе, он напряжется и будет страшно мучиться. Самое страшное мучение в жизни — это когда вы не можете самовыразиться, не можете общаться, не можете делиться. Самый бедный человек — это тот, кому нечем делиться, или тот, кому есть чем делиться, но он утратил способность делать это.

Сексуальный человек очень беден. Любящий человек — относительно богаче. Человек сострадания — самый богатый в мире. Для него не существует пределов и ограничений. Он просто живет и дает. Он даже не ждет от вас благодарности. Он делится своей энергией с огромной любовью.

Вот что я называю целительной силой.

Христиане веруют в то, что Христос сотворил много чудес. Я не вижу, чтобы он творил чудеса. Чудом было его сострадание. Если что-то и произошло, то без его участия. Если что-то происходит на высшем плане бытия, оно всегда происходит без каких-либо усилий. Он странствовал, к нему приходило много разных людей. Он был словно огромный резервуар энергии — любой, кто был готов, мог зачерпнуть из него.

Чудеса случались! Он исцелял. Он был одним из величайших целителей, когда-либо известных миру. Будда, Махавира, Кришна — они все были целителями, но на разных уровнях. Да, в жизни Будды вы не найдете ни одного чуда исцеления больного или слепого или оживления мертвого. «Неужели сострадание Иисуса было больше сострадания Будды? — удивитесь вы. — В чем дело? Почему энергия Будды не исцеляла людей?» Вопрос не в том, было ли сострадание Будды больше или меньше, — оно действовало на другом уровне. Вокруг него были другие люди, не такие, как вокруг Иисуса.

Все время происходит одно и то же — почти все время: ко мне приезжает много людей с Запада. Они никогда ничего не спрашивают о своих телах. Они не говорят: «У меня все время болит голова. Ошо, помоги мне, сделай

что-нибудь!» Или: «У меня плохое зрение», или «У меня плохая концентрация внимания», или «У меня ухудшается память» — никогда. Но индусы все время приходят с какими-нибудь физиологическими проблемами. Они много лет страдают от расстройства желудка — «Ошо, сделай что-нибудь!»

Я все время спрашиваю себя: в чем дело? Что случилось с Индией? Почему эти люди приходят ко мне только с какими-нибудь телесными, физиологическими проблемами? Их волнуют только эти проблемы. В бедной, очень бедной стране нет духовных проблем. В богатой стране есть духовные проблемы; в бедной — физиологические.

Времена Будды были для Индии золотым веком. Это было время, когда Индия была на пике своего развития. Это была богатая, невообразимо богатая и процветающая страна. Весь остальной мир был беден, а Индия была богата. Людей, приходящих к Будде, мучили духовные вопросы. Да, они приходили с ранами, но с духовными ранами.

Иисус странствовал по очень бедной стране, жил в очень бедной стране. Приходящих к нему людей не мучили духовные вопросы; на самом деле, чтобы задаваться духовными вопросами, надо достичь определенного уровня жизни. Иначе все ваши проблемы будут касаться низших уровней. У бедного человека множество таких проблем.

Один мой родственник провел здесь месяц — он медитировал, делал различные практики и в последний день своего пребывания пришел ко мне с вопросом. Я надеялся, что он спросит что-нибудь значительное. Что он спросил? Он сказал, что его сын не зарабатывает много денег. Он прожил здесь целый месяц, целый месяц он слушал меня, и это был единственный вопрос, который пришел ему в голову: у сына плохо идут дела. Он водит такси, но автомобиль, который они приобрели, все время ломается. И родственник просит меня: «Ошо, сделай что-нибудь!»

Я не автомеханик! И я сказал ему: «Продайте этот автомобиль и купите другой». — «Никто его не купит, поэтому, пожалуйста, сделай что-нибудь!»

Когда люди бедны, у них мирские проблемы. Когда люди богаты, у них проблемы более высокого порядка. Только богатая, процветающая страна может быть по-настоящему духовной.

Я не говорю, что бедный человек не может быть духовным, — бедный человек может быть духовным, есть исключения; но бедная страна — не может. Бедная страна в целом думает о деньгах, лекарствах, домах, автомобилях и т. п. И это естественно, это логично!

Иисус странствовал по очень бедной стране. Люди приходили к нему в поисках решения своих насущных проблем. Многим была оказана помощь — Иисус не помогал, но помощь была оказана. Иисус снова и снова повторял: «Вас исцелила ваша вера». Когда у вас есть вера, на вас может излиться сострадание. Когда у вас есть вера, вы открыты состраданию. Будда творил чудеса, но чудеса невидимые. Махавира творил чудеса, но чудеса невидимые. Вы не можете их увидеть — они видимы лишь тому, с кем они случились.

Однако сострадание всегда лечит: какого бы уровня ни были ваши проблемы, оно помогает вам. Сострадание — это очищенная любовь, это настолько чистая любовь, что вы просто даете и ничего не требуете взамен.

Будда говорил своим ученикам: «Проявляйте сострадание после каждой медитации — немедленно, — ибо во время медитации растет любовь, наполняется сердце. После каждой медитации проявляйте сострадание ко всему миру: делитесь своей любовью и выпускайте свою энергию в атмосферу, чтобы этой энергией могли воспользоваться другие люди».

Я хочу сказать вам то же самое: после каждой медитации, когда вы празднуете, проявляйте сострадание. Почувствуйте, что ваша энергия должна выйти и помочь людям во всем, в чем бы они ни нуждались. Просто выпускайте ее! Вы почувствуете облегчение и расслабление, тишину и покой, а ваши вибрации многим помогут. Всегда завершайте медитацию состраданием.

Сострадание ничем не обусловлено. Вы не можете испытывать сострадание только к тем, кто хорошо к вам относится, или только к тем, с кем вас связывают родственные узы.

Это случилось в Китае. Когда Бодхидхарма появился в Китае, к нему пришел один человек и сказал: «Я следовал твоим учениям: я медитировал и после этого испытывал сострадание ко всей вселенной — не только к людям, но и к животным, к камням и рекам. Но есть одна проблема: я не могу почувствовать сострадания к своему соседу. Это невозможно!

Пожалуйста, скажи мне: могу ли я исключить соседа из сострадания? Я охватываю своим состраданием все существование, все известное и неизвестное, но можно ли мне не распространять его на соседа? Потому что это очень трудно, просто невозможно. Я не чувствую к нему никакого сострадания».

Бодхидхарма ответил: «Тогда забудь о медитации, если сострадание на кого-то не распространяется, тогда это не сострадание».

Сострадание по самой своей сути всеобъемлюще. Поэтому, если вы не можете почувствовать сострадания к соседу, это не сострадание — сострадание не зависит от отдельно взятого человека. Оно зависит от вашего внутреннего состояния. *Будьте* сострадательными — безоговорочно, ненаправленно и неадресно. Тогда вы станете целительной силой в этом несчастном мире.

Иисус снова и снова повторяет: «Возлюби ближнего своего как самого себя». Он также говорит: «Возлюби врага своего как самого себя». Если вы проанализируете эти два предложения, то обнаружите, что ближний и враг — это практически один и тот же человек! «Возлюби ближнего своего как самого себя» и «Возлюби врага своего как самого себя».

Что он хочет этим сказать?

Он хочет сказать: не ставьте барьеров своему состраданию, своей любви. Любите все сущее как самих себя, в конечном счете, сущее — это ваше «я», отраженное во множестве зеркал. Это вы — оно неотделимо от вас. Ваш сосед — это одна из ваших форм; ваш враг — тоже одна из ваших форм. С

чем бы вы ни встречались, вы встречаетесь с самими собой. Вы можете не узнавать себя, потому что недостаточно бдительны; вы можете быть не в состоянии видеть себя в других, но тогда что-то не так с вашим зрением.

Сострадание исцеляет. Чтобы быть сострадательным, нужно в первую очередь иметь сострадание к себе. Если вы себя не любите, вы никогда не сможете полюбить других. Если вы не добры к себе, вы не сможете быть добрыми к другим. Ваши так называемые святые, которые крайне суровы к себе, лишь притворяются, что добры к другим. Это невозможно, психологически невозможно. Если вы не можете быть добры к себе, как вы можете быть добры к другим?

Как вы относитесь к себе, так и к другим. Это основное, что необходимо уяснить. Если вы ненавидите себя, вы будете ненавидеть других — и вас приучали ненавидеть себя. Никто вам никогда не говорил: «Любите себя!» Сама мысль кажется абсурдной — любить себя? Сама идея не имеет смысла — любить себя? Вы всегда думаете, что, чтобы любить, нужен другой. Но если вы не научитесь этому с собой, вы не сможете практиковать это с другими.

Вам все время говорили, постоянно приучали к тому что вы — ничтожество. Со всех сторон вам твердили, что вы никчемные люди, что вы не такие, какими вам следовало бы быть, что вас не принимают такими, какие вы есть. Над вами нависали гроздя предъявляемых вам требований, многие из которых были почти невыполнимыми. И когда вы не могли их выполнить, когда вы им не соответствовали, вы осуждали себя и начинали ненавидеть.

Как вы можете любить других? Переполняемые ненавистью, где вы отыщете в себе любовь? Поэтому вы только притворяетесь, только демонстрируете, что вы любите. Глубоко внутри вы никого не любите — и не можете любить. Притворство действует несколько дней, затем краски его тускнеют, и сквозь него проступает реальность.

Всем любовным отношениям грозят подводные рифы. Рано или поздно отношения разбиваются. Как так получается? Два человека притворяются, что любят друг друга, оба постоянно говорят о своей любви. Отец говорит, что он любит своего ребенка; ребенок говорит, что он любит своего отца. Мать говорит, что она любит свою дочь; дочь говорит, что она любит свою мать. Братья говорят, что они любят друг друга. Весь мир говорит и поет о любви — но едва ли есть еще одно место во вселенной, где так не хватает любви. В нашем мире нет ни грамма любви — только горы разговоров, Гималаи стихов о любви.

Все это стихи похожи на компенсацию. Мы не способны любить, поэтому посредством стихов и песен пытаемся убедить себя, что любим. В стихах мы выражаем то, чего нам не хватает в жизни. Все, чего нам недостает, находит свое воплощение в фильмах и романах. В этом мире любовь совершенно отсутствует, потому что мы еще не сделали первого шага.

Первый шаг — это принять себя такими, какие вы есть, отбросив все предписания. Не носите в своем сердце никаких предписаний! Вы не должны

становиться кем-то еще, вы не должны делать то, что вам не свойственно, — вы должны быть просто самими собой. Расслабьтесь и просто будьте собой. Уважайте свою индивидуальность и не бойтесь подписываться своим собственным именем. Не подделывайте «чужие подписи».

Вы не должны становиться Иисусом, Буддой или Рамакришной — вы должны быть просто самими собой. Хорошо, что Рамакришна никогда не пытался стать кем-то другим, поэтому он стал Рамакришной. Хорошо, что Иисус никогда не пытался стать Авраамом или Моисеем, поэтому он стал Иисусом. Хорошо, что Будда никогда не пытался стать Патанджали или Кришной, поэтому он стал Буддой.

Когда вы не пытаетесь стать кем-то другим, вы расслабляетесь — и тогда на вас нисходит благодать. Тогда вы становитесь полны величия и гармонии, потому что больше нет конфликта, борьбы, больше никуда не надо идти, больше не нужно себя принуждать. Вы становитесь невинны. В этом состоянии невинности вы чувствуете к себе сострадание и любовь. Вы настолько довольны собой, что, даже если сам Господь Бог постучит в вашу дверь и спросит: «Не хотел бы ты стать кем-нибудь другим?» — вы ответите: «Ты что, с ума сошел? Я — само совершенство! Спасибо, но больше таких вопросов не задавай — я совершенен такой, какой я есть».

Как только вы скажете существу: «Я совершенен такой, как я есть; я доволен собою таким, какой я есть», — возникнет то, что на Востоке мы называем *шраддха*, доверие. Это значит, что вы приняли себя, и, приняв себя, вы приняли сущее.

Отрицая себя, вы отрицаете существование, которое вас сотворило. Когда вы говорите: «Я должен быть таким-то и таким-то», вы пытаетесь усовершенствовать сущее. Вы говорите: «Ты совершило грубую ошибку — я должен был бы быть таким, а ты меня сделало вот таким». Вы пытаетесь улучшить сущее. Это невозможно. Ваша борьба бесполезна — вы обречены на поражение. Чем больше вы терпите неудачу, тем больше осуждаете себя. Чем больше вы терпите неудачу, тем больше вы чувствуете себя бессильным. Как из этой ненависти и бессилия может возникнуть сострадание? Сострадание возникает, когда вы полностью уверены в своем «я». Вы говорите: «Да, я такой». У вас нет идеала, который вы хотели бы реализовать. И сразу же начинается реализация!

Цветущие розы прекрасны, потому что они не пытаются стать лотосами. А цветущие лотосы прекрасны, потому что они не слышали никаких легенд о других цветах. Всё в природе прекрасно само по себе, потому что никто ни с кем не соревнуется, никто не пытается стать кем-то или чем-то другим. Всё так, как есть.

Вникните в суть! Просто будьте собой и помните: что бы вы ни делали, вы не можете быть никем другим. Все попытки — напрасны. Вы должны быть самими собой.

Есть только два варианта. Вы остаетесь прежними, отвергая себя и осуждая. Или вы остаетесь собой, принимая, покоряясь и наслаждаясь. Может измениться ваше отношение, но вы останетесь такими, какие вы есть.

С принятием возникает сострадание. И тогда вы начинаете принимать других!

Вы когда-нибудь задумывались, почему так тяжело жить с праведником? Можно легко жить с грешником, но не с праведником, потому что праведник будет постоянно осуждать вас: жестами, выражением глаз, своей манерой смотреть на вас и разговаривать с вами. Праведник никогда не разговаривает с вами — он выговаривает вам. Он никогда не смотрит на вас просто так, он всегда смотрит сквозь призму своих идеалов. Он никогда не видит *вас*. Он всегда сопоставляет вас со своими мысленными образами — и вы, разумеется, им не соответствуете. Один его вид делает из вас грешника! Очень трудно жить с праведником, потому что он не принимает самого себя — как же он может принять вас? У него самого масса недостатков, которые он желает преодолеть. Конечно же, он видит эти же недостатки и в вас, но в преувеличенном виде.

Но для меня только тот является истинным святым кто принял себя и благодаря этому принял весь мир. Для меня именно такое состояние ума является святостью: состояние полного принятия. И оно способно лечить и исцелять. Нахождение рядом с тем, кто полностью вас принимает, целительно само по себе. Вы чувствуете себя исцеленными.

Так что живите не спеша, осознанно, наблюдая и любя. Если вы сексуальны, я не говорю, что вы должны избавиться от секса, просто сделайте его более осозанным, молитвенным, глубоким, чтобы он смог перерасти в любовь. Если вы любите, то привнесите в свою любовь больше благодарности, глубокой признательности, радости, праздника, медитации, чтобы она смогла стать состраданием.

Пока вы не проникнетесь состраданием, не думайте, что вы правильно живете или что вы вообще живете. Сострадание — это цветение. Когда сострадание приходит к одному человеку, исцеляются миллионы. Исцеляются все, кто рядом.

Безусловная свобода от оценки: сострадание дзен

Однажды вечером, когда Шичири Коджун читал сутры, к нему в дом вошел вор с острым мечом в руках. — Жизнь или деньги, — потребовал он.

— Не мешай мне. Ты найдешь деньги вон в том ящике, — сказал ему Шичири и вернулся к чтению. Немного погодя он остановился и сказал: — Не забирай все деньги. Оставь мне немного на уплату налогов. Вор взял большую часть денег и направился к двери.

— Поблагодари человека, когда получаешь от него подарок, — добавил Шичири. Вор поблагодарил его и скрылся.

Спустя несколько дней беднягу поймали, и он среди прочего признался в ограблении Шичири. Когда Шичири вызвали в суд как свидетеля, он сказал.

— Этот человек не вор. По крайней мере меня он не ограбил. Я дал ему немного денег, и он поблагодарил меня за это.

После завершения срока тюремного заключения бывший вор пришел к Шичири и стал его учеником

Иисус сказал: «*Не судите*». Если бы он на этом и остановился, это был бы абсолютный дзен. Но, наверно, из-за того, что он разговаривал с евреями и должен был говорить на понятном им языке, он добавил, «...и не судимы будете». Теперь это не дзен. Это сделка. Это дополнение разрушило весь смысл, всю глубину фразы.

«*Не судите*» — этого вполне достаточно, больше ничего не надо добавлять. «Не судите» означает «не осуждайте». «Не судите» означает «смотрите на жизнь, не оценивая ее». Не оценивайте — не говорите: «Это хорошо, а это плохо». Не будьте моралистами — не разделяйте все на добро и зло. «Не судите» — это величайшее утверждение, что нет ни Бога, ни дьявола.

Если бы Иисус на этом остановился, эта небольшая фраза — всего два слова: «Не судите» — преобразила бы весь характер христианства. Но он добавил еще несколько слов и все испортил. Он сказал: «...и не судимы будете». Теперь выдвинуто условие. Теперь это не неосуждающий подход к жизни, а простая сделка — «...и не судимы будете». Это бизнес.

Не судите из страха, что вас осудят. Но как можно избавиться от осуждения при помощи страха или жадности? Чтобы вас не осуждали, сами не осуждайте — но жадность и страх не освободят вас от оценки. Это эгоцентризм — «не судите, и не судимы будете». Это эгоизм. Разрушена вся красота высказывания. Из него исчезает весь дзен, и оно становится обыкновенным. Оно становится хорошим советом. В нем нет ничего революционного — просто родительский совет. Это очень хороший совет, но в нем нет ничего радикального. Вторая часть предложения — это распятие радикального утверждения.

Дзен — останавливается на «не судите». Потому что дзен говорит, что все есть так, как и должно быть, — нет ни добра, ни зла. Мир таков, каков есть. Одно дерево высокое, другое низкое. Один человек добродетелен, другой — нет. Один молится, другой ворует. Такова жизнь. Теперь прочувствуйте всю революционность этого подхода! Она вас испугает. Вот почему в дзен нет заповедей. Он не говорит: «Делайте это и не делайте то», — в нем нет «следует» и «не следует». Он не возвел тюрьму из различных наставлений.

Дзен — не на стороне перфекционизма. Теперь психоанализу хорошо известно, что перфекционизм — это один из видов невроза. Дзен — единственная не-невротическая религия. Он *принимает*. Его принятие настолько тотально, что он даже не назовет вора вором, а убийцу убийцей. Постарайтесь увидеть всю чистоту его духа — его трансцендентность. Все таково, каким и должно быть.

Дзен безусловно свободен от оценки — если вы ставите условие, то упускаете всю суть. В дзен нет ни страха, ни жадности. В дзен нет ни Бога, ни дьявола, ни рая, ни ада. Он не делает людей жадными, заманивая и обещая им награды на небесах. И он не запугивает людей кошмарными образами ада.

Он не покупает вас наградами и не наказывает пытками. Он просто дает вам откровение, позволяющее глубоко проникать в сущность вещей, и это вас освобождает. В основе этого откровения нет ни жадности, ни страха. Все остальные религии основаны на жадности и страхе. Вот почему мы называем религиозных людей «богобоязненными» — религиозный человек боится Бога.

Но разве страх может быть религиозным чувством? Это невозможно. Страх никогда не может быть религиозным — только бесстрашие. Но если у вас есть понятие добра и зла, вы никогда не сможете быть бесстрашными. Понятие добра и зла внушает людям чувство вины, заставляет их чувствовать себя неполноценными и парализованными. Как вы можете помочь им освободиться от страха? Никак. Вы внушаете им еще больший страх.

Обычно нерелигиозный человек боится меньше, в нем меньше страха, чем в так называемом религиозном человеке, который постоянно дрожит и беспокоится, добьется он своего или нет. Отправят ли его в ад? Или он сможет сделать невозможное и попасть в рай?

Даже когда Иисус прощается со своими друзьями и учениками, учеников больше всего волнует, какие места они займут в раю. В следующий раз они встретятся в раю — какие места они будут там занимать? Кем они будут? Они, конечно же, признают, что Иисус будет по правую руку от Бога. А кто будет рядом с ним? Их обеспокоенность возникает из жадности и страха. Их не особенно тревожит, что завтра Иисуса распнут на кресте, их больше волнуют свои перспективы.

Все остальные религии также основываются на элементарной жадности и страхе. Жадность к деньгам в один прекрасный день превращается в жадность к Богу. Раньше деньги были вашим Богом, теперь Бог — ваши деньги. Вот и вся разница. Бог становится вашими деньгами. Раньше вы боялись государства, полиции и т. п. — теперь вы боитесь ада, Страшного суда и последнего судного дня.

Так называемые христианские святые даже в последнюю минуту своей жизни дрожат от страха — попадут они в рай или в ад?

Дзен безусловно свободен от оценки. Глубоко вникните в это, потому что это — и моя позиция. Я хочу, чтобы вы просто поняли это. Понимания будет вполне достаточно. Пусть понимание будет вашим единственным законом. Не действуйте из страха, иначе вы будете жить в темноте. Не действуйте из жадности, так как жадность — это обратная сторона страха. Это две стороны одной медали: одна — жадность, другая — страх. Человек, который боится, всегда жаден; жадный человек всегда боится. Страх и жадность всегда идут рука об руку.

Только понимание, осознание и способность видеть вещи такими, какие они есть... Вы не можете принимать сущее таким, какое оно есть? Не принимая его, вы ничего не меняете? Что изменилось? Больше тысячи лет мы много чего отвергали — оно все еще здесь, его стало даже больше. Воры не исчезли. Не исчезли и убийцы. Ничего не изменилось, все осталось таким, как прежде. Количество тюрем увеличивается. Растет и количество законов,

и они становятся все более и более запутанными. Из-за этих запутанных законов появляется все больше воров, адвокатов и судей... Это ничего не меняет. Тюрьмы не принесли никакой пользы — только вред. Они стали университетами правонарушений, в которых мастера своего дела обучают всевозможным видам преступлений.

Как только человек попадает в тюрьму, он становится ее постоянным клиентом. Стоит ему один раз отсидеть срок в тюрьме, и он будет возвращаться туда снова и снова. Очень редко можно встретить человека, который только один раз побывал в тюрьме. Он выходит на волю более опытным, с новыми идеями — теперь он знает, как делать то же самое, но эффективнее. После тюрьмы он уже не дилетант, а квалифицированный специалист по преступлениям. Теперь он больше знает, знает, как эффективнее совершать преступления. Он знает, как улизнуть от полиции. Он знает все лазейки в законодательстве.

Законодатели суть точно такие же преступники — на самом деле они должны быть даже более опытными преступниками. Они имеют дело с преступниками, поэтому должны быть в этом лучше подкованы. Полицейские и тюремные надзиратели — еще большие преступники чем те, кого они заключают в тюрьмы.

Ничто не меняется. Так невозможно изменить мир этот способ потерпел полное фиаско.

Дзен говорит, что изменение приходит через понимание, а не через принуждение.

Что собой представляют ваши ад и рай? То же самое но перенесенное за пределы жизни. Идея тюрьмы становится идеей ада. Идея награды — правительственных наград, президентских наград, золотых медалей и т. п. — в потустороннем становится небесами, парадизом, *фирдаус*. Но психология остается прежней.

Дзен в корне пресекает эту психологию. Дзен ничего не осуждает. В нем есть только понимание: поймите мир таким, какой он есть. Постарайтесь понять человека таким, какой он есть, — не навязывайте ему никакого идеала, не говорите, каким ему следует быть.

Как только вы говорите, каким человеку следует быть, вы тут же перестаете видеть, каков он есть в действительности. «Следует» становится помехой. Вы не видите реальности, не видите того, что есть, — ваше «следует» загораживает от вас действительность. У вас есть идеал, некий совершенный образ, и никто, естественно ему не соответствует. И вы всех осуждаете.

Те эгоисты, которым как-то удается втиснуться в рамки своих идеалов — по крайней мере, поверхностно, чисто внешне, — становятся великими святыми. Но они на самом деле эгоисты. Если вы посмотрите им в глаза, то увидите только одно: «Мы лучше вас» Они — немногие избранные, избранные Богом, и их миссия — осуждать вас и преображать.

Дзен не заинтересован в вашем преображении. И тем не менее он преображает — вот в чем парадокс. Его не волнует, какими вам следует быть,

его волнует, кто вы есть. Вникните в это с любовью и вниманием, вникните в это. Постарайтесь понять, что это такое, и из этого понимания произойдет трансформация. Трансформация — естественное явление, не нужно ее совершать, она происходит сама по себе.

Дзен трансформирует, но не говорит о трансформации. Он изменяет, но его не заботит изменение. Он наделяет человека огромной красотой, но совсем в этом не заинтересован. Это происходит как дар, как благодать. Это следует за пониманием. В этом красота дзен: он безусловно свободен от оценки. Согласно дзен оценка — это болезнь ума. Нет ни добра, ни зла — мир такой, какой есть. Все так, как и должно быть.

В дзен открывается совершенно новое измерение — измерение трансформации без усилий. Измерение трансформации, которая происходит естественным образом в результате прояснения внутреннего зрения, в результате прямого проникновения в суть вещей, без помех предрассудков.

Как только вы говорите: «Это хороший человек», вы тут же перестаете на него смотреть. Вы навесили на него ярлык, обозначили, отнесли к определенной категории. Как только вы говорите: «Это плохой человек», вы больше не можете смотреть ему в глаза. Вы его раскусили и покончили с ним. Он больше для вас не тайна. Вы разгадали его тайну и навесили ярлык «плохой» или «хороший». Теперь вы будете взаимодействовать с этими ярлыками, а не с реальными людьми.

Хороший человек может стать плохим, плохой — хорошим. Это происходит ежеминутно — утром человек очень хороший, к вечеру он становится плохим, ночью он снова хороший. Но теперь вы ведете себя с ним в соответствии с ярлыком. Вы разговариваете не с ним, а со своим собственным ярлыком, своим собственным образом.

Разумеется, вы перестаете видеть реальность, реальных людей. Это приводит к множеству трудностей и проблем, неразрешимых проблем. Вы действительно разговариваете со своей женой? Когда вы в постели со своей женой, вы на самом деле со своей женой или с неким образом? Я думаю, что, когда встречаются два человека, в действительности встречаются две толпы. По крайней мере четыре человека. Там непременно присутствует ваш образ другого и его образ вас — два образа. И они никогда не совпадают — реальный человек постоянно меняется. Реальный человек — это река, которая постоянно меняет свой цвет. Реальный человек — живой! Если вы повесили на него ярлык, это не значит, что он умер, — он все еще жив.

Однажды Чжуан-цзы спросили: «Закончена ли твоя работа?» «Как же она может быть закончена? Ведь я все еще жив!» — ответил он.

Вникните в это: он говорит: «Как же она может быть закончена? Я все еще жив. Она может быть закончена только в тот день, когда я умру. Я все еще теку, работа все еще происходит».

Если дерево живо, на нем появятся новые цветы, новые листья, прилетят новые птицы и сошьют на нем гнезда, придут новые странники и переночуют под ним... все меняется. Все возможно, когда вы живы. Но как только вы называете человека хорошим или плохим, моральным или аморальным,

религиозным или нерелигиозным, теистом или атеистом и т. п., — вы начинаете относиться к нему как к мертвому. Можно написать некролог на могиле, но не раньше. Вы можете прийти на могилу и написать: «Этот человек был таким-то». Теперь он не возразит вам; его жизнь закончилось пришла к своему завершению. Река больше не течет.

Но пока человек жив... А мы все продолжаем навешивать ярлыки на людей — даже па детей, на маленьких детей. Мы говорим: «Этот ребенок послушный, а тот — непослушный. Этот ребенок доставляет радость, а тот —

одни проблемы». Помните, что такое навешивание ярлыков создает много проблем. Во-первых, вы побуждаете человека вести себя в соответствии с вашим ярлыком — он начинает чувствовать, что теперь обязан доказать, что вы правы. Если отец говорит: «Мой ребенок доставляет нам массу проблем» — ребенок думает: «Я должен доказать, что я доставляю массу проблем, иначе мой отец окажется неправ». Это подсознательный процесс: ребенок не в силах поверить, что его отец может быть неправ. Поэтому он продолжает создавать еще больше проблем, и отец говорит: «Видите — не ребенок, а ходячая проблема».

Как-то разговаривали три женщины и, как у них это водится, хвастались своими детьми. Одна говорит:

— Моего ребенку всего пять лет, а он уже пишет стихи. И эти стихи настолько прекрасны, что способны утереть нос даже состоявшимся поэтам.

— Это что, — говорит вторая. — Моему ребенку всего четыре, а он рисует такие ультрасовременные картины, что даже Пикассо не смог бы разобрать что к чему. Ему даже кисть не нужна — он рисует руками. Иногда он просто брызгает краской на холст, и из ничего возникает нечто прекрасное. Мой ребенок — импрессионист, очень оригинальный художник.

— Это что, — говорит третья. — Моему ребенку всего три года, а он сам ходит к психоаналитику.

Если вы навесите на ребенка ярлык, вы сведете его с ума... вы уничтожите его. Все ярлыки имеют разрушительную силу. Никогда не называйте человека грешником или праведником. Когда слишком много людей используют один ярлык для человека... Люди ведь имеют склонность думать коллективно, у них нет своих собственных оригинальных идей. Прошла молва, что один человек — грешник, и вы принимаете это на веру, Затем вы передаете этот слух еще кому-нибудь, и он тоже верит. Так молва продолжает расти, и ярлык становится все больше и больше. И в один прекрасный день на этом человеке появляется такой огромный ярлык: «Грешник», написанный гигантскими неоновыми буквами, что он сам его видит и начинает вести себя соответствующим образом. Все общество ожидает от него именно такого поведения, иначе оно придет в негодование: «Что ты делаешь? Ты — грешник, а пытаешься быть праведником! Веди себя как следует!»

Вот как воздействует общество на человека посредством ярлыка: «Веди себя как следует! Не делай ничего такого, что будет противоречить нашему

мнению о тебе» Это воздействие не выражается словами, но вполне ощутимо.

Во-вторых, когда вы навешиваете на человека ярлык, как бы он ни старался вести себя в соответствии с ним, у него ничего не получается. Он не может добиться полного соответствия, это невозможно. Он не может это сделать — остается только притворяться. И тогда, когда он не притворяется, когда он расслаблен — в отпуске или на пикнике, — о себе дает знать его реальность. Тогда вы считаете себя обманутыми; этот человек — обманщик. Вы думали, что он хороший, а он у вас украл деньги. Многие годы вы были уверены, что он хороший, что он святой, а сегодня он вдруг украл у вас деньги!

Вы думаете, что он обманул вас? Нет, это ваш ярлык обманул вас. Он действовал в соответствии со своей реальностью. Довольно долго он старательно вписывался в ваши рамки, но однажды он все-таки вышел за их пределы. Человек должен делать то, что хочет.

Никто не обязан оправдывать ваши ожидания. Только трусы стараются оправдать ожидания других. Настоящий человек действует вопреки ожиданиям, потому что он пришел в этот мир не для того, чтобы стать рабом чьих-то идей. Он будет отстаивать свою свободу. Он будет непоследовательным — в этом и заключается свобода. Сегодня он будет делать одно, завтра — совершенно противоположное, чтобы вы не смогли составить о нем определенного мнения. Настоящий человек непоследователен. Только фальшивые люди последовательны. Настоящий человек противоречив. Он совершенно свободен. Он настолько свободен, что может позволить себе сегодня быть одним, а завтра совершенно другим. Это его выбор: если он хочет быть левым, он будет левым, если захочет быть правым, будет правым. Для него не существует преград. Если он захочет погрузиться в себя, он погрузится в себя, если захочет пообщаться с другими, он будет общаться. Он свободен. Он может быть то интровертом, то экстравертом — кем угодно. Он волен сам выбирать, что ему делать в каждый момент своей жизни.

Но мы навязываем людям стереотип, что они должны быть последовательными. Последовательность — в большой цене. Мы говорим: «Этот человек такой последовательный. Это замечательный человек — он такой последовательный». Но что вы имеете в виду под «последовательностью»? Последовательность означает, что человек мертв, что он больше не живет. Он умер, как только стал последовательным, и с тех пор он не живет.

Что вы имеете в виду, когда говорите: «У меня верный муж»? Он перестал любить, перестал жить — теперь его не привлекают другие женщины. Если его не привлекают другие женщины, как вы можете его привлекать, — вы же тоже женщина? На самом деле он притворяется. Если мужчина все еще живет и любит, то, когда он видит красивую женщину, он чувствует к ней влечение. Когда женщина полна жизни и энергии и видит красивого мужчину, как она может не почувствовать к нему влечения? Это так

естественно! Это не значит, что она должна пойти с ним, но испытывать влечение — это вполне естественно. Она может решить не идти с ним, но отрицать влечение — значит отрицать саму жизнь.

Дзен говорит: оставайтесь верными своей свободе. Тогда в вас пробуждается совершенно другая сущность — неожиданная и непредсказуемая. Религиозная, но не моральная. Не аморальная, а превзошедшая мораль, сверхморальная.

Это новое измерение, которое дзен открывает в жизни. Это совершенно особая реальность, абсолютно независимая от той, в которой вы жили. У нее есть новое качество: бесхарактерность.

Иногда это слово звучит оскорбительно, потому что мы слишком долго любили слово «характер». Мы говорим: «Это человек с характером». Но замечали ли вы, что человек с характером мертв? Человека с характером можно подвести под определенную категорию, человек с характером предсказуем. У человека с характером нет будущего, только прошлое.

Поймите: у человека с характером есть только прошлое. Поскольку характер означает *прошлое*. Он продолжает повторять свое прошлое, он как заевшая пластинка. Он продолжает твердить одно и то же. Он не способен сказать ничего нового. Он не способен жить по-новому, не способен быть по-новому. И мы называем такого человека человеком с характером. Мы можем па него положиться, можем ему доверять. Он не нарушит свои обещания — это правда. Он очень полезен, общественно полезен, но он мертв; он — машина.

У машин есть характер, на них можно положиться. Именно поэтому мы постепенно стараемся избавиться от людей и заменить их машинами. Машины более предсказуемы, у них сильнее характер — на них можно положиться.

Лошадь не так надежна, как автомобиль. У лошади есть своя индивидуальность: сегодня она не в настроении, завтра она не хочет идти туда, куда вам нужно, послезавтра в ней просыпается бунтарский дух. Иногда она вообще не может сдвинуться с места. У нее есть душа — на нее нельзя положиться. Но у автомобиля нет души. Он просто собран из различных деталей, в нем нет сердца. Он едет туда, куда вы хотите. Даже если вы хотите, чтобы автомобиль сбросился с обрыва, он сбросится. Лошадь скажет: «Постой! Если хочешь покончить жизнь самоубийством, пожалуйста, но меня в это не впутывай. Хочешь прыгать — прыгай. Но без меня». Автомобиль не сможет сказать «нет» — у него нет души. Он никогда не говорит ни «да» ни «нет».

Иногда даже ум великого математика отказывается работать. Но компьютер работает двадцать четыре часа в сутки — день за днем, год за годом — и не ропщет. У машины есть характер, очень надежный характер. Вот к чему мы пришли. Вначале мы попытались превратить человека в машину, но не добились в этом стопроцентного успеха, поэтому начали изобретать машины, чтобы они смогли заменить человека. Рано или поздно

на замену людям везде придут машины. Машины будут работать гораздо лучше, гораздо эффективнее, надежнее и быстрее.

У человека меняется настроение, потому что у него есть душа. Поскольку у человека есть душа, он может быть настоящим только тогда, когда у него нет характера. Что я имею в виду под «бесхарактерностью»? Я имею в виду, что человек избавляется от своего прошлого. Он не живет в соответствии со своим прошлым — поэтому он непредсказуем. Он живет в моменте, он живет в настоящем. Он смотрит вокруг и живет; он видит, что происходит вокруг, и живет; он чувствует то, что его окружает, и живет. У него нет четких представлений о том, как надо жить; у него есть только осознанность. Его жизнь подобна постоянному потоку. У него есть спонтанность — вот что я имею в виду, когда говорю, что настоящий человек является бесхарактерным. Настоящий человек живет спонтанно.

Он чуткий и отзывчивый. Если вы что-нибудь ему говорите, он действительно отвечает, он не повторяет какое-нибудь клише. Он отвечает вам на *данный* вопрос — отвечает *данному* моменту, *данной* ситуации. Он не отвечает какой-нибудь другой, прожитой ситуации. Он отвечает вам, он настраивается на вас. Он не реагирует, он отвечает. Реакция происходит из прошлого.

Однажды мастер дзен спросил: «В чем секрет Будды? Что он хотел сказать Махакашьяпе, когда подарил ему цветок? Почему он сказал: „Я даю Махакашьяпе то, что не смог дать другим, потому что другие понимают только слова, Махакашьяпа способен понимать безмолвие“?»

В тот день Будда пришел с цветком лотоса в руке. Ученики смотрели-смотрели на него и стали беспокоиться, их беспокойство с каждой минутой все нарастало. Будда молчал и смотрел на лотос... как будто он совершенно забыл о собрании. Шли минуты, прошел час, ученики начали ерзать. И тогда Махакашьяпа начал смеяться. Будда позвал его, подарил ему цветок и сказал: «То, что я могу передать посредством слов, я дал другим. Тебе же, Махакашьяпа, я даю то, что не могу передать посредством слов. Храни это до тех пор, пока не найдешь человека, способного понимать без слов».

Мастер дзен спросил своих учеников: «В чем секрет? Что через лотос передал Будда Махакашьяпе? Что понял Махакашьяпа, когда засмеялся? Что произошло в тот момент?» Один ученик встал, станцевал и выбежал вон. «Правильно, — сказал мастер. — Именно это».

Однако ночью другой мастер этого же монастыря пришел к нему и сказал: —Тебе не следовало так быстро соглашаться с ответом. Боюсь, что это было преждевременное согласие.

Тогда наш мастер снова пошел к ученику, который станцевал и которому он сказал: «Да, именно это». Он пришел и задал тот же вопрос:

—Что через лотос передал Будда Махакашьяпе? Что понял Махакашьяпа, когда засмеялся?

Юноша начал танцевать. Тогда мастер со всей силы ударил его!

—Неправильно, абсолютно неправильно.

—Но утром вы сказали, что это правильно, — удивился ученик.

—Да, — сказал мастер, — утром это было правильно, а ночью неправильно. Ты механически повторил то же самое. Утром я думал, что это ответ, а теперь вижу, что это была реакция.

Ответ, если это действительно ответ, должен меняться каждый раз, когда задают вопрос. Только вопрос может остаться прежним. Утром, когда мастер задал вопрос, вставало солнце, пели птички, и проходило собрание... тысяча монахов сидели в медитации — это был совершенно другой мир. Да, вопрос остался прежним, вернее, его словесная формулировка осталась прежней. Но все остальное изменилось, изменилась ситуация. Ночью все совсем иначе: мастер наедине с учеником в его келье, солнце не встает, птички не поют, вокруг никого нет. Мастер изменился. За эти несколько часов много воды утекло в реке, она уже течет по новым пастбищам, по новым территориям. Вопрос только *кажется* прежним. Но ученик заикнулся. Он подумал: «Я знаю ответ».

Нет, в реальной жизни никто не знает ответа. В реальной жизни надо быть чуткими. В реальной жизни невозможно иметь готовые ответы, клише. В реальной жизни надо быть открытыми. Ученик этого не понял.

Бесхарактерный человек — это человек, у которого нет ответов, нет философии, нет особых представлений о том, как надо жить. Какой бы ни была жизнь, он открыт. Он точно зеркало — он отражает.

Вы обращали внимание? Когда вы подходите к зеркалу с сердитым лицом, оно отражает ваше сердитое лицо; если вы смеетесь, зеркало отражает ваше смеющееся лицо. Если вы стары, зеркало отражает ваш почтенный возраст, если молоды — вашу молодость. Вы не можете сказать зеркалу: «Вчера ты отражало меня смеющимся, а сегодня сердитым и грустным? Что это значит? Ты непоследовательно. Ты бесхарактерно! Я тебя выброшу вон из дома».

У зеркала нет характера. Настоящий человек подобен зеркалу.

Дзен не осуждает, не оценивает, не навязывает характер. Потому что, чтобы навязать характер, необходима оценка — «хороший» или «плохой». Чтобы навязать характер, необходимо создать предписания и заповеди. Чтобы навязать характер, нужно быть Моисеем, но не Бодхидхармой. Чтобы навязать характер, необходимо привить страх и жадность. Иначе вас никто не будет слушать. Нужно быть Б. Ф. Скиннером и обращаться с людьми точно с крысами — дрессировать их, наказывать, награждать, чтобы выработать в них определенные схемы поведения.

Именно это с вами и делали ваши родители, учителя, общество, государство. Дзен говорит: хватит, избавьтесь от схем, будьте самими собой. Это не значит, что дзен оставляет вас в хаосе. Нет, как раз наоборот. Вместо характера и совести для управления характером дзен дает вам сознание.

Необходимо понять и запомнить эту разницу. Все остальные религии дают вам совесть. Дзен дает вам сознание. Совесть означает: «Это хорошо, это плохо. Делай то, не делай это». Сознание означает: «Будь зеркалом — отражай и отвечай». Ответ — это правильно; реакция — неправильно. Быть ответственным не значит следовать определенным правилам, быть ответственным — значит быть способным держать ответ.

Дзен освещает вас изнутри. Никаких наставлений извне, никакого внешнего воспитания; он не снабжает вас оружием или защитным механизмом. Его не волнуют наши внешние проявления, он просто зажигает внутри вас, в самой вашей сердцевине, лампу. Она светит все ярче и ярче, пока однажды не начинает светиться все ваше существо.

Как возник этот дзенский подход? Он возник из медитации. Это кульминация медитативного сознания. Если вы медитируете, то постепенно начинаете замечать, что все хорошо, все так, как и должно быть. Возникает *татхата*, таковость. Тогда, видя вора, вы не будете думать, что ему нужно трансформироваться, — вы просто ответите. Вы не будете думать, что он плохой. А когда вы не считаете человека плохим, вы даете ему шанс на трансформацию. Вы принимаете человека таким, каков он есть. И через принятие происходит трансформация.

Вы замечали это в своей жизни? Как только кто-то полностью, безоговорочно вас принимает, вы начинаете меняться. Его принятие придает вам отваги... Вы замечали, что, когда вас любят таким, какой вы есть, что-то немедленно начинает меняться? Само осознание, что вас любят таким, какой вы есть, — без каких-либо ожиданий — пробуждает вашу душу, делает вас целостными и уверенными в себе, наполняет доверием. Это заставляет почувствовать, что вы *есть*, что вы можете БЫТЬ, что вам не нужно оправдывать чьи-либо ожидания, что вашу истинную сущность признают и уважают.

Даже если на свете есть хотя бы один человек, который вас глубоко уважает, — все суждения являются неуважением, — принимает вас таким, какой вы есть, который ничего от вас не требует, который говорит: «Будь таким, какой ты есть, своим подлинным „я“. Я люблю тебя. Я люблю тебя, а не то, что ты делаешь. Я люблю тебя таким, какой ты есть в самом себе, в своей сокровенной сущности; меня не волнует твой внешний вид и твоя одежда. Я люблю твою сущность, а не то, что ты имеешь. Меня не интересует то, что ты имеешь, меня интересует только одно: то, что ты есть. И ты бесконечно прекрасен...»

Вот что такое любовь. Вот почему любовь так питает. Когда вы находите женщину или мужчину, которые вас любят — без причин, просто так, ради самой любви, — вы преображаетесь. Вы вдруг становитесь другим человеком, таким, каким вы никогда прежде не были. Внезапно исчезает вся печаль, вся скука. Вы вдруг обнаруживаете, что ваша походка стала танцующей, а в сердце зазвучала песня. Вы начинаете иначе двигаться: в ваших движениях появляется грация.

Видите: когда вас любят, самого феномена любви достаточно. Исчезает ваша холодность, вы начинаете согреваться. Ваше сердце больше не безразлично к миру. Вы чаще смотрите на цветы, на небо — небо начинает обретать для вас смысл... А все потому, что женщина или мужчина посмотрел(а) вам в глаза с абсолютным принятием, без каких-либо ожиданий. Но это не длится долго, потому что люди ужасно глупы. Этот медовый месяц рано или поздно — через неделю, две недели, максимум три

недели, — проходит. Рано или поздно у женщины и у мужчины появляются обоюдные требования: «Делай то, не делай это». И вы снова падаете с неба на землю. Снова чувствуете на себе тяжкий груз — любовь исчезла. Теперь женщину больше интересует ваш кошелек. Мужчину больше интересует еда. Вы создаете семью, обустроиваете дом, хлопочете, но ваши сущности больше не настроены друг на друга.

Дзен верит в любовь. Он не верит в правила и предписания. Он верит не во внешнюю дисциплину, а во внутреннюю. Она появляется из любви, из уважения, из доверия. Когда вы медитируете, вы начинаете доверять существу. Видите разницу? Если вы спросите христианина или индуса, он скажет, что доверие — это первое требование. Он скажет: «Доверяйте существованию, тогда вы познаете Бога». В дзен это — не первое требование. Дзен говорит: медитируйте. Из медитации возникает доверие, и доверие делает все существование божественным. Возникает *татхата*, «таковость».

Как можно осуждать, когда вы знаете, что все божественно? Так называемые ведантисты говорят: «Всё есть Брахма», но все равно продолжают осуждать. Они все равно продолжают говорить, что один человек — грешник, а другой — праведник и что праведник попадет в рай, а грешник — в ад. Это абсурд, если все есть Брахма, все есть Бог, как можно быть грешником? Тогда в вас грешит Бог. Как Бог может отправиться в ад?

Дзен говорит: все божественно, все есть Бог. В дзен не используется слово «Бог», потому что другие религии извратили его, осквернили и отравили. Когда вы медитируете, вы постепенно начинаете видеть мир таким, какой он есть, и вы начинаете доверять и уважать его таким, какой он есть, возникает доверие. Это доверие — *татхата*, таковость.

Татхата приводит к видению взаимосвязанности всего сущего. Вся вселенная — это одно целое, одно органичное целое. У них есть специальное слово для этого, они называют это *джиджи маге хоккай*. Вы постигаете, что все сущее едино, что все друг с другом взаимосвязано; что грешники и праведники — части одной сети, они нераздельны; что добро и зло связаны друг с другом, точно так же, как свет и тьма связаны друг с другом, как жизнь и смерть связаны друг с другом.

Все взаимосвязано. Все есть паутина, прекрасный узор.

Послушайте эти слова Беренсона:

«Это было утро раннего лета. Над липами мерцал и колыхался серебристый туман. Воздух был пропитан нежностью. Я помню... что я забрался на пень и внезапно погрузился в *оность*. Я не называл это словом, в том состоянии ума не было слов. Это было даже не чувство. Слова были не нужны. Оно и я были одним целым. Оно было там как благословение».

Татхата означает, что наступил момент, когда вы вдруг видите, что существование — это одно целое, один танец, один оркестр. В нем все нужно — зло нужно точно так же, как и добро. Одного Иисуса недостаточно. Обязательно должен быть Иуда. Без Иуды Иисус будет не так ярок. Уберите Иуду из Библии, и Библия много потеряет. Выкиньте Иуду из Библии, и что будет с Иисусом? Кто такой Иисус? Иуда создает контраст, фон. Он —

темное царство, в котором Иисус — луч света. Без тьмы нет света. Иисус должен быть благодарен Иуде. И не случайно, когда он омывал ноги своим ученикам, первому он омыл ноги Иуде. А когда прощался со всеми, Иуду он обнимал и целовал больше остальных. Иуда был его самым выдающимся учеником.

Теперь все покрыто тайной. Веками в эзотерических кругах ходят слухи, что Иисус сам все спланировал. Гурджиев тоже так полагал. Вполне вероятно, что Иуда просто выполнял указания Иисуса предать и продать его врагам. Это более логично. Потому что, каким бы плохим ни был Иуда, вряд ли он бы стал продавать Иисуса всего за тридцать сребреников. Это уж слишком. Иуда много времени провел с Иисусом, и он был его самым умным учеником. Он был единственным образованным среди всех, единственным, кого можно было бы назвать интеллектуалом, Более того, он был более сведущ, чем сам Иисус. Он был пандитом при Иисусе.

Это уж слишком: продать Иисуса всего за тридцать серебряных монет. Знаете, что произошло на самом деле? Когда Иисуса распяли, Иуда покончил жизнь самоубийством — сразу же, на следующий день. Христиане мало об этом говорят, а стоило бы. Почему он покончил жизнь самоубийством? Его миссия завершена — он должен уйти вместе с учителем. Может ли человек, который продал своего учителя за тридцать сребреников, вдруг переполниться чувством вины и покончить жизнь самоубийством? Маловероятно. С чего ему так переживать? Он просто выполнил распоряжение учителя. Он не мог отказать — это было проявлением его смирения. Он вынужден был согласиться. Учителю не говорят «нет». Все было спланировано. На то есть свои причины: только благодаря распятию на кресте послание Иисуса укоренилось в этом мире. Без распятия не было бы христианства. Вот почему я называю христианство «крестианство»: одного Христа было бы недостаточно, чтобы оно появилось, был необходим крест.

Когда вы видите взаимосвязанность вещей, тогда Иуда тоже становится частью той же игры, что и Иисус. Тогда зло — часть добра. Дьявол — не кто иной, как ангел Бога. И я не называю его падшим ангелом. Возможно, сам Бог послал его выполнять величайшую миссию в мире, возможно, он — ближайший ученик Бога.

Английское слово «devil» (дьявол) одного корня со словом «divine» (божественный), что также указывает на то, что дьявол — божественен.

Сасаки рассказывает:

Когда мой учитель разговаривал со мной об *этом*, он говорил: «Представь себя. Ты думаешь, что ты — отдельное существо, остров. Но это не так. Без твоих отца и матери тебя бы не было. Без их отца и матери их бы не было и тебя бы не было».

И так далее — так можно добраться до безначального начала всех начал. Вы можете продолжать двигаться назад, и вы узнаете все, что произошло в бытии вплоть до настоящего момента, что должно было произойти, чтобы вы появились на свет. Иначе вы бы не появились. Вы взаимосвязаны со всем остальным. Вы просто маленькое звено в бесконечно длинной цепи. Все, что

есть, содержится в вас, все, что было, включено в вас. В данный момент вы — кульминация всего того, что вам предшествовало. В вас существует все прошлое. Но это еще не все. От вас произойдут ваши дети и дети ваших детей и т. д.

В результате ваших действий произойдут другие действия, эти действия дадут другие результаты, эти результаты приведут к последующим действиям. Вы исчезнете, но то, что вы делали, будет продолжаться. Эхо ваших действий будет звучать веками вплоть до самого конца.

Таким образом, вы содержитесь в себе все прошлое, а также все будущее. В этот момент прошлое и будущее встречаются в вас *ad infinitum*² в обоих направлениях. Вы содержитесь в себе зерно, из которого вырастет будущее, в той же мере, в которой вы являетесь плодом прошлого. Вы вмещаете в себя все полноту прошлого и будущего. В данный момент вы — всё. Поскольку в вас содержится целое, целое зависит от вас. Целое пересекает у вас крест-накрест.

Говорят, что, когда вы касаетесь травинки, вы прикасаетесь к звездам. Все содержится во всем, все есть внутри всего остального.

Дзен называет это содержание целого в каждой его части *джиджи маге хоккай*. Это отображено в концепции вселенской сети. В Индии эта сеть называется «сеть Индры». Она представляет собой огромную сеть, простирающуюся на всю вселенную вертикально для обозначения времени и горизонтально для обозначения пространства. В каждой точке пересечения нитей сети находится прозрачная бусина, символизирующая индивидуальное существование. Каждая хрустальная бусина отражает на своей поверхности не только все остальные бусины сети, но и все отражения отражений других бусин в каждой отдельной бусине. Бесчисленные, бесконечные отражения друг друга — все это называется *джиджи маге хоккай*.

Когда Гаутама Будда держал в руке один лотос, он показывал джиджи маге хоккай. Махакашьяпа понял это. Вот что хотел сказать Будда: в этом маленьком лотосе содержится все — все прошлое, все будущее, все измерения. В этом маленьком лотосе цвело все, и в нем было все, чему когда-либо предстоит зацвести. Махакашьяпа засмеялся — он понял сообщение: джиджи маге хоккай. Поэтому цветок был отдан Махакашьяпе как знак передачи сообщения без слов.

Отсюда буддийское сострадание ко всему, благодарность всему и уважение всего — ибо все содержится во всем.

А теперь вернемся к дзенской притче.

Однажды вечером, когда Шичири Коджун читал сутры, к нему в дом вошел вор с острым мечом в руках.

— Жизнь или деньги, — потребовал он.

— Не мешай мне. Ты найдешь деньги вон в том ящике, — сказал ему Шичири и вернулся к чтению.

² *Ad infinitum* (лат.) — до бесконечности.

Ни суждения, ни осуждения. Просто принятие — как будто в дом проник ветерок, а не вор. Даже выражение глаз не изменилось — будто вошел друг, а не вор. Его отношение не изменилось. Он говорит: «Не мешай мне. Ты найдешь деньги в ящике. Не видишь, я читаю сутры? По крайней мере прояви уважение: не беспокой человека, читающего сутры, из-за такой ерунды, как деньги. Пойди и возьми их сам! Не мешай мне».

Видите: он не против вора из-за того, что тот пришел его ограбить. Он не против вора из-за того, что тот помешан на деньгах, — ничего подобного. Простое принятие: он такой, какой есть. И кто знает? Может, он таким должен быть? Почему я должен его осуждать? Кто я такой? Если он будет любезен и не будет мне мешать, этого достаточно, даже более чем достаточно. Так что просто не мешай мне.

Немного погодя он остановился и сказал:

— Не забирай все деньги. Оставь мне немного на уплату налогов.

Видите, как доброжелательно он себя ведет. Никакой враждебности. Поскольку нет враждебности, нет и страха. Поскольку нет осуждения, есть глубокое уважение. Он доверяет вору и уверен, что тот уйдет. Когда вы даете что-то от всего сердца, можете быть уверены: даже самый плохой человек проявит, по крайней мере, уважение к вашему уважению. Не сомневайтесь — он проявит уважение. Когда вы доверяете человеку, не судите и не осуждаете его, можете быть уверены, что и он будет вам доверять. Шичири просто сказал: «Не забирай все деньги. Оставь мне немного на уплату налогов».

Вор взял большую часть денег и направился к двери.

— Поблагодари человека, когда получаешь от него подарок, — добавил Шичири.

Видите сострадание Шичири? Он не называет это ограблением, он говорит: «Поблагодари человека, когда получаешь от него подарок». Он все преобразует, у него совершенно иное видение. Он не хочет, чтобы вор мучился чувством вины — его сострадание безгранично. В противном случае вор вскоре почувствовал бы себе виноватым. Он непременно почувствовал бы себя виноватым — он ограбил бедного монаха, живущего на подаяние, у которого и так ничего нет, и, прежде всего, он ограбил человека, который с такой готовностью отдал ему деньги, который принял его, — он почувствовал бы себя виноватым и стал бы сожалеть о содеянном. Вернувшись домой, он не смог бы спокойно заснуть. Возможно, на следующее утро он пришел бы просить прощения.

Нет, это было бы неправильно. Дзен не желает никому внушать чувство вины. В этом суть дзен: это религия без внушения чувства вины. Религия легко основывается на чувстве вины, на этом основаны другие религии. Но если вы внушаете чувство вины, вы создаете нечто гораздо худшее, чем то, что собираетесь исправлять. Дзен всячески старается никому не внушать чувства вины.

Шичири говорит: «Поблагодари человека, когда получаешь от него подарок. Это подарок! Разве не понятно? Я дарю тебе деньги — ты их не крадешь». Вот в чем разница!

Дзен говорит: отдай — это лучше, чем чтобы забрали. И этот принцип распространяется на всю жизнь. Прежде чем придет смерть, отдайте все, что имеете, чтобы смерть не чувствовала себя виноватой. Подарите смерти свою жизнь. Это — самоотречение дзен. Оно совершенно не похоже на индуистское или католическое самоотречение — они отдают, чтобы получить. Дзен отдает, чтобы нигде в мире не возникло чувство вины.

Вор поблагодарил его и скрылся.

Спустя несколько дней беднягу поймали, и он среди прочего признался в ограблении Шичири. Когда Шичири вызвали в суд как свидетеля, он сказал: — Этот человек не вор. По крайней мере меня он не ограбил. Я дал ему немного денег, и он поблагодарил меня за это.

Видите, в чем суть? Какое уважение! Какое безграничное уважение! Какое безусловное уважение к человеку — к вору!

Если бы Шичири был христианским праведником, он бы стал угрожать вору вечными муками в аду. Если бы он был индусским святым, он прочитал бы ему длинную проповедь о неограблении и припугнул бы адским огнем. Он бы нарисовал кошмарную картину ада и прочитал бы проповедь о бесполезности денег.

Смотрите: мастер дзен ничего не говорит о бесполезности денег. Вместо этого он говорит: «Оставь мне немного денег — утром они мне понадобятся». Деньги нужны. Но не нужно заикливаться на деньгах, не нужно выступать ни за, ни против них. Их нужно просто использовать. Это мое отношение к деньгам: деньги необходимо использовать как инструмент.

В мире религии деньги осуждаются — религиозные люди очень боятся денег. Страх — это не что иное, как перевернутая жадность. Жадность к деньгам превратилась в страх. Если вы придете к индусскому святому с деньгами в руке, он закроет глаза и даже не взглянет на деньги. Такой страх денег? Зачем закрывать глаза? Он постоянно говорит, что деньги — это грязь, однако при виде грязи он не закрывает глаза. Это нелогично. На самом деле, если деньги — это грязь, ему следовало бы вообще не открывать глаз, потому что грязь — повсюду. Деньги — грязь? Тогда зачем так бояться грязи? Чего бояться?

В дзен совершенно иной и очень глубокий подход. Мастер не говорит, что деньги — это грязь и что вы не должны охотиться за чужими деньгами. Какое отношение деньги вообще имеют к людям? Деньги никому не принадлежат. Поэтому, если вы говорите кому-то: «Ты — вор», — значит, вы признаете частную собственность. Значит, вы верите, что кто-то имеет право владеть деньгами, а кто-то — нет.

Кража осуждается из-за капиталистического ума, существующего в этом мире; это его особенность. Капиталистический ум утверждает, что деньги принадлежат кому-то — у них есть законный владелец, — поэтому никто не должен их у него забирать.

Но дзен говорит, что ничто никому не принадлежит, что никто не является законным владельцем. Как вы можете владеть этим миром? Вы пришли в этот мир ни с чем и уйдете ни с чем — вы не можете им владеть. Никто им не

владеет — мы используем его. Мы все здесь, чтобы его использовать. Вот что хотел сказать мастер: «Возьми деньги! Но оставь мне немного. Я так же, как и ты, здесь, чтобы использовать их».

Какой практичный, какой прагматичный подход! И совершенно свободный от денег! В суде он говорит: «Этот человек не вор», — он превратил вора в друга. Он говорит: «По крайней мере меня он не ограбил. Я ничего не знаю о других людях — откуда я могу знать? Все, что я знаю, это то, что я дал ему немного денег и он поблагодарил меня за это. Все мы — квиты. Он мне ничего не должен. Он меня поблагодарил за это — что он еще мог сделать?»

Максимум, что мы можем, это благодарить. Мы можем благодарить существование за все, что оно нам дает,— что еще мы можем?

После завершения срока тюремного заключения бывший вор пришел к Шичири и стал его учеником.

Что еще можно делать с таким человеком, как Шичири? Только стать его учеником, Он обратил вора в саньясина. Это алхимия мастера, и он никогда не упускает возможности ее применить. Какой бы ни представлялся случай, он его использует — даже если к мастеру приходит вор, он уходит саньясином.

Войти и контакт с мастером — значит трансформироваться. Вы можете прийти ради совершенно другого, вы можете даже прийти и не к мастеру — вор пришел вовсе не к мастеру. Более того, если бы он знал, что в этой хижине живет мастер, он бы не осмелился войти. Он пришел исключительно ради денег, он случайно наткнулся на мастера. Но даже если вы случайно встречаете будду, в вас произойдут необратимые перемены. Вы больше никогда не будете таким, как раньше.

Многие из вас оказались здесь случайно. Вы не искали меня, вы не стремились ко мне. Волею тысячи одного случая вы прибыли сюда. Но становится все труднее и труднее уехать отсюда.

Мастер никогда не читает проповеди, он никогда не говорит, что надо делать. Бодхидхарма говорит: «Дзену нечего сказать, ему есть что показать». Этот мастер указал вору на путь. Он изменил этого человека и изменил так искусно. Он, наверное, был великим хирургом — он сделал операцию на сердце этого человека... а тот и не пикнул. Мастер его полностью разрушил и создал нового человека. А тот даже и не понял, что произошло. Вот в чем чудо мастера.

Одна дзенская сутра гласит: «Человек понимания не отвергает заблуждение». Когда я прочел ее, мое сердце запело от радости. Повторяйте эту сутру в глубине своего сердца: «Человек понимания не отвергает заблуждение».

А другой мастер, его зовут Охасама, так прокомментировал эту сутру: «Истину не надо искать, ибо она есть повсюду, даже в заблуждении. Следовательно, тот, кто отвергает заблуждение, отвергает истину».

Каков человек! Тот, кто отвергает заблуждение, отвергает истину. Видите красоту этого высказывания? Его революционную, радикальную точку

зрения? Шичири не отвергал человека из-за того, что тот был вором; он не отвергал человека из-за его заблуждения — потому что за заблуждением кроется божественное существование, Бог. Если вы отвергаете заблуждение, вы отвергаете Бога. Если вы отвергаете заблуждение, вы отвергаете истину, стоящую за ним.

Мастер принимает заблуждение, чтобы принять истину. Как только возникает истина, как только она принята, заблуждение исчезает само по себе. Не нужно бороться с тьмой — вот в чем смысл. Просто зажгите свечу. Не нужно бороться с тьмой — просто зажгите свечу. Мастер зажег в этом человеке свечу.

Есть еще одна, но более дзенская, история о другом мастере — практически такая же, но все же немного более дзенская.

Однажды в полночь, когда мастер Тайган писал письмо, в его комнату вошел вор с обнаженным мечом в руке. Глядя на вора, мастер спросил: «Что ты хочешь — деньги или мою жизнь?»

Это более по-дзенски — он даже не дает вору возможности сказать что-либо. Шичири, по крайней мере, дал ему шанс: *«Вор с острым мечом в руках вошел в комнату Шичири и потребовал деньги или его жизнь»*. Тайган поступил лучше. Возможно, Тайган жил позднее и слышал историю о Шичири. Он не дает вору такой возможности. Он говорит ему: *«Что ты хочешь — деньги или мою жизнь? И то и другое не имеют значения — бери, что тебе надо. Выбор за тобой»*.

«Я пришел за деньгами», — ответил, немного оробев, вор.

Мастер — он никогда раньше не встречался с таким драконом — говорит: *«Что ты хочешь — деньги или мою жизнь?»* И он, не задумываясь, готов отдать: *«Выбор за тобой»*. Нет ни осуждения, ни ничего подобного. Даже если бы вор выбрал жизнь, Тайган отдал бы ее. Все, что должно быть отнято, лучше отдать самому. Рано или поздно жизнь закончится — к чему о ней беспокоиться? Приходит смерть — пусть вор насладится этим моментом.

«Я пришел за деньгами», — ответил, немного оробев, вор.

Мастер достал свой кошелек и передал его вору со словами: «Вот, пожалуйста!» Затем он, как ни в чем не бывало, вернулся к письму.

Вор почувствовал себя очень неловко и с благоговейным трепетом покинул комнату. «Эй! Постой!» — позвал его мастер.

Вор остановился, весь дрожа. «Почему бы тебе не закрыть дверь?» — сказал мастер.

Спустя несколько дней, когда вор был пойман, он сказал: «Я промышлял грабежом много лет, но никогда я так сильно не боялся, как в тот момент, когда буддийский мастер крикнул мне: „Эй! Постой!“ Я до сих пор дрожу от страха».

«Этот человек очень опасен, я его никогда не забуду. Когда меня выпустят из тюрьмы, я пойду к нему. Я никогда в своей жизни не встречал такого человека! У меня в руке был обнаженный меч, а ему хоть бы что. Он сам — обнаженный меч».

Всего несколько слов — «Эй! Постой!» — и вор сказал: «Я до сих пор дрожу от страха».

Когда вы близко подходите к мастеру, он вас убивает. Как вы можете убить мастера? Даже если у вас обнаженный меч, вы не можете убить мастера; это мастер вас убивает. И он убивает вас так тонко, что вы даже не осознаете, что вас убили. Вы начинаете осознавать это, только когда возрождаетесь. Вдруг в один прекрасный день вы — уже не такой, как раньше. Внезапно ваше старое «я» исчезает. Внезапно все становится новым и свежим — в вас поют птицы и распускаются новые листочки. Застоявшаяся река снова течет — вы движетесь к океану.

Еще одна история:

Мастера дзен несколько раз сажали в тюрьму...

Еще один шаг вперед! Эти мастера дзен — поистине очень эксцентричные, безумные люди, но они совершают прекрасные вещи. «Мастера дзен несколько раз сажали в тюрьму». Итак, одно дело простить вора, не считать его плохим, другое — самому пойти в тюрьму. И не раз — за кражу всяких мелочей у соседей. Соседи знали и недоумевали: зачем этот человек ворует? И такие пустяки? Но как только его выпускали из тюрьмы, он снова совершал кражу, и его снова сажали. Даже судьи начали беспокоиться. Но они были вынуждены отправлять его в тюрьму, потому что он во всем сознавался. Он никогда не говорил: «Это не я украл»

В конце концов, соседи собрались вместе и сказали ему: «Господин, не надо больше воровать».

То есть: «Вы уже старый человек, мы готовы обеспечивать вас всем необходимым — всем, что вы пожелаете. Прекратите воровать! Мы очень волнуемся за вас. Зачем вы это делаете?»

Старик рассмеялся и сказал: «Я ворую, чтобы быть на дружеской ноге с заключенными и донести до них сокровенную весть».

Это значит: «Кто им поможет? На свободе много мастеров, но в тюрьме нет ни одного. Кто им поможет, скажите мне на милость? Поэтому вот таким способом я проникаю в тюрьму и помогаю этим людям. А когда срок наказания заканчивается и меня выгоняют, мне приходится снова что-нибудь красть, чтобы вернуться обратно. Я собираюсь продолжать свое дело. И я обнаружил, что в тюрьме есть такие прекрасные, такие невинные души — иногда гораздо прекраснее и невиннее...»

Однажды один из моих друзей стал губернатором штата в Индии, и он позволил мне поездить по тюрьмам всего штата. Я ездил много лет и был очень удивлен. Люди в тюрьмах гораздо невиннее, чем политики, богачи и так называемые святые. Я знаю почти всех святых Индии. Они хитрее. Я увидел в преступниках такие невинные души... Я хорошо понимаю замысел этого старого дзенского мастера — воровать, попадать в тюрьму и доносить до них весть: «Я ворую, чтобы быть на дружеской ноге с заключенными и донести до них сокровенную весть».

В дзен нет системы ценностей. Дзен приносит в мир одну-единственную вещь: понимание, осознание. Через осознание приходит невинность.

Невинности неведомо ни добро, ни зло. Невинность — это просто невинность, она не знает различий.

И последняя история. Она о Рьокане, который очень любил детей. И что вполне можно ожидать от такого человека, он сам был ребенком. Он был таким ребенком, о котором говорил Иисус. Он был так невинен, что просто не верилось, что человек может быть таким невинным. В нем не было ни хитрости, ни ума. Он был настолько невинным, что люди думали, что он немного не в себе.

Рьокан любил играть с детьми. Он играл с ними в прятки, в салки, в мяч. Однажды вечером пришла его очередь прятаться, он очень хорошо спрятался под стогом сена в поле. Темнело, и дети, не найдя его, ушли с поля.

Рано утром пришел фермер и убрал стог сена. Обнаружив под ним Рьокана, он воскликнул: «О, Рьокан-сама! Что вы здесь делаете?»

Мастер ответил: «Тсс! Не так громко, а то дети найдут меня».

Всю ночь под стогом сена он ждал детей! Такая невинность — это дзен, такая невинность божественна. Такая невинность не знает различия между добром и злом, между этим миром и иным, между этим и тем. Такая невинность — это то, что называется таковостью.

Таковость — сокровенная суть религиозности.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

